

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГОУ ВПО «ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

2 / 4 / 2010

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 2 номера в год

Серия

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы)
(председатель Редакционного совета);

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент
(Волгоградская академия государственной службы);

К. О. Магомедов, д-р социол. наук, профессор
(Российская академия государственной службы);

Г. В. Орлов, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградский архитектурно-строительный университет);

А. В. Понеделков, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы
Ростов-на-Дону);

А. М. Старостин, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы,
Ростов-на-Дону);

Ю. И. Тарский, д-р социол. наук, профессор
(ПАГС, Саратов)

Главный редактор:

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент

Зам. главного редактора:

О. В. Байдалова, д-р социол. наук, профессор

Ответственный научный секретарь:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Н. Х. Атаян, д-р экон. наук, профессор;

Ю. Д. Гражданов, д-р ист. наук, профессор;

Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;

В. А. Пилипенко, канд. филос. наук, доцент;

Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;

А. В. Миронов, д-р социол. наук, профессор

Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

Адрес редакции: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

vestnik_polit@vags.ru

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАГС
2010**

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию очередной номер журнала «Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология. Выпуск 4». Формируя содержание выпуска, редакция руководствуется принципом ставить на передний план темы, имеющие важное теоретическое и практическое значение. В основных рубриках журнала (политология, социология, гуманитарное знание) актуальный материал представлен не только учеными ФГОУ ВПО ВАГС, но и исследователями других регионов Российской Федерации – Москвы, Ростова-на-Дону, Саратова, Астрахани.

Первый раздел журнала открывается работой д-ра полит. наук *В. А. Колесникова* (Волгоград) о содержательности и идентификации местного самоуправления как реальности политической практики: исследовательский опыт Юга России.

Оригинальные статьи предложили профессора: д-р филос. наук *С. Г. Чукин* (Санкт-Петербург) – к осмыслению феномена справедливости в разделенных обществах на основе трансверсального подхода; д-р полит. наук *А. И. Бардаков* (Волгоград) – по аналитике просвещения в категориях политики и культуры. В актуальном материале политолога ФГОУ ВПО СКАГС доцента канд. полит. наук *Л. Л. Ивановой* (Ростов-на-Дону) исследуется мотивация как фактор побуждения государственных служащих к эффективно-результативной деятельности. Особого внимания заслуживает статья аспиранта ФГОУ ВПО ПАГС *А. Е. Сабурова* (Саратов) на тему легитимации государственного контроля в современном российском обществе.

Во втором разделе представлены статьи по различным аспектам социологической науки и социального развития. В ряду оригинальных работ особо отметим статьи: *Н. В. Разгонниковой, А. И. Корниковой* (Астрахань) «Динамика отношения населения Астраханской области к мигрантам за 2007–2009 гг.: социологический анализ»; оригинальный материал канд. социол. наук *А. С. Крапивенского* (Волгоград) «Социологический и социально-психологический подходы к определению концепта «информационная безопасность» в рекламной коммуникации». Несомненный интерес представляют работы канд. филос. наук *С. Г. Лагутина* (Волгоград) о профессиональном развитии государственных служащих, канд. социол. наук *А. В. Одинцова* (Волгоград) о неэффективных административных барьерах – потенциал преодоления в Волгоградской области, статья канд. филос. наук *Д. В. Евдокимцева* (Волгоград) об исследовании жизни социокультурных систем как феномена непрерывного обучения в контексте объяснительных возможностей «теории катастроф».

Третий раздел открывает проблемная статья *В. В. Крутовой* и *Е. С. Алтуниной* (ВАГС) о сравнительном анализе социально-психологических особенностей мужчин и женщин, совершивших убийство. Весьма важной представляется работа *А. Ю. Клейтман* и канд. ист. наук *А. Л. Клейтмана* (ВАГС), посвященная исторической памяти и механизмам социокультурной преемственности. Д-р филос. наук проф. ВАГС *Р. А. Данакари*, представил интересный материал в поисках новых концептуальных подходов в аспекте исследования феномена этнического бытия, а для осмысления прагматонимов как средства художественной характеристики оригинальную статью предложила *Н. Л. Шведова*.

Научная жизнь Академии представлена научной аналитикой *А. Л. Клейтмана*, *Е. В. Тимачевой* о состоявшемся в стенах ВАГС 7–10 сентября 2010 г. Международном симпозиуме «Вторая мировая война: немцы и русские 65 лет спустя».

В разделе рецензируемых материалов проф. *С. Г. Чукиным* (Санкт-Петербург) дана оценка фундаментальной монографии *А. И. Бардакова* «Власть и управление в формах коллективной жизни».

Редакция считает правильным и впредь включать в содержание разделов журнала предлагаемые к публикации работы аспирантов по актуальным аспектам диссертационных исследований, намерена усилить аналитическую составляющую научной работы со студентами.

Главный редактор
д-р полит. наук **В. А. Колесников**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Колесников В. А.
Местное самоуправление как реальность политической практики: исследовательский опыт Юга России..... 5

Чукин С. Г.
Справедливость в разделенных обществах: трансверсальный подход..... 13

Бардаков А. И.
Просвещение в категориях политики и культуры..... 21

Гермаш Т. А.
Корпоративизм в XX веке: эволюция политических систем..... 26

Иванова Л. Л.
Мотивация как фактор побуждения государственных служащих к эффективно-результативной деятельности..... 29

Сабуров А. Е.
Легитимация государственного контроля в российском обществе..... 34

СОЦИОЛОГИЯ

Разгонникова Н. В., Корникова А. И.
Динамика отношения населения Астраханской области к мигрантам за 2007–2009 гг.: социологический анализ..... 37

Крапивенский А. С.
Социологический и социально-психологический подходы к определению концепта «информационная безопасность» в рекламной коммуникации.... 52

Яковлева Т. Н.
Социологический портрет директора современной школы..... 57

Лагутин С. Г.
Профессиональное развитие государственных гражданских служащих: проблемы и тенденции..... 64

Одинцов А. В.
Неэффективные административные барьеры: потенциал преодоления в Волгоградской области..... 68

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Евдокимцев Д. В.
Жизнь социокультурных систем как непрерывное обучение и объяснительные возможности «теории катастроф»..... 75

THE CONTENT

POLITOLOGIYA

Kolesnikov V. A.
Local self-government as a reality of political practice: research experience of Southern Russia..... 5

Chukin S. G.
Justice in the divided societies: transversality the approach..... 13

Bardakov A. I.
Enlightenment in terms of politics and culture..... 21

Germash T. A.
Corporatism in the XX-th century: evolution of political systems..... 26

Ivanova L. L.
Motivation as a factor of encouragement of public servants for successful and effective work..... 29

Saburov A. E.
Legitimation of state control in Russian society..... 34

SOCIOLOGY

Razgonnikova N. V., Kornikova A. I.
The dynamics of relations between the population of Astrakhan region to migrants in 2007–2009 years: Sociological Analysis..... 37

Krapivensky A. S.
Sociological and socio-psychological approach to the «Information Security» in advertising communication..... 52

Yakovleva T. N.
Sociological portrait of the director of the modern school..... 57

Lagutin S. G.
Professional development of public servants: issues and trends..... 64

Odintsov A. V.
Inefficient administrative barriers: overcoming potential in the Volgograd region..... 68

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Evdokimtsev D. V.
A life of socio-cultural systems as a continuous learning and the heuristic potentiality of «Catastrophe Theory»..... 75

<i>Крутова В. В., Алтунина Е. С.</i> Сравнительный анализ социально-психологических особенностей мужчин и женщин, совершивших убийство.....	78	<i>Krutova V. V., Altunina E. S.</i> The comparative analysis of socially-psychological features of men and the women who have made murder.....	78
<i>Клейтман А. Ю., Клейтман А. Л.</i> Историческая память и механизмы социокультурной преемственности.....	82	<i>Kleytman A. Y., Kleytman A. L.</i> Historical memory and the mechanisms of socio-cultural succession.....	82
<i>Поломошнов А. Ф., Поломошнов П. А.</i> Модернизация в свете философии истории.....	86	<i>Polomoshnov A. F., Polomoshnov P. A.</i> Modernization in view of the philosophy of history...	86
<i>Данакари Р. А.</i> Этническое бытие: в поисках новых концептуальных подходов.....	94	<i>Danakari R. A.</i> Ethnic Genesis: in search of new conceptual approaches.....	94
<i>Шведова Н. Л.</i> Прагматонимы как средство художественной характеристики.....	105	<i>Shvedova N. L.</i> Pragmatonims as a device of artistic characterization.....	105
<i>Австрийсков А. М.</i> Молодежь в меняющемся обществе.....	107	<i>Avstrijskov A. M.</i> Young people in changing societies.....	107
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ		SCIENTIFIC LIFE OF THE ACADEMY	
<i>Клейтман А. Л., Тимачёва Е. В.</i> Вторая мировая война в современной историографии и общественной мысли России и Германии (информационный обзор немецко-русской конференции «Вторая мировая война: немцы и русские 65 лет спустя»).....	110	<i>Kleitman A. L., Timacheva E. V.</i> World war II in modern historiography and public thought of Russia and Germany (information review of German and Russian conference «World War II: the Russian and the German 65 Years Ago»).....	110
РЕЦЕНЗИИ		REVIEWS	
Рецензия на монографию <i>Бардаков А. И.</i> Власть и управление в формах коллективной жизни. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006. – 224 с.	113	Review of the monograph <i>Bardakov A. I.</i> Power and control in the form of collective life. – Volgograd: Publishing House FGOU VPO VAGS, 2006. – 224 p.	113
Отзыв на рукопись монографии <i>Перерва Е. В.</i> Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология). – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 208 с.	116	Review the manuscript books <i>Pererva E. V.</i> Vakurovsky burial ground of Krasnoyarsk ancient settlement of the Golden Horde Epoch (archaeology and anthropology). – Volgograd: Publishing House FGOU VPO VAGS, 2010. – 208 c.	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	117	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	117

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 352.075

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК РЕАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ЮГА РОССИИ

В. А. Колесников

В статье рассматривается проблема политической идентификации местного самоуправления в современной России. Автор выявляет основные направления исследования местного самоуправления как социально-политического института в рамках развивающейся политической науки в работах российских ученых и, прежде всего, исследователей-политологов Юга России за период 2004–2010 гг.

Ключевые слова: политическая наука, политическая муниципалистика, муниципальная политика, муниципальная власть, местное самоуправление как политический феномен, социально-политические аспекты исследования местного самоуправления, политические факторы муниципального развития.

LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A REALITY OF POLITICAL PRACTICE: RESEARCH EXPERIENCE OF SOUTHERN RUSSIA

V. A. Kolesnikov

The article touches upon the problem of political identification of local government in Russia. The author identifies the main directions of investigations of local government as a socio-political institution within the developing political science in the researches of scientists and political researchers of Southern Russia for the period of year 2004–2010.

Keywords: political science, municipal politics, municipal authorities, local self-government as a political phenomenon, the socio-political aspects of the study of local government, political factors of municipal development.

В устойчивом развитии местного самоуправления одна из основ упрочения конституционного строя – обеспечение народовластия в современной России, согласно Конституции РФ и Закону №131-ФЗ (2003 г.). Подчеркнем, что в установленном ВАК РФ паспорте специальности по политическим наукам по направлению 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» для соискателей научных степеней кандидата и доктора политических наук закреплена такая наукоемкая область исследования, как «политические аспекты развития местного самоуправления». В настоящей статье ориентиром являются основные направления исследования местного самоуправления в рамках развивающейся отечественной политической науки, посредством которых представляется возможным сформировать целостное представление: об особенностях социально-политической идентификации местного самоуправления и исследовании муниципальной политики как объекта политической науки, основных принципах местного самоуправления как функционирующего властного института в трехуровневой системе российской публичной власти, вычленив факторы, объективирующие развитие местного

самоуправления как формы народовластия, конституционной основы утверждения демократического строя в современной России.

Исходя из определенности целевого ориентира, выделим следующие познавательные составляющие, которые попытаемся охарактеризовать на конкретных примерах научных исследований по социально-политической тематике местного самоуправления. Подчеркнем, что особый интерес для нас представляют, *прежде всего*, работы исследователей-политологов Юга России за пятилетний период с 2004 по 2010 гг. В связи с этим предпримем попытку:

- дать обзор важных научно-практических конференций (международных, всероссийских, региональных) за указанный период, на которых в той или иной мере рассматриваются социально-политические проблемы местного самоуправления;
- вычленив многообразие тематической направленности диссертационных защищенных работ (на степень доктора политических наук и кандидата политических наук по специальности 23.00.02) по политической проблематике местного самоуправления;

- охарактеризовать фактор монографических публикаций, сборников и научных материалов, статей (преимущественно в указанный период), свидетельствующих о возрастании интереса ученых-политологов к указанной области исследования;

- отметить особую роль эмпирической составляющей и прикладных социологических исследований по аспектам социально-политической идентификации местного самоуправления, осуществления муниципальной политики и проведения муниципальной реформы в современной России.

Если обратиться к массиву международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций, актуализирующих политические аспекты местного самоуправления, то целесообразно выделить четыре основных вида научно-практических конференций в спектре данной проблематики:

Первый вид, это научно-практические конференции, на которых местное самоуправление является центральной темой, наличествуют доклады и материалы, характеризующие его политическое содержание. Например, Российско-германская научно-практическая конференция «Инновации в местном самоуправлении: Юг России в контексте национального и европейского опыта» (СКАГС, май 2005 г.). Важнейшей составляющей в работе конференции явилось осмысление политических аспектов повышения эффективности местной власти. Примечательны следующие тематические доклады участников: *Кулиев Ф. М.* Местное самоуправление в политической системе Российской Федерации; *Голубева Т. Г.* Муниципальная реформа: попытка осуществления политической модернизации; *Никотин А. Д.* Местное самоуправление в России и проблема развития демократии; *Рыбиков Р. А.* Федеральные отношения и местное самоуправление в современной России; *Кислицкая Н. А.* Противоречия модернизации системы местного самоуправления в России; *Колесников В. А.* Муниципальные интересы в современной России: особенности исследования и обеспечения; *Голубев Н. Н.* Политические и правовые аспекты развития местной власти; *Герман Р. Э.* Местное самоуправление: между государством и гражданским обществом; *Стрюковский В. И.* Самоуправление – гражданское общество – государство; *Аствацатурова М. А.* Местное самоуправление в стабилизации межэтнических отношений и управлении этнокультурным процессом [1. С. 3–7; 27–31; 35–38; 43–46; 80–94; 210–254].

Логичным продолжением комплексного постижения учеными из СКАГС современной муниципальной политической практики явилось проведение 3 апреля 2010 г. Международной научно-практической конференции «Местное самоуправ-

ление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России)» совместно с исследователями многих российских регионов (соучредители СКАГС, ВАГС, ПАГС, Волго-Вятская академия государственной службы, Коми республиканская академия государственной службы и др.) и иностранными специалистами из «Фонда имени Фридриха Эберга» – сопредседатели оргкомитета конференции В. В. Рудой, Р. Крумм.

В опубликованных материалах данной конференции на основе современных исследований и обобщений муниципальной практики рассмотрены проблемы взаимодействия государственной и муниципальной власти, реформы местного самоуправления и развития муниципальной службы, выборного процесса и информационного обеспечения деятельности муниципалитетов, оказания муниципальных услуг и др. Политико-акцентированная тематика рельефна в большинстве докладов, например, в таких, как: *Наумов С. Ю.* Антикоррупционная политика в деятельности муниципальных органов власти (Саратов); *Игнатов В. Г.* Развитие современной системы органов представительной и исполнительной власти, муниципальной службы России и Германии (Ростов-на-Дону); *Валеев Х. А.* Подготовка кадров для муниципальной службы как основа политической стабильности территории (Уфа); *Фомин О. Н.* Политическая культура местного самоуправления в России и Германии (Саратов) и др. [2. С. 128–141; 205–209; 218–221; 255–268].

К данному виду конференций следует отнести и Международный научный форум в Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург, июнь 2004 г.) на тему: «Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность», где в значительной мере акцентированы исторический подход и теоретико-методологические аспекты взаимодействия местной и государственной власти. Содержательны, например, следующие доклады и сообщения: *Китаев П. М.* Муниципальная реформа: правовые аспекты; *Плеханов Г. В.* Общественные объединения между государственной властью и местным самоуправлением; *Сироткин А. М.* Муниципальные выборы как форма политической коммуникации; *Евсеев А. В., Медов А. О.* Реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации: теоретико-методологический аспект [3].

Второй вид научно-практических конференций характеризуют те, на которых политические аспекты местного самоуправления как научного и практического феномена выявляются в контексте осмысления формирующегося российского политического элитизма, обеспечения качества государственного управления и взаимодействия

уровней власти, развития политической науки в России. В качестве примера отметим опыт: Всероссийской научно-практической конференции «Взаимодействие уровней власти в условиях федерализма» (Ростов-на-Дону: СКАГС, 2002 г.); Международной научно-практической конференции «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития» (Ростов-на-Дону, 2009 г.) – организована ЮНЦ РАН, Северо-Кавказской академией государственной службы, ведущими научными центрами Юга России (участвовало 15 организаций, в числе соучредителей Волгоградская академия государственной службы, Краснодарский госуниверситет, Ставропольский госуниверситет и др.) при поддержке «Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации». Интересна тематика докладов по социально-политической идентификации местного самоуправления, представленных исследователями на этой международной научно-практической конференции: *Ароян А. С.* Проблема местного самоуправления как политического института в трудах исследователей Юга России (СКАГС, Ростов-на-Дону); *Голубева Т. Г.* Концептуальные подходы к формированию теории местного самоуправления в России (СКАГС, Ставрополь); *Заможных Е. А.* Местное самоуправление: политологический аспект анализа (СГУ, Ставрополь); *Колесников В. А.* Муниципальная политика как феномен исследования (ВАГС, Волгоград); *Ляхов В. П.* Государственная политика России по формированию местных сообществ и местного самоуправления в современных условиях (политологический анализ) (Совет муниципальных образований Ростовской области, Ростов-на-Дону) [4. С. 10; 14; 22; 23; 29; 30].

Интересен также опыт Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров» (Волгоград: ВАГС–СКАГС, 2009 г.). В материалах последней конференции интересующую нас муниципальную проблематику представляют пленарный доклад и выступления на тематических секциях: *Рудого В. В.* Актуальные проблемы подготовки кадрового резерва органов государственной власти и местного самоуправления; *Бардакова А. И.* Предпосылки элитарности субъектов муниципальных отношений; *Колесникова В. А.* Зарубежный опыт государственного и муниципального управления и формирование политической культуры управленческой элиты; *Байдаловой О. В.* Диагностика кадрового потенциала органов государственной власти и муниципального управления (социологический анализ); *Носачева П. В.* К проблемам взаимоотношений органов местного самоуправления и государственной власти и др. [5. С. 3–14].

Третий вид научно-практических конференций характеризует содержательность местного самоуправления в контексте исследований политической и управленческой регионалистики. Важные аспекты и политическая идентификация местной власти выявляются здесь и в связи с обеспечением интеграции в системе управления и обеспечения административной реформы в современной России. Показательны, например: научно-практическая конференция «Проблема разработки и внедрения региональных целевых программ поддержания, становления и развития государственной службы российского казачества, казачьего местного самоуправления, привлечения казачьих обществ к организации военно-патриотического воспитания молодежи» (состоялась в СКАГС, 5.09.2008 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров на региональном уровне: опыт, проблемы, пути, решение» (Представительство Президента РФ в ЮФО, администрация Ростовской обл., проведена в СКАГС в 2009 г.); научно-практическая конференция «Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность» (СКАГС, Пятигорский филиал, 2009 г.). В материалах вышеотмеченной конференции интерес представляют доклады: *Малаховой Г. Н.* Методология исследования управленческого потенциала муниципальных образований при разработке стратегий социально-экономического развития; *Косенок О. Н., Киселевой Н. Н.* Теоретико-методологические подходы к стратегическому планированию социально-экономического развития малых городов России; *Тимченко В. А.* Местное самоуправление как фактор становления гражданского общества в современной Российской Федерации; *Киселева В. В., Киселевой Н. Н.* Стратегии эколого-ориентированного развития муниципального образования. Во вторую часть опубликованного по итогам конференции сборника включен раздел «Власть, политика, управление», в котором представлены наиболее содержательные доклады по политическим аспектам местного самоуправления. Например, *Рудой В. В.* Русская и западная общественно-политическая мысль о местном самоуправлении и современная практика муниципального строительства; *Ароян А. С.* Субсидиарность как стратегический ориентир социальной политики муниципальных образований; *Филатова Ж. В.* Деятельность казачьих органов местного самоуправления в Тверской области в 1917 г.: ракурс «новой локальной истории» и др. [6. С. 16–28; 169–178; 198–306; 388–392].

Четвертый вид научно-практических конференций отражает многообразие преобразова-

тельных процессов в современной российской действительности, где фактор местного самоуправления является как социально-политическую определенность, а с этим пространственно-локальную территориальную данность и объективацию развития, так и властное воздействие местных органов на преобразовательные процессы. Отметим некоторые из этого вида научно-практических конференций (обширного своей тематической полифонией):

- Всероссийская научно-практическая конференция «Динамика социально-территориальной структуры современного российского общества» (организаторы: МГУ им. М. В. Ломоносова, ВАГС, Российская социологическая ассоциация – РоСА и др.), состоялась в ФГОУ ВПО ВАГС 28–29 апреля 2008 г. Здесь всесторонне рассматривались модели территориального развития и взаимодействия субъектов федерации и муниципальных образований, как локальных территорий Российской Федерации (особо содержателен IV раздел изданного по результатам конференции сборника о социально-политических факторах территориального влияния на жизнь, политическую культуру, политическую толерантность). Социально-политическая определенность местного самоуправления как фактора развития локальных муниципальных территорий представлена в ряде исследовательских материалов: *Колесников В. А.* Территориальный фактор обеспечения местного самоуправления в современной России; *Новокрещенов А. В.* Территориальная организация местного самоуправления в контексте общей теории самоорганизации; *Рязанцев И. Л.* Социально-территориальная стратификация и модели территориального поведения россиян; *Моисеенко О. Ю.* Социально-территориальная структура и границы локальных территориальных образований: опыт исследования [7. С. 14–18; 19–22; 61–64; 64–68];

- Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся 4 апреля 2008 г. в Волгограде «Экологические аспекты сохранения исторического и природно-культурного наследия» (организаторы: ФГОУ ВПО ВАГС, ООО «Лукойл-Нижневожскнефть»), на которой выявлены взаимосвязи политической составляющей, состояния экологической среды, исторического и природно-культурного наследия, муниципального развития в современной России. Интересны следующие доклады: *Колесников В. А.* Экологический фактор муниципальных интересов в современной России; *Лукьянова М. Н., Муха Т. П.* Будущее Волгограда – проект «Полиэтнокультурный парк»; *Чикильдина А. Ю.* Необходимость развития общественного экологического контроля (на примере Волгоградской области) и др. [8. С. 9–12; 12–15; 118–127];

- Всероссийская научная конференция «Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика», проходившая 9–10 октября 2008 г. в Ростове-на-Дону (ЮНЦ РАН, Институт СЭГИ), посвященная исследованию различных аспектов развития Юга России как полиэтнического макрорегиона (в фокусе конференции комплексная аналитика проблем полиэтноразвития и функционирования языка культуры, политики, экономики на территории ЮФО). Интересующая нас социально-политическая идентификация местного самоуправления здесь выявляется в контексте осмысления этнополитического развития в местных сообществах и в связи с формированием этнополитической устойчивости в городской среде и муниципальных образованиях. Обращают на себя внимание доклады: *Рыблова М. А., Тюменцев И. О.* Казачество Волгоградской области: проблемы самоидентификации – (авторами представлен анализ этносоциологического опроса в казачьих поселениях Серафимовичского района Волгоградской области, проведенного сотрудниками Лаборатории региональной истории и казачества ЮНЦ РАН в 2007 г.); *Лысенко Г. В.* Межэтнические отношения в молодежной среде: социологический анализ (на примере Волгограда); *Колесников В. А.* Муниципальные интересы: факторы обеспечения в российском регионе; *Иванова С. Ю.* Гражданско-патриотическое воспитание как фактор стабилизации полиэтнического социума в современных условиях и др. [9. С. 119–122; 144–147; 182–186; 256–259].

Анализируемая тематика диссертаций и авторефератов, защищенных и представляемых к защите работ на степень доктора политических наук и кандидата политических наук по специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» (п. 14 направление «Политические аспекты развития местного самоуправления») позволяет выделить основные типы диссертационных исследований, исполненных по данным аспектам.

Первый тип представляют диссертации с нацеленностью на исследование особенностей функционирования муниципальной власти как социально-политического феномена и выявление своеобразия субъектной составляющей политического реформирования местного самоуправления в современной России. Это, например, диссертации: *Корсунов Д. А.* Функционирование муниципальной власти в условиях реформы местного самоуправления (на материалах Ростовской области): политологический анализ (канд. полит. наук, СКАГС, 2008 г.); *Воронько Т. Л.* Представительная власть на местном уровне: проблема становления и эффективности в современной России

(канд. полит. наук, СКАГС, 2007 г.); *Буров А. В.* Система оценки деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований (элитологический аспект) (канд. полит. наук, СКАГС, 2008 г.); *Рудаков П. В.* Политическое реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации (на примере городов Черноморского побережья России) (канд. полит. наук, КубГУ, 2009 г.). Представляя положительный отзыв на данную диссертационную работу в Д 212. 101. 11 при ГОУ ВПО «Кубанский университет», мы (*К. В.*) отметили: «Актуальность диссертационного исследования не вызывает сомнения, так как в интересах российской политической науки необходима комплексная научная оценка политического реформирования системы местного самоуправления в современной России. Следует согласиться с утверждением автора (*П. В. Рудакова*) о необходимости совершенствования форм государственного регулирования местного самоуправления, создания возможностей развития гражданского общества, гарантий прав и свобод граждан, определения ответственности органов местной власти за принимаемые решения».

Второй тип представляют диссертационные исследования социально-политических аспектов местного самоуправления, связанные с факторами утверждения демократии в России, обеспечения муниципальных интересов, процессами взаимодействия государственных и муниципальных органов власти, местного сообщества и формирующихся институтов гражданского общества. Отметим некоторые из таких работ: *Коломиец И. К.* Местное самоуправление как механизм формирования гражданского общества (канд. полит. наук, СКАГС, 2005 г.); *Ревагина Н. Г.* Образовательные системы и технологии в процессе формирования региональной и местной административной современной элиты (канд. полит. наук, СКАГС, 2005 г.); *Кириченко А. С.* Политико-административное реформирование и управление казачьими образованиями Юга России (на материалах Ростовской области) (канд. полит. наук, СКАГС, 2005 г.); *Колесников В. А.* Муниципальные интересы в современной России: социально-политические особенности и факторы обеспечения (д-р полит. наук, ВАГС, 2006 г.). В данном труде автор систематизировал аспекты и исследовал факторную составляющую социально-политической объективации местного самоуправления как властного института, классифицировал типы муниципальных интересов на основе «сферного подхода», проанализировал субъектный потенциал обеспечения муниципальных интересов, формы и особенности взаимодействия государственных и муниципальных органов власти в условиях муниципальной реформы, обес-

печения демократического политического процесса в современной России [10].

Третий тип представляют диссертации, в которых исследуется политическая проблематика местного самоуправления в соотношении с развитием регионов России, обеспечением качества муниципальной практики на основе улучшения качества местной политико-административной элиты, повышения ответственности и эффективности органов местной власти. В качестве примера приведем следующие диссертационные работы: *Чубарь А. П.* Формирование региональной и муниципальной элиты России: постсоветский опыт (канд. полит. наук, СКАГС, 2004 г.); *Голубев Н. Н.* Политические аспекты развития местного самоуправления (на примере регионов ЮФО) (канд. полит. наук, СКАГС, 2005 г.); *Ткаченко А. И.* Политическая компетенция исполнительной власти муниципального района в системе местного самоуправления (канд. полит. наук, ВАГС, 2006 г.). В этой диссертации предложена оригинальная концепция реализации политической компетенции районной исполнительной власти (за основу взят опыт Николаевского муниципального района Волгоградской области), обоснованы принципы взаимодействия районного уровня власти с исполнительными органами городских и сельских поселений, систематизированы взаимосвязи с исполнительными органами региональной и федеральной власти, представительными органами народовластия в контексте обеспечения политической стабильности в российских регионах.

Анализируя состояние с научным осмыслением современных социально-политических аспектов местного самоуправления в рамках отечественной политической науки, отметим значимый к учету фактор монографических трудов, сборников и научных и учебно-методических материалов, подтверждающий возрастание интереса к указанной области исследования. Здесь аккумулятивная составляющая политической идентификации местного самоуправления и муниципальной практики доступна как аналитикам и практикам местного самоуправления, так и широкому кругу читателей.

По этому направлению выделим, во-первых, монографии с ориентиром на целостное исследование местного самоуправления как института политической жизни, с направленностью на обусловливающие «аспекты политического развития местного самоуправления». В частности, укажем на работы: *Игнатов В. Г., Рудой В. В.* Местное самоуправление¹; *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Автономия или контроль?

¹ *Игнатов В. Г., Рудой В. В.* Местное самоуправление. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2001. – 416 с.

Реформа местной власти в городах России, 1991–2000¹. В данном научном труде осуществлено комплексное исследование местного самоуправления как базового политического института современной России на основе методологии политической науки в аспектах аналитического сопоставления форм политической автономии и контроля применительно к истории и современности. Согласимся не только с аргументацией, но и с ключевым выводом, предложенным в заключении авторами: «Есть основания полагать, что немногие элементы местной автономии могут быть принесены в жертву во имя идеи «вертикали сильной власти» [11. С. 319].

Интерес представляют, во-вторых, и специальные монографические исследования: *Баксаляр В. В.* Проблемы реформирования системы муниципального управления в постсоветской России²; *Шварцман Н. И.* Политический механизм формирования и координации государственной и муниципальной экономики и политики в современной России³. Научоемкими являются также монографии юристов, историков, в которых осмысливается властная проблематика современного российского местного самоуправления. Например: *Буров А. Н.* Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика⁴. В данный познавательный-исследовательский блок представляется правильным включение и сборников по результатам научно-практических конференций по социально-политической тематике местного самоуправления, например: *Инновации в местном самоуправлении: Юг России контексте национального и европейского опыта. Российско-Германская научно-практическая конференция*⁵.

В-третьих, существенны работы (монографии, научные сборники), исполненные с акцентом на углубленное исследование процесса, объективирующего политико-социальное развитие местного самоуправления и характеризующего тот или иной конкретный аспект объективации наро-

довластия на местном уровне как явления политической практики, утверждения демократии в современной России. Отметим, например: *Бардаков А. И.* Власть и управление в формах коллективной жизни⁶; *Политическое управление и публичная политика XXI в.: Государство, общество и политические элиты*⁷. В указанном сборнике особо важными по интересующей нас тематике являются статьи политологов: *Сельцер Д. Г.* Новая номенклатура? Главы администраций городов и районов России, 1991–2005 гг.; *Понделков А. В. и Старостин А. М.* Региональные и местные административно-политические элиты: постсоветская эволюция (СКАГС). В этой статье авторами предложен анализ взаимообуславливающих механизмов: формирования, выстраивания карьерной лестницы, инфильтрации элит между собой за десятилетний период 1995–2005 гг. – с научными прогнозами в отношении элитной рекрутации и роли в данном процессе региональной бюрократии (которой «так и не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования административно-политической элиты») [12. С. 164–182; 183–204].

В-четвертых, динамичной составляющей формирующегося массива исследовательского материала, знаний и опыта по политическим аспектам местного самоуправления в современной России являются научные статьи, опубликованные в ведущих научных российских журналах: «Полис», «Государственная власть и местное самоуправление», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Муниципальная власть», «Государственная служба», «Государство и право», «Социс», «Мировая экономика и международные отношения» и др. В этих работах анализируется политическая и методологическая, политико-правовая, политико-экономическая, политико-социальная, политико-организационная и управленческая тематика местного самоуправления в Российской Федерации.

Отметим некоторые из таких работ: *Великая Н. М.* Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении⁸; *Шлихтер А.* Местное самоуправление в системе федерализма: проблемы России и опыт США⁹; *Алейников Н.* Взаимодействие как общий процесс развития: размышления о природе отношений государст-

¹ Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2000. – СПб. – М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

² Баксаляр В. В. Проблемы реформирования системы муниципального управления в постсоветской России. – Саратов: Изд-во ООО «Научная книга», 2005. – 199 с.

³ Шварцман Н. И. Политический механизм формирования и координации государственной и муниципальной экономики и политики в современной России. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004. – 253 с.

⁴ Буров А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2000. – 224 с.

⁵ Инновации в местном самоуправлении: Юг России контексте национального и европейского опыта. Российско-Германская научно-практическая конференция. (Тезисы выступлений. – Май 2005 г. Отв. ред. В. Г. Игнатов). – Выпуск первый. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2005. – 265 с.

⁶ Бардаков А. И. Власть и управление в формах коллективной жизни. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006. – 224 с.

⁷ Политическое управление и публичная политика XXI в.: Государство, общество и политические элиты / Ред. кол. О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) и др. – М.: РАПН РОССПЭН, 2008. – 408 с.

⁸ Великая Н. М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социс. – 2003. – №8. – С. 45–49.

⁹ Шлихтер А. Местное самоуправление в системе федерализма: проблемы России и опыт США // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 6. – С. 45–54.

венных и муниципальных институтов власти¹; *Голосова С. А.* Местное самоуправление и государственная власть: теоретические аспекты их соотношения²; *Туровский Р. Ф.* Местное самоуправление: к организации эффективной власти³; *Виноградова П. А.* Государственная политика в области местного самоуправления⁴; *Соловьев С.* Модели организации системы муниципальной власти: проблемы теории и практики⁵; *Колесников В. А.* Муниципальные интересы как теоретический и практический феномен⁶; *Ярошенко А. А.* Проблемы реформы организации системы органов власти местного самоуправления в Российской Федерации⁷; *Алпатов Ю. М.* Городское самоуправление в системе публичной власти Российской Федерации⁸; *Богданов А. В.* Правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с высшими учебными заведениями⁹.

Целостность материала о состоянии с социально-политической идентификацией и исследованиями МСУ неотделима от эмпирической составляющей, учета качества и состояния прикладных социологических исследований по аспектам социально-политической идентификации местного самоуправления, осуществления муниципальной политики и проведения муниципальной реформы в России. На этой основе предметна апробация результатов исследований социально-политических аспектов местного самоуправления, вырабатываются конкретные рекомендации и предложения, воплощаются практические модели повышения эффективности политического процесса на местном уровне. Посредством данной составляющей обеспечивается верификация научного поиска в системе местного народовластия

¹ *Алейников Н.* Взаимодействие как общий процесс развития: размышления о природе отношений государственных и муниципальных институтов власти // *Муниципальная власть*. – 2004. – № 1.

² *Голосова С. А.* Местное самоуправление и государственная власть: теоретические аспекты их соотношения // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2004. – № 5. – С. 3–6.

³ *Туровский Р. Ф.* Местное самоуправление: к организации эффективной власти // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 12.

⁴ *Виноградова П. А.* Государственная политика в области местного самоуправления / *Цивилист*. – 2006. – № 1. – С. 118–121.

⁵ *Соловьев С.* Модели организации системы муниципальной власти: проблемы теории и практики / *Муниципальное право*. – 2006. – № 1. – С. 44–47.

⁶ *Колесников В. А.* Муниципальные интересы как теоретический и практический феномен // *Государственная служба*. – 2006. – № 5. – С. 74–79.

⁷ *Ярошенко А. А.* Проблемы реформы организации системы органов власти местного самоуправления в Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2007. – № 7.

⁸ *Алпатов Ю. М.* Городское самоуправление в системе публичной власти Российской Федерации // *Государство и право*. – 2008. – № 3. – С. 93–97.

⁹ *Богданов А. В.* Правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с высшими учебными заведениями // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2009. – № 3. – С. 143–154.

и демократических институтов, деятельности политико-административной элиты и властных органов, процессов формирования политической культуры в местных сообществах (электоральной, например: участия и взаимодействия, ориентаций и политического выбора).

Говорить о развитой отечественной политической социологии в отношении местного самоуправления, видимо, рано. Вместе с этим в Российской Федерации активны многие исследовательские коллективы, формирующие и тип отечественной политической социологии (например, в РАГС, МГУ им. М. В. Ломоносова, в Санкт-Петербурге – коллектив С. И. Рыженкова, В. Я. Гельмана и др. – с выходом и на муниципальную практику [13. С. 78–98]).

На Юге России формирующаяся школа политической социологии действует в Ростове-на-Дону (СКАГС) с целевой исследовательской ориентацией на отечественные политические элиты, на развитие политической науки на Юге России (творческий коллектив под руководством В. В. Рудого, А. В. Понеделкова, А. М. Старостина). В рамках этих направлений осуществляются прикладные исследования и осмысление политической эмпирики, в том числе политических аспектов развития местного самоуправления. Отметим некоторые из практических исследований: *Муниципальная кадровая политика: образовательная составляющая повышения профессионализма (заказчик РАГС), Ростов-на-Дону: СКАГС, 2003; Социологическое исследование № 1: Административно-политические элиты России: респонденты 20 регионов России, Ростов-на-Дону: СКАГС, 2005; Подготовка методических рекомендаций по разработке и внедрению муниципальных целевых программ становления и развития государственной службы казачества, Ростов-на-Дону: СКАГС, 2008; Социологическое исследование № 8: Политическая наука на Юге России, Ростов-на-Дону: СКАГС, 2009.*

Исследования по отдельным аспектам политико-социологической аналитики в отношении местного самоуправления проводятся и в других научных центрах Юга России: Кубанском государственном университете, Ставропольском государственном университете, Волгоградском государственном университете, в ФГОУ ВПО ВАГС и др. В ВАГС, в связи с исследованиями реформирования местного самоуправления, издавался информационно-аналитический бюллетень «Экспертиза». В котором обобщались результаты исследования социально-политической ситуации в отдельных регионах, например, в Волгоградской и Астраханской областях в отношении к местной власти: доверие населения органам местного самоуправления,

особенности муниципальной электоральной ситуации, степень легитимности муниципальной власти и др. [14. С. 6–12; 53–56; 59–60]. В контексте исследований издавались коллективные аналитические сборники¹.

Укажем на важность того, что результаты прикладных исследований, как правило, задают глубину диссертационным исследованиям по местному самоуправлению. Например: *Гойхман В. Б.-Г.* Местное самоуправление в России как источник формирования коллективной идентичности (защитила кандидатскую диссертацию в ВАГС в 2006 г.); *Леденева В. В.* Административно-политическая элита крупного города: структура, механизмы влияния и взаимодействия с региональной элитой (защитила кандидатскую диссертацию в СКАГС в 2005 г.). В этой работе проведено панельное исследование ростовской городской политико-административной элиты 1995 г. и 2005 г. Как констатирует автор, за десять лет городская элита «стала в среднем на 5 лет старше, она стала более «женской» и более гуманитарной, чаще проходит переподготовку и повышение квалификации, в ее составе меньше лиц, имеющих опыт работы в прежней социально-политической системе, существенно (на 12 %) больше хозяйственников, уменьшилась и фракция, имеющая опыт работы в социальной сфере».

В заключение констатируем, что предложенная в настоящей статье научная информационно-обзорная аналитика обуславливает: важность обоснования политической муниципалитики как научного направления на «стыке» развивающейся политической науки и муниципальной науки в Российской Федерации; объективирует необходимость систематизации политических аспектов муниципальной власти и комплексный анализ факторов муниципальной политики; ориентирует научный поиск на исследование субъектного потенциала и особенностей реализации политической составляющей местного самоуправления, обеспечения муниципальной реформы в современной России.

Библиографический список

1. Инновации в местном самоуправлении: Юг России в контексте национального и европейского опыта: тезисы выступлений на российско-германской научно-практической конференции. (май, 2005). Выпуск первый / отв. ред. В. Г. Игнатов. – Ростов н/Д: Изд. СКАГС, 2005. – 265 с.
2. Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России):

материалы Международной науч.-практ. конф. (2010; Ростов-на-Дону) / ред.-изд. гр.: В. В. Рудой [и др.]. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. – 960 с.

3. II Международный научный форум: Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность / под общ. ред. А. С. Горшкова, А. А. Валецкого. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. – 222 с.

4. Программа Международной научно-практической конференции «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития». 20-летию современной политической науки в России посвящается (2009; Ростов-на-Дону). – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, СКАГС, 2009.

5. Программа Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров». Администрация Волгоградской области – ВАГС – СКАГС (16–17 ноября 2009 г.). – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2009.

6. Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность (2009; Ростов-на-Дону): материалы науч.-практ. конф. В 2-х ч. Ч. 1. – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – 470 с.

7. Динамика социально-территориальной структуры современного российского общества: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (2008; Волгоград). 28–29 апреля 2008 г. [] / отв. А. А. Огарков [и др.]. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ФПО ВАГС, 2008.

8. Экологические аспекты сохранения исторического и природно-культурного наследия: тез. докладов Всероссийской науч.-практ. конф. (2008; Волгоград) / редкол.: Г. В. Лысенко [и др.]. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008.

9. Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика (2008; Ростов-на-Дону): тез. докладов Всероссийской науч. конф., 9–10 октября 2008 г. / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

10. *Колесников, В. А.* Муниципальные интересы в современной России: монография / В. А. Колесников. – Волгоград: Изд-во ГОУВПО ВАГС, 2005. – 432 с.

11. *Гельман, В. и др.* Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2000 / В. Гельман, С. Рыженков, Е. Белокурова, Н. Борисова. – СПб.–М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

12. Политическое управление и публичная политика XXI в.: Государство, общество и политические элиты / ред. кол: О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) [и др.]. – М.: РАПН РОССПЭН, 2008. – 408 с.

13. Идеологические и политические ориентации в мегаполисах и провинциях (Социологическое исследование ИКСИ РАН) // Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. – М., 2003.

14. Экспертиза: Информационно-аналитический бюллетень [Текст]. Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003.

¹ Власть и общество: успешность деятельности властных структур в глазах жителей региона / А. Н. Бузов, Д. А. Дильман, П. В. Смолянский. – ФГОУ ВПО ВАГС. – Волгоград: РПК «Политехник» ВолгГТУ, 2006. – 242 с.

УДК 177.9

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ТРАНСВЕРСАЛЬНЫЙ ПОДХОД

С. Г. Чукин

В статье анализируется проблема концептуализации справедливости в современных обществах, онтологию которых определяет радикальный ценностный плюрализм. В качестве наиболее перспективного подхода к решению данной проблемы автор предлагает концепт трансверсального разума. Его отличает гибкость в обращении с разнородными представлениями о справедливости, позволяющая сохранить социальное единство без утраты индивидуальной идентичности.

Ключевые слова: справедливость, постмодерн, плюрализм, коммунитаризм, трансверсальность, разум, В. Вельш, Ж.-Ф. Лиотар.

JUSTICE IN THE DIVIDED SOCIETIES: TRANSVERSALITY THE APPROACH

S. G. Chukin

In article the problem of conceptualization justice in modern societies is analyzed, ontology which the radical valuable pluralism defines. As the most perspective approach to the decision of the given problem the author offers concept of transversality reason. It is distinguished by flexibility in circulation with diverse representations about the justice, allowing to keep social unity without loss of individual identity.

Keywords: justice, postmodern, pluralism, communitarianism, transversality, reason, W. Welsch, J.-F. Lyotard.

С распадом истинной общности возникло чувство неудовлетворенности, стремление к новым соединениям и тоска по утраченному. Место действительного единства и любви заступили псевдоидеалы братства и гуманности: сделавшись преступными, люди изобрели справедливость. Для ее оправдания были установлены законы, а для ее соблюдения изобретена гильотина.

Р. Лаут. Философия Достоевского

Относительно справедливости можно сказать то же, что Августин сказал о времени «у каждого есть какое-то представление о ней, но как только необходимо определить, что в той или иной ситуации является справедливым, сразу же начинаются ожесточенные споры». Это неудивительно, уже Аристотель, первым концептуализировавший справедливость, выделил несколько ее различных форм. А ведь с тех пор мир не стал проще. Джон Ролз по этому поводу также высказался вполне определенно: «Что считать справедливым, а что нет, – предмет бесконечных споров. На справедливость ссылаются все, но понимают ее по-разному». Сказанное относится и к полемике между либералами и коммунитаристами, развернувшейся в западной социально-философской мысли в конце прошлого столетия. Она хотя и не привела к существенному прогрессу в сближении сторон, но высветила ряд принципиально новых и важных проблем, затрагивающих все аспекты справедливости: фоновые условия, обоснование, применение, инстанции.

Своеобразным катализатором в этом процессе выступил постмодернизм, утвердившийся в качестве доминирующего духовного феномена в интеллектуальном пространстве Запада последней трети XX в. Постмодернисты заявили

о том, что «проект модерна», реализующийся в течение последних трехсот лет, себя дискредитировал, а потому должен быть «закрыт». Если попытаться свести все пункты обвинений, которые были выдвинуты против него, в одно обобщающее положение, то им окажется обвинение в несправедливости. «Проект модерна» несправедлив, потому что он подавлял и заглушал все другие формы жизни, системы ценностей и дискурсы, навязывал одномерное видение мира, препятствовал расцвету многообразия. Средством такой унификации и универсализации выступал разум, а потому на нем постмодернисты сфокусировали свою критику модерна.

Главная характеристика эпохи постмодерна – радикальный плюрализм ценностей, образов жизни, политических, экономических и социальных проектов, видов дискурса. Все они равноценны и не существует инстанции, которая ранжировала бы их по степени значимости или приближению к высшей истине. Потому что этой высшей истины не существует, равно как и центра власти и предпочтительных источников моральных и эстетических определенностей. И разумеется, это относится и к справедливости: не существует единого, общего для всех стандарта справедливости, ее критерия и управляющих инстанций.

Налицо существенное изменение исходных позиций для обсуждения справедливости. Сейчас невозможно говорить о справедливости, не принимая во внимание факт множественности форм и критериев справедливости. Очевидно также и то, что произошла переоценка ценностей и благ, доступ к которым считается мерилем справедливости: это уже не «потребительская корзина» с минимальным набором жизненно необходимых ресурсов. В состав современной справедливости включают признание, доступ к качественному образованию и медицинскому обеспечению, право на участие во власти. Расширяются инстанции справедливости: наряду с государством и правом к ее осуществлению привлекаются локальные сообщества и институты гражданского общества, а также новые субъекты социальной и культурной жизни, в частности, такой, как «неорганизованное множество» (Multitude).

Это свидетельствует об усложнении и без того не простой проблемы справедливости, требует более сложного языка для ее описания и больших нормативных ресурсов, чем те, что допускают классические учения. Соответственно и концептуальные решения, предлагаемые в рамках современных дебатов о справедливости, отличаются значительным разнообразием подходов. Оно проявляется по всем аспектам проблемы, начиная с того, что считать справедливым и заканчивая вопросами применения.

Suum cuique: новое вино в старые меха?

Классическая дефиниция того, что считать справедливым встречается уже в античности и звучит так: «Справедливость означает «каждому дать его» – *suum cuique tribuere*». Такое понимание можно найти у греческого поэта Симонида, у Платона, Аристотеля, Цицерона, а несколько позже – у Фомы Аквинского. Наибольшую известность приобрела ее формулировка римским юристом Ульпианом: «Справедливость есть постоянная и непрерывная воля давать каждому ему причитающееся» [5]. Сразу же напрашивающийся вопрос «Что значит – свое?» не был слишком сложным для античности и последующих времен, вплоть до модерна. Это объясняется относительно жесткой и понятной каждому члену общества системой распределения социальных ролей, которая предписывала определенный порядок распределения благ. Каждый знал, что ему положено и не претендовал на большее: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Такое дистрибутивное понимание социальной справедливости неизбежно ограничивает его рамки определенного социума и способствует тому, что богатство и бедность, должности, дос-

туп к значимым ресурсам превращаются в достояние определенных замкнутых групп. Открыто это выражается в кастовой системе индийского общества, а более или менее завуалировано – во всех до-модерных обществах. Преодоление такого подхода произошло за счет расширения понятия социальной справедливости. Предположительно, первым об этом заявил сицилийский иезуит Адзельо Тапарелли ((Luigi Taparelli d'Azeglio), автор пятитомного труда «Исследование естественного права, основанное на опыте». Он, в частности, писал: «Социальная справедливость для нас означает справедливость одних людей по отношению к другим. ... Поэтому я могу понимать это так, что социальная справедливость состоит в фактическом уравнивании всех людей в том, что касается общих прав человека; точно так же, как творец каждому человеку дал одинаковую человеческую натуру. Следовательно, человек, который действует по норме этой справедливости, выполняет намерение своего создателя» [15. S. 17]. Естественно-правовая перспектива, примененная Тапарелли, означает, что в справедливости начинают усматривать различные метафизические импликации, содержание которых постоянно обновляется.

Если обобщить смыслы, вкладываемые в содержание формулы «каждому свое», то получится следующее:

- Каждый должен получить равную долю с другими.
- Каждый должен получить то, что ему абсолютно необходимо для жизни.
- Каждый должен получить то, чего он заслуживает. Наиболее циничная трактовка этого принадлежит нацистам, вывесившим лозунг «Jedem das Sein» над входом в Бухенвальд.

Попытка применить на практике любую из этих формулировок наталкивается на то, что на представления о «своем» оказывают влияние масса факторов индивидуального и социального характера. Если я нищий, то привлекательным для меня будет ответ, согласно которому «свое» означает равную долю с другими. Если я, напротив, принадлежу к состоятельным гражданам, и, следовательно, должен оплачивать социальную помощь малоимущим, то ответ будет уже совсем иным. Если я нацист, то «каждому свое» будет для меня означать, что каждому еврею и цыгану место в концентрационном лагере. Если же во мне есть еврейская или цыганская кровь, то я дам другой ответ. Причина того, что люди на вопрос о том, что есть «свое» дают различные ответы, состоит в их склонности видеть вещи со своей «колокольни», т. е. с партийной (в широком смысле слова) позиции. А может ли быть иначе?

Может ли беспартийный подход к справедливости быть справедливым?

Абстрактный эгалитаризм несправедлив изначально уже потому, что люди неравны по своей природе, а также потому, что в жизни большую роль играет непредсказуемость индивидуальной судьбы. Человек не виновен в том, что «вытащил несчастливый билет в лотерею жизни» и оказался не таким здоровым и талантливым, как другие. Классический либерализм, игнорирующий это обстоятельство и настаивающий на необходимости формализации справедливости в конечном счете и спровоцировал кризис в ее понимании, преодолеть который попытался Джон Ролз. Обозначенную выше проблему несправедливости судьбы Ролз предложил решить посредством принципа дифференциации: неравенство легитимно лишь в том случае, если оно не снижает жизненных шансов самых обездоленных членов общества.

Несмотря на привлекательность такого подхода, его реализация сопряжена с необходимостью определения уровня минимальных жизненных благ, поддержание которого согласуется с требованиями принципа дифференциации. Ролз и его сторонники полагают, что можно установить некий универсальный набор базовых благ, обладание которым соответствует минимальной справедливости в любом обществе. Этой позиции, в частности, придерживаются Гарри Франкфурт (Harry Frankfurt) и Анжелика Кребс (Angelika Krebs), выразившие ее в принципе: «Никто не должен голодать!». Требовать от системы социального распределения свыше этого – несправедливо и является, по убеждению Г. Франкфурта, проявлением комплекса зависти [9. S. 41].

Последователи Ролза утверждают, таким образом, что проблема справедливости и несправедливости не в том, что одни имеют больше, чем другие, а в том, что кто-то не имеет минимально необходимого для жизни. Причем существует абсолютное измерение этого минимума. Против такого понимания можно выдвинуть как минимум два возражения. Первое состоит в том, что доводы Г. Франкфурта и А. Кребс приемлемы лишь тогда, когда существует так называемая «фоновая справедливость», т. е. честные социальные условия, когда никто никого не обманывает и не унижает. Поскольку такая справедливость проблематична, то и аргументы эгалитаристов теряют свою силу. Второе возражение состоит в том, что идея «достаточности жизненных благ» лишь частично относится к теме справедливости, поскольку имеет в виду состояние человека, а не отношения между ними. Социальная же справедливость предполагает предварительную ясность относительно того, чем люди обязаны друг другу, и в чем причина

такой взаимной обязанности. Поэтому справедливость в большей степени относительна, т. е., конкретна и локальна, чем абсолютна и универсальна. Даже если каждый член общества обеспечен куском хлеба и крышей над головой, это не свидетельствует о справедливости социального порядка. Набор гарантированных базовых благ, соответствующих фоновой справедливости, может быть установлен только локально. Вот что писал по этому поводу Адам Смит: «Под предметами необходимости я понимаю не только предметы, безусловно необходимые для поддержания жизни, но и такие, обходиться без которых в силу обычаев страны считается неприличным для почтенных людей даже низшего класса. Полотняная рубашка, например, отнюдь не является, строго говоря, предметом необходимости. Греки и римляне, надо думать, жили с большим удобством, хотя и не имели белья; но в наше время в большей части Европы уважающий себя поденщик постыдится показаться на улице без полотняной рубашки, отсутствие которой будет сочтено свидетельством той унижительной степени бедности, в которую, как предполагается, никто не может впасть иначе, как в результате чрезвычайного поведения. Обычай точно так же сделал кожаную обувь предметом жизненной необходимости в Англии. Самое бедное уважающее себя лицо того или иного пола постыдится появиться на людях без нее» [4. С. 598–599].

Таким образом, оказывается, что справедливость возможна лишь в форме локальной справедливости, поскольку на нее оказывают влияние множество пространственно-временных факторов. Именно на этом настаивают коммунитаристы.

Коммунитаристская концепция справедливости: нелегкий выбор между истиной и дружбой

Первый коммунитаристский проект справедливости был предложен Майкл Уолцером. В книге «Сферы справедливости» он исходит из факта неустранимого плюрализма сфер справедливости, который исключает возможность единого принципа распределения: «Каждое благо должно распределяться в соответствии с критериями значимости своей собственной сферы» [16. S. 12]. Это, среди прочего, означает асимметрию принципа распределения: если человек, в силу принадлежности к определенной сфере, пользуется ее благами, то это не значит, что и в других сферах общественной жизни ему полагаются те же блага. К примеру, генерал, обладающий властью и авторитетом в армии, не может автоматически претендовать на такую же власть и авторитет в сфере экономики или науки. После исследования различных сфер

справедливости Уолцер делает категоричный вывод: «Любое конкретное описание дистрибутивной справедливости окрашено в локальные цвета» [16. S. 442].

Сходную с Уолцером концепцию представил Джон Элстер, который в ходе эмпирических исследований установил, что критерии справедливого распределения ограниченных благ сильно варьируются по предмету, месту и времени, т. е. локально. В первом смысле слово «локальный» подразумевает тот факт, что различные институциональные сектора используют разные независимые принципы распределения. Кросс-национальные сравнения также демонстрируют локальность принципов и методов распределения от страны к стране. «Осуществление локальной справедливости требует драматического выбора. Это тяжелое и неблагодарное занятие, почти целиком состоящее из компромиссов, исключений, специфических подходов», – констатирует он [8. P. 15].

Аксель Хоннет, которого считают главным представителем нынешнего поколения Франкфуртской школы критического исследования в области социальных наук, связывает возможность справедливости с так называемым «хорошим обществом». «Хорошим» он, вслед за американским коммунитаристом Амитаи Этциони, считает такое общество, в котором определенные ценности открыто предпочитают другим ценностям, и служат основой социальной солидарности. Содержанием справедливости и ее целью Хоннет объявляет «признание», понимаемое им как внимание к полноте человеческой идентичности, включение индивидуальных притязаний в социальный контекст. Пренебрежение целостностью человеческой самости, отказ считаться с важными для индивида составляющими его идентичности есть, по Хоннету, высшая форма несправедливости [12. S. 6]. Поэтому условием легитимации общества и основанием для признания его справедливым является способность «надежно гарантировать взаимное признание» [11. S. 205–206]. Только справедливое общество обеспечивает гражданам возможность сформировать идентичность и самореализоваться, а из этого вытекает, что только справедливое общество дает своим членам возможность участвовать в таких интеракциях, через которые актуализируются конститутивные для них принципы признания. Но это предполагает концепцию «хорошей жизни», допускающую определение условий, необходимых для образования персональной индивидуальной идентичности и удавшейся персональной самореализации.

Хоннет не представляет себе форм жизнеспособных обществ, в которых нормативная интеграция функционировала бы без определенных образцов или механизмов взаимного признания. Общество, по его убеждению, идентично с учреждением таких образцов интересубъективного признания. Индивид может воспринимать себя членом общества в той мере, в какой он ощущает себя признанным в определенном аспекте своей личности. И наоборот, другие субъекты могут воспринимать субъекта как члена общества только в том случае, если он является каким-то способом признанным субъектом. В этом отношении признание является основным механизмом социального существования [7]. Хоннет, таким образом, утверждает признание в качестве предельно широкой нормативной категории, включающей в себя и справедливость. Измерениями социального признания являются любовь, равное правовое положение и социальная оценка индивидуальных заслуг. Если основная структура общества обеспечивает этот спектр признаний она является справедливой. Классические конфликты прошлого, разворачивающиеся вокруг ресурсов и власти, отходят на второй план, уступая место борьбе за признание на всех уровнях – от персонального до интернационального.

Представительница феминистского коммунитаризма, американский философ Нэнси Фрезер, полемизируя с Хоннетом, утверждает, что акцент на признании является культурализацией и психологизацией проблемы справедливости, при котором не учитывается тот факт, что индивиду, наряду с интересубъективным признанием равного статуса, требуются также и основополагающие материальные блага, а это уже является предметом политики перераспределения, а не признания. Усиление политики идентичности, характерное для США и Европы конца 90-х гг. прошлого столетия, способствовало тому, что от одной крайности – сведения справедливости исключительно к вопросам распределения – ее трактовки качнулись в другую крайность – оценочно-культурную. В итоге высветились те аспекты несправедливости, которые ранее затенялись, и, напротив, ушли в тень классические случаи. К примеру, в то время, как представители сексуальных меньшинств страдают от дискриминирующих практик господствующей гетеросексуальной культуры, рабочие испытывают гнет эксплуатирующих структур капиталистического хозяйства. Если первые могут решить свои проблемы через признание их права на различие, то для вторых признание ничего не дает. Им требуется последовательная политика перераспределения.

В качестве решения проблемы Фрезер предлагает «двумерную» концепцию справедливости. Для ее создания она использовала «бифокальную исследовательскую перспективу» – одновременное рассмотрение объекта через две линзы: «Рассмотренная через одну линзу социальная справедливость есть забота справедливого распределения; через другую – она есть предмет взаимного признания. Каждая линза выставляет в выгодном свете один важный аспект социальной справедливости, но ни одна из них, сама по себе, не является достаточной. Полноценное понимание возможно только в том случае, если они накладываются одна на другую. В таком случае справедливость проявляется как концепт, который сжимает два измерения социального порядка – распределение и признание» [10. S. 57].

Главной опасностью для справедливости Фрезер считает «практику вытеснения», состоящую в том, что выделенные перспективы рассматриваются как взаимоисключающие и стремятся заместить одна другую. Чтобы этого не произошло, необходим общий для обоих измерений социальной справедливости масштаб. В качестве такового она предлагает принцип, названный ею «равноправным участием». Согласно ему, справедливость требует социального управления, которое позволяет всем взрослым членам общества обходиться друг с другом как с равными. Для того чтобы сделать возможным равноправное участие, должны быть выполнены, по меньшей мере, два условия. Первое, которое Фрезер называет «объективным» условием равноправного участия, должно исключить любые формы и разновидности экономической зависимости и независимости, препятствующие равноправному участию. Исключенными объявляются социальные отношения, институционализирующие обнищание, эксплуатацию и значительные различия в благосостоянии, доходах и свободном времени. В противовес этому, второе условие для равноправного участия является «интерсубъективным». Оно предполагает, что институционализованный ценностный культурный образец выражает равное внимание всем, и дает возможность каждому достичь социального уважения. Это условие исключает все образцы ценностей, которые отказывают определенным людям в статусе полноценных партнеров по интеракциям на основании их крайней «инаковости».

Оба условия необходимы для равноправного участия, но само по себе ни одно не является достаточным. Первое перемещает проблему в перспективу, традиционно относящуюся к распределительной теории справедливости, и обращает внимание на экономическую структуру общества

и экономически дефинируемые классовые различия. Второе формулирует вопросы, связанные со статусной социальной и культурной иерархией. Фрезер убеждена, что, проводя политику перераспределения и признания как два взаимно несводимых направления деятельности, можно повысить чувствительность в понимании справедливости, которая затрагивает вопросы экономического неравенства и вопросы статуса. Тем самым появляется возможность обретения нормативного стандарта, позволяющего оценивать как экономические структуры, так и статусную иерархию.

Фрезер обращает внимание на то, что локализация справедливости может привести к замене диктата тотальности репрессиями со стороны общинных структур, навязывающих «местечковые» коллективные ценности. Чтобы этого не произошло, она предлагает сделать объектом признания не специфические культурные группы, а статус отдельного члена группы как полноценного партнера в социальной интеракции [10. S. 65].

На локализации справедливости настаивает и Амартия Сэн (Amartya Sen), назвавший свою концепцию справедливости «плюральной принадлежностью»: «Исходный пункт этого подхода состоит в признании того факта, что все мы имеем составную идентичность, и что каждая из составляющих этой идентичности приносит свои интересы и требования, которые существенно ограничивают интересы и требования других составляющих общей идентичности, или же конкурируют с ними» [14. S. 472]. Теоретическая значимость этой плюральной принадлежности заключается в том, что в любой локальной ситуации имеют место различные смещения релевантных интересов, которые требуют различных локальных решений. Если человек обладает плюральной (составной) идентичностью (женщина, врач, католичка, немка), то каждая из этих составляющих может проступить в ситуации, которую Ролз назвал «оригинальной». К примеру, в вопросе об абортах может сказаться ее католическая вера, в вопросе о войне – женская природа, в вопросе о финансовой помощи Греции – ее немецкое здравомыслие и чувство справедливости. Таким образом, исходной точкой для размышлений о справедливости служит не один определенный интерес, а плюральная идентичность. А. Сэн видит основной недостаток позиции Ролза в том, что она не может быть реализована в универсальном масштабе, но вполне может использоваться в менее обширных и не столь структурированных формах. Иными словами, Сэн призывает к гибкости в обращении с теорией Ролза, что, по его мнению, открывает средний, прагматически

ориентированный путь к решению проблемы справедливости.

Обзор коммуитаристских попыток решения проблемы справедливости приводит к следующим выводам:

1. Авторы, которых в литературе принято идентифицировать в качестве «коммуитаристов», предлагают различные концепции справедливости, которые, тем не менее, сходятся в критическом отношении к теории Дж. Ролза.

2. Основным препятствием на пути универсальной справедливости является ценностный плюрализм, на непреодолимость которого рациональными средствами указал еще Макс Вебер. Это означает, что существует не одна, а множество конкурирующих теорий справедливости. Любая, самая логически безупречная теория справедливости терпит фиаско при столкновении с реальностью. Это относится и к теории Ролза.

3. Предпринятая коммуитаристами локализация проблемы, т. е. перемещение ее на уровень конкретных ценностных сообществ, не может рассматриваться как удовлетворительное решение. Это объясняется репрессивностью культурных групп по отношению к индивидам. Хотя сами группы и характеризуются ценностной гомогенностью, люди, входящие в них, имеют сложную, составную идентичность, а потому и на локальном уровне обнаруживаются трудности в применении справедливости.

От обоснования к применению: необходимость гибкого подхода к проблеме справедливости

Дискуссии относительно природы справедливости, ее критериев и инстанций могут вестись сколько угодно долго, прирастать новыми теориями, однако совсем иное, когда с плоскости обоснования переходят в плоскость применения. Здесь необходимо делать выбор, который теоретически невозможен, ибо в любом случае будет несправедливым из-за несоизмеримости ценностей, лежащих в основе представлений о справедливости. Самым доходчивым и наглядным примером может служить трансплантация органов людям, которые нуждаются в ней по жизненным показаниям. Поскольку существует постоянный дефицит таких органов, то выбор всегда оказывается в противоречии с философскими и теологическими принципами, утверждающими равноценность всех людей. С одной стороны, обосновывая справедливость, мы хотим жить в мире, в котором признается равноценность всех людей. Но, с другой стороны, мы не можем обойти тот факт, что в реальном мире есть недостаток благ и мы вынуждены предпринимать градирующие оценки, и делать скидки с идеальных требований справедливости.

В плоскости применения все имеет свою цену. И даже если с этической точки зрения выбор невозможен, люди, принимающие решение, должны вести себя так, как будто он возможен. А потому нужно выбирать между матерью троих малолетних детей, молодым талантливым музыкантом и 80-летним пенсионером, героем и ветераном нескольких войн. И ориентиром здесь может выступить прагматическое соображение, согласно которому в плоскости применения решение может быть не абсолютно, а лишь более или менее справедливым. А точнее, оно может быть справедливым ситуационно, для «здесь и сейчас».

Как это ни парадоксально, но на такое развитие событий в плоскости применения этических ценностей указывал Макс Вебер, причем в той же работе, где несколькими строками выше он заявляет о безысходной и смертельной борьбе разнородных представлений о жизни. Он апеллирует к повседневному опыту людей, которые, сталкиваясь в каждодневной жизни с конфликтами нормативного характера, в большинстве случаев решают их, опираясь на житейскую мудрость, практическую рациональность, не подозревая, что эти конфликты, по мнению теоретиков, неразрешимы. Вебер пишет: «Между этими последними ценностями и идеалами не существует компромиссов и смягчений. Обращаем внимание: не существует согласно смыслу. В действительности же компромиссы существуют, и мы встречаемся с ними на каждом шагу. Люди в реальных жизненных ситуациях вольно или невольно смешивают ценностные сферы. *Выравнивающая роль «повседневности»* (курсив наш. – С. Ч.) состоит в том, что живущие обычной жизнью люди, отчасти психологически, отчасти из прагматических соображений не сознают смешения враждебных друг другу ценностей и, более того, не хотят этого сознавать, поскольку тем самым они уходят от необходимости выбора между «богом» и «чертом» и, соответственно, от того, какие из ценностей причислить богу, а какие – черту» [2. С. 565].

В романе польского писателя Анджея Барта «Фабрика мухоловок» [1] повествуется о воображаемом судебном процессе над главой юденрата лодзинского гетто Хаимом Румковским. Участники процесса, погибшие в лагерях смерти, как, впрочем, и сам обвиняемый, призваны фантазией автора в мир живых для того, чтобы ответить на вопрос: «Кто же такой Румковский – мерзавец и предатель, или положительная фигура, заслуживающая понимания и сочувствия?». Адвокат, выдвигая многочисленные примеры и доводы в пользу своего подзащитного, оправдывает его действия тем, что он был наиболее разумными в той ситуации. На раздавшиеся в ответ критиче-

ские реплики, он восклицает: «А каким должен быть разум в эпоху невиданной доселе жестокости!» Приглашенная на суд в качестве эксперта Ханна Арендт безапелляционно клеймит подсудимого как пособника Холокоста, отвергая саму возможность иного поведения в то время, кроме сопротивления. На замечание адвоката, что его подзащитный на два года отодвинул гибель ста тысяч человек и в течение этого времени обеспечивал их сносное существование, Арендт заявляет, что это не оправдание, ибо люди все равно погибли – пусть и двумя годами позже. При этом она оговаривается, что сама не испытала ужасы гетто, но судит исключительно с позиции разума. Здесь уместно вспомнить восклицание софокловской Антигоны, которая, в ответ на слова Креонта о том, что ее поведение неразумно, ответила: «Мы почитаем разное разумным». Поистине, нужно быть, как Ханна Арендт, моральным ригористом, чтобы игнорировать простую, но универсальную истину: «Утопающий хватается за соломинку». Поэтому каждый день жизни, отвоеванный Румковским для обитателей гетто, пусть ценой ужасных уступок и компромиссов, был для них шансом на спасение.

Мнения участников этого воображаемого процесса разделились, и по-другому не могло и быть. То же самое относится и к обсуждаемой справедливости в ситуации радикального ценностного плюрализма. Выход, который здесь возможен, состоит в отказе от попыток установить одну большую справедливость и в переходе к тактике «выпекания маленьких хлебов», к «точечной» справедливости.

Трансверсальная справедливость

Основой такой гибкой справедливости может стать концепция «трансверсального разума», разрабатываемая в последние годы германским философом Вольфгангом Вельшем и представляющая «среднюю линию» между постмодернистским неприятием интегративных притязаний разума и модернистскими попытками восстановить его былое величие. Постмодернисты объявили разум основным источником несправедливости, понимаемой как вытеснение, забвение, насилие над альтернативными дискурсами. Ж.-Ф. Лиотар, которого Вельш считает наиболее умеренным из постмодернистов, заявляя о несправедливом характере западного общества эпохи модерна, называет в качестве главной причины то, что некоторые виды дискурса, прежде всего дискурс позитивного права и экономической рациональности, достигли институционально обеспеченного преимущества, лишив все остальные дискурсы возможности своей артикуляции. Жертва – это

не тот, кто страдает, а тот, кто страдает и не может прокричать об этом [13. S.197]. Казалось бы, что самый простой выход из ситуации – снять ограничения с языка, т. е. дать всем возможность высказаться. По этому пути пошли Ю. Хабермас и К.-О. Апель, создавшие проект под названием «этика дискурса». Лиотар считает этот путь тупиковым, поскольку он предполагает введение своеобразной «полицейской дискурса», которая устанавливала бы очередность высказываний и выработывала процедуры. А это – опять несправедливость. Единственный выход, по его мнению, состоит в том, чтобы принять ситуацию столкновения дискурсов как единственно нормальную и возможную при ценностном плюрализме. Задача философии в таком случае состоит не в том, чтобы указывать правильный путь, совпадающий с путем разума, а в том, чтобы описать ситуацию столкновения, исследовать ее логику.

Вельш видит задачу разума в ситуации антагонизма ценностей в том, чтобы обеспечить переходы между отдельными ценностными мирами, сферами жизни, видами дискурса, не вторгаясь при этом в их внутреннюю область, не покушаясь на их автономию. Такой разум он называет «трансверсальным» (трансверсальный определяется как «сквозной», «пронизывающий насквозь по вертикали несколько пластов») [6. С. 57–64]. Трансверсальный разум выравнивает смысловые горизонты, сближает края отдельных видов рациональности настолько, чтобы через них можно было бы перекинуть мосты. «Мы должны быть способными тематизировать наличные доминирования, влиять на них и корректировать их протекание; мы должны быть в состоянии выставить на всеобщее обозрение те их части, которые скрыты на заднем плане; должны помочь дискриминированным областям восстановить свои права и найти решения, которые будут справедливыми для большинства сфер. Мы должны также усилить определенные компоненты, точно так же, как должны, в зависимости от ситуации, переключиться на другие части, должны быть в состоянии отказать себе в преимуществе и, через вмешательство, изменить соотношение сил» [18. S. 850].

Трансверсальный разум, таким образом, ведет себя как посредник, как мировой судья, который желает примирить стороны. Он исходит из того, что все, на первый взгляд абсолютно гетерогенные ценностные сферы, имеют разную «плотность идентичности»: наряду с ядром, обеспечивающим их самость составляющим их последнее основание, существует множество содержательных аспектов, которые относятся к «предпоследним» основаниям и относительно которых возможны компромиссы.

Трансверсальный разум – это философствующий ум, возвращающийся к одной из главных своих функций – производству мудрых советов, которые имели бы конкретное содержание, т. е. были бы для «здесь и сейчас». Продукты работы трансверсального разума напоминают концепты – формообразования мысли, в которых «схвачено», т. е. вырвано из потока времени, событие. Событие – это нечто значимое, то, что происходит в конкретный момент времени и рассматривается как изменение состояния процесса. В отличие от события процессы происходят в интервалах времени. Трансверсальный разум действует именно таким способом: он дефрагментирует социокультурное пространство, пронизывая разбросанные и автономные части единой смысловой нитью. То, что получается в результате, есть временная, ситуационная форма единства, в которой плюральность не упразднена, а всего лишь ослаблена.

Такой гибкий подход вызывает подозрения и обвинения в произвольности и субъективизме. Избежать этого можно только через высокий профессионализм и серьезность участников, а также через формализацию процессуальных правил. Примером первого может служить фигура «юридического Геркулеса» в правовой концепции Рональда Дворкина, который наделяется «сверхчеловеческой квалификацией, ученостью и терпением» [3. С. 152]. Будучи судьей-философом, этот Геркулес в состоянии решать самые сложные дела, в которых справедливость означает очень сложную комбинацию фундаментальных принципов, определенной правовой и политической культуры, неписанных моральных законов и конкретной ситуации. И он, в силу того, что он «Геркулес», может принять единственно правильное (справедливое) решение, поскольку имеет для этого соответствующие знания прошлого и настоящего, опыт и интуицию. Дворкин согласен с тем, что далеко не все судьи являются «юридическими Геркулесами», но в целом, предложенная им техника судебного разбирательства снижает до минимума возможность ошибок, а добродетели, которыми наделяется Геракл, включают в себя и чувство самокритичности, напоминающее о том, что он может и ошибаться.

Германский философ права Михаэль Шрамм предлагает в качестве технического средства подкрепления справедливости процедуру, которую он называет «лексикографической иерархизацией и оценивающей индикацией дивергентных критериев справедливости» [19]. Суть этой техники в том, что различные критерии справедливости выстраиваются в ранжированный порядок по степени снижения универсальности, который затем отрабатывается сверху вниз. Если требования

справедливости, имеющие «высокую планку», нереализуемы, осуществляется переход на ступень вниз. И так до тех пор, пока удовлетворительное решение не будет найдено. Поскольку это предполагает оценивающую индексацию критериев справедливости, то выбор в конечном счете будет обусловлен ситуационными соображениями. А значит, и успех, на который он может рассчитывать, также будет ограниченным.

Результат рассмотрения существующих концепций справедливости пессимистов может повергнуть в еще большее уныние, поскольку не дает оснований надеяться на отыскание совершенной справедливости, а оптимистов, напротив, воодушевить сознанием того обстоятельства, что можно утешиться постоянными поисками справедливости. А это, по крайней мере, интересное занятие.

Библиографический список

1. *Барт, А.* Фабрика мухоловок. Фрагменты романа [Текст] / А. Барт // Иностранная литература. – 2010. – №5.
2. *Вебер, М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания; Смысл свободы от «оценки» в социологической и экономической науке [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.
3. *Дворкин, Р.* О правах всерьез [Текст] / Р. Дворкин; пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
4. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
5. *Ульиан.* Фрагмент 10 из книги первой «Дигестов Юстиниана».
6. *Чукин, С. Г.* В поисках утраченного единства: концепт трансверсальности у Вольфганга Вельша [Текст] / С. Г. Чукин // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». – 2010. – №1.
7. Die Anerkennung ist ein Grundmechanismus sozialer Existenz. Interview von Krassimir Stojanov mit Axel Honneth // Critique & Humanism, 2006. – Vol. 22, special issue.
8. *Elster, J.* Local Justice. How Institutions Allocate Scarce Goods and Necessary Burdens [Text] / J. Elster. – Cambridge, 1992.
9. *Frankfurt, H.* Gleichheit und Achtung [Text] / H. Frankfurt // In: Angelika Krebs (Hrsg.), Gleichheit oder Gerechtigkeit. – Frankfurt/M., 2000.
10. *Fraser, N.* Soziale Gerechtigkeit in der Wissensgesellschaft: Umverteilung, soziale Anerkennung und Teilhabe [Text] / N. Fraser // Heinrich-Böll-Stiftung(Hg.): Gut zu Wissen. – Westfälisches Dampfboot, 2002.
11. *Fraser N., Honneth A.* Umverteilung oder Anerkennung? Eine politisch-philosophische Kontroverse. Suhrkamp [Text] / N. Fraser, A. Honneth. – Frankfurt/M., 2003.
12. *Honneth, A.* Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Suhrkamp [Text] / A. Honneth. – Frankfurt/M., 1993.

13. *Lyotard, J.-F.* Der Widerstreit [Text] / J.-F. Lyotard. – München, Fink Verlag, 1987.

14. *Sen, A.* Globale Gerechtigkeit. Jenseits internationaler Gleichberechtigung. In: Horn, Christoph / Scarano, Nico (Hrsg.): Philosophie der Gerechtigkeit. Texte von der Antike bis zur Gegenwart [Text] / A. Sen. – Frankfurt/M., 2002.

15. *Taparelli, Luigi d'Azeglio.* Versuch Eines Auf Erfahrung Begründeten Naturrechts [Text] / Luigi d'Azeglio Taparelli // Nabu Press. – Volume 1. – 2010.

16. *Walzer, M.* Sphären der Gerechtigkeit. Ein Plädoyer für Pluralität und Gleichheit (Theorie und Gesellschaft 23) [Text] / M. Walzer. – Frankfurt/M., New York, 1992.

17. *Welsch, W.* Unsere postmoderne Moderne. Vierte Auflage [Text] / W. Welsch. – Berlin: Akad.-Verl., 1993.

18. *Welsch, W.* Vernunft. Die Zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft [Text] / W. Welsch. – Frankfurt/M., 1995.

19. *Schramm, M.* Flexible Gerechtigkeit. Ein Vorschlag zum Widerstreit von Gerechtigkeitskonzeptionen [Text] / M. Schramm // In: Hohenheimer Working Papers zur Wirtschafts- und Unternehmensethik No. 7. – Stuttgart-Hohenheim: Institut für Kulturwissenschaften, 2007.

УДК 323.232

ПРОСВЕЩЕНИЕ В КАТЕГОРИЯХ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

А. И. Бардаков

Критически осмысливается концепция Просвещения Джона Грея. Выявляется специфика влияния различных этапов становления Просвещения на развитие общества. Анализируется терминологическая и понятийная составляющая культуры.

Ключевые слова: политика, культура, Просвещение, человек, общество, плюрализм, Д. Грей.

ENLIGHTENMENT IN TERMS OF POLITICS AND CULTURE

A. I. Bardakov

The concept of the Enlightenment by John Gray is critically comprehended in this article. The author reveals the influence of various stages of Enlightenment formation to the development of society and examines the terminological and conceptual component of the culture.

Keywords: politics, culture, Enlightenment, human being, society, pluralism, D. Gray.

Феномен Просвещения многогранен в своем проявлении, но наиболее часто его рассматривают как явление политики и культуры. В работе Д. Грея «Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности» в полной мере нашли отражение и культурологический, и политический аспекты. Автор трактует Просвещение как социальный проект, который уже давно исчерпал свои ресурсы. В этом тезисе наше мнение совпадает с позицией Д. Грея, однако, ряд положений вызывает возражения, поэтому предпринимается попытка обсуждения и определения места и роли Просвещения в дальнейшем развитии современности.

С автором можно согласиться в том, что у многих западных академических сообществ отсутствует понимание «...политической жизни нашего времени, – времени, ознаменованном крахом проекта Просвещения во всемирно-историческом масштабе» [2. С. 14]. О кризисе познания политических процессов, деградации современных обществ существует широкий круг и отечественных исследований. Критический анализ теоретической концептуализации «хорошего общества», осуществленный С. Г. Чукиным, позволяет ему сделать вывод об усиливающейся

эрозии «нравственности в западных обществах» [7. С. 38]. Крайне критическую позицию по поводу познания современных политических реалий высказывает В. П. Макаренко, утверждая, что «...вся структура главных понятий современного общества есть множество юридических и политических *фикций*» [4. С. 16]. Развивая критическую мысль А. Макинтайра о современном обществе, В. П. Макаренко ставит под сомнение философскую культуру Просвещения и правомерность существования постмодернизма [4. С. 31].

Критика исследователями политических практик и теорий дело обычное, ценность же концепции Д. Грея состоит в том, что автор анализирует Просвещение как определенный рубеж, за которым должно наступить нечто новое. Критический анализ либерализма, консерватизма, социализма по социальному обустройству различных стран в разные исторические эпохи, осуществленный Д. Греем, выглядит убедительным и является продуктивным для развития теории политики. Не менее убедительна позиция ученого об отсутствии практик реализации просвещенческого гуманизма в социальных системах. Интересна также авторская мысль о Просвещении как явлении культуры, при этом исследователь настаивает на ее

определяющей роли в формировании социально-политических процессов.

Основная идея Д. Грея состоит в отрицании возможности единой цивилизации, единой культуры человечества, он полагает, что дальнейший общественный прогресс возможен при мультикультурализме или плюрализме, то есть многообразии политических систем и культур. Надо заметить, Д. Грей не является единственным исследователем, доказывающим необходимость такого понимания современного мира. Э. А. Паин, анализируя концепции западных ученых о причинах и возможностях модернизации нынешних традиционных обществ, обращает внимание на «...признание возможности многообразия моделей исторического развития» как основного детерминанта прогресса социума [5. С. 41]. В конце XX в. представления о плюрализме как основе социально-политического, национально-культурного развития получили широкое развитие, поэтому теория Д. Грея в этом плане не является чем-то исключительным.

Плюрализм Д. Грея вписывается в контекст общенаучного понимания, по его мнению, «главная идея плюрализма состоит в том, что различные культуры должны мирно сосуществовать на Земле, не отказываясь от своих различий» [2. С. 342]. В понимании автора каждая современная общность обретает истинное, естественноисторическое развитие, только если она опирается на традиции, национальную культуру. Выстраивая концепцию мультикультурализма, Д. Грей видит в возникновении Советского Союза случайность. Он пишет: «...советский коммунизм ... не был порождением русской православной культуры. ... Народ России сбился с исторического пути, ... попытка воплощения в жизнь концепции, составляющей квинтэссенцию идеологии Запада и европейского Просвещения» [2. С. 71]. Поэтому советскую систему он считает искусственной конструкцией. Распад Советского Союза Д. Грей рассматривает как объективный процесс восстановления национальных культур, полагая, что существует приоритет национальной культуры над общей культурой. По его мнению, отдельные индивиды идентифицируют себя, прежде всего, с конкретной национальной или религиозной группой, т. е. он считает, что общечеловеческие гуманистические ценности менее значимы, чем национальные ценности [2. С. 69–70].

В концепции Д. Грея четко прослеживаются два подхода при анализе феномена культуры. Первый подход, который исходит из идей Просвещения и характеризуется единством культуры для всего человечества, автором критикуется. Второй подход, который Д. Греем подается как

авторский, представляет собой мультикультурализм, суть которого сводится к признанию наличия многих культур как объективной закономерности социального развития. Плюралистическое или мультикультуральное состояние социума, по мнению автора, приводит к тому, что «сама идея общей культуры начала рассматриваться как символ угнетения» [2. С. 59].

Надо заметить, что бескомпромиссная критика Просвещения, действительно определившего социально-политические системы и культуру модерна и определяющего постмодернистские политические процессы, нередко носит тенденциозный характер. Общеизвестно о попытках вестернизации многих неевропейских обществ, но утверждать, что «...проект просвещенческого гуманизма уничтожил традиционные культуры во всех частях земного шара и одновременно разрушил их естественную среду обитания» [2. С. 339] вряд ли правомерно. По этому вопросу более корректной представляется позиция Э. А. Паина. «На самом деле человеческие сообщества, – отмечает автор, – никогда не были совершенно изолированными, в условиях же глобализации проникновение культур стало почти тотальным. При этом понятия “локальный” и “универсальный” теряют былой антагонизм. ... Некогда сугубо географические понятия “Запад” и “Восток” теряют свою территориальную определенность» [5. С. 44].

Не менее сложно согласиться с утверждением, что «опыт СССР, где идеология Просвещения разрушила культуры русского и многих других народов, ... вероятно, в более длительной исторической перспективе будет восприниматься просто как особенно драматический эпизод мировой революции вестернизации» [2. С. 339]. Конечно, идеология Просвещения несет в себе отрицательный момент, как впрочем, это было свойственно и идеологиям предшествующих эпох. Однако рост грамотности населения СССР с 20 % в 20-х гг. практически до 100 % в 60-х гг. XX в., а также привитие соблюдения правил элементарной гигиены, бытовой культуры, наконец, социализацию или повышение социальной активности значительной части населения страны нельзя не признать позитивным аспектом Просвещения.

Просвещение выполняет идеологическую функцию, но она лишь одна из многочисленных составляющих данного социального феномена. Многогранность и разнонаправленность Просвещения хорошо раскрыты в работе В. Ф. Пустарнакова «Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа». Автор пишет: «Просвещение – это направление в сфере духовной культуры в широком смысле слова – в сфере литературы и искусства, общественной

и философской мысли, которое лишь опосредованно выражало потребности развития общества в буржуазном направлении» [6. С. 53]. Характеризуя социально-политическое содержание Просвещения, В. Ф. Пустарнаков акцентирует внимание на том, что «...вековым традициям сословного феодального неравенства просветители противопоставили идею равенства» [6. С. 123]. Достаточно четко обозначена позиция российского ученого при определении начала отечественного Просвещения. «Век русского Просвещения», – утверждает В. Ф. Пустарнаков, – не мог наступить раньше 40-х годов XIX в.» [6. С. 166], однако у автора нет однозначного ответа о периоде завершения данного явления в России. Видимо, это обусловлено не только предметом исследования – философией Просвещения, но и социально-политическим состоянием российского общества.

Если Д. Грей настаивает на том, что над современной политической теорией проект Просвещения довлеет, то В. Ф. Пустарнаков расставляет акценты на значимости и важности Просвещения для развития гуманитарного знания в целом и философии в частности, но как уже прошедшего события. В. Ф. Пустарнаков уделяет большое внимание культурологическому аспекту Просвещения, для обозначения деятельности культурного характера просветителя он использует термин «культуртрегер» в его позитивном значении. Идентификацию автором понятий «Просвещение» и «Просветительство», видимо, можно понимать как культивацию знания во всех сферах общественной деятельности, однако, на наш взгляд, этот процесс в конечном результате отражается на политических практиках, которые на определенном этапе своего развития начинают определять и контролировать всю просветительскую деятельность. Просветительство по своей функциональной направленности призвано изменять знания социального индивида, сделать его элементарно грамотным, а при определенных обстоятельствах дать или навязать ему идеологически ангажированного понимания мира. Объективный процесс развития просветительства таков, что у просвещенного индивида мотивация к социальным изменениям многократно возрастает, поскольку он преодолел представление о неизменности мира, сакральности власти, избранности управленцев. Надо заметить, что В. Ф. Пустарнаков Просвещение понимает прежде всего как явление культуры, которое хорошо вписывается в нашу социально-политическую концепцию, так как в нашем понимании культура возделывает человеческие качества, а Просвещение культивирует социальные качества, где политическая атрибутивность остается неотъемлемой их частью.

Российский ученый ведет речь о начальном периоде «русского Просвещения» и понимает его как культуру, и в этом обнаруживается закономерность, так как соотношение Просвещения и культуры таково, что во всяком начальном этапе просветительства Просвещение тождественно культуре. В последующем же по мере возрастания социальных функций Просвещения, связанных с расширением экономических, политических, правовых, идеологических и иных процессов социализации, оно утрачивает свое культурное содержание, а при абсолютизации Просвещения как социального проекта оно становится не только антикультурным, но и асоциальным.

В. Ф. Пустарнаков исследует начальное состояние Просвещения, поэтому на этом этапе, образно выражаясь, много культуры, что предопределяет культурологический категориальный ряд, а Д. Грей – его самый поздний период, где уже нет культуры, поэтому в его концепции артикулированы категории политики. Хотя Д. Грей также характеризует Просвещение как явление культуры, он настаивает на его разрушительных, деструктивных характеристиках. Он призывает «... признать уход проекта Просвещения эпизодом западной культуры – хотя и с глобальными последствиями» [2. С. 301]. Сменит Просвещение, по Грею, «... появление *плюралистических* форм, вдохновляемых целью облегчить *modus vivendi*» [2. С. 299]. Сохранение многообразия образов жизни автору видится тривиальной задачей, он считает, что государства с различными политическими системами и культурами должны научиться сосуществовать. Автор наивно допускает возможность сосуществования различных политических систем, забывая, видимо, практику двух мировых и бесконечное количество локальных войн XX столетия.

Д. Грею проделана огромная работа по преодолению мировоззренческих установок Просвещения, но его предложения по внедрению плюрализма как должного и достаточного социального состояния для развития человечества, по сути своей, являются вновь открытым Просвещением. Автор не может выйти из замкнутого круга социальных детерминант, так как допускает методологическую ошибку – смешивая категории политики и культуры. Он постоянно говорит о возможности сосуществования государств с различными политическими устройствами и культурами. Признавая плюрализм культур как объективное условие существования современных обществ, не можем согласиться с идеей мирного сосуществования политических систем в условиях доминанты социальной над биотической и человеческой составляю-

щими индивида предопределяет власть, саморазвитие которой всегда приводит к расширению внутреннего и внешнего пространства ее осуществления. В XXI в. нет необходимости для колонизации какой-то территории посылать войска, для этого достаточно финансово-экономического принуждения, а для решения политических задач внутреннего значения существует богатый арсенал манипулирования общественным сознанием своих граждан. Тем не менее в характеристиках Просвещения, данных ученым, заложен большой исследовательский потенциал, который видится прежде всего в обоснования ограниченности, конечности просветительства как основания развития человечества.

Солидаризируясь с Д. Греем в характеристике Просвещения как социального явления, утратившего свою животворящую силу для развития человечества, мы ни в коем случае не предлагаем его выбросить как старый, ненужный исторический хлам. В нашем представлении Просвещение одно из звеньев развития культуры, которое в современных странах, если хотите в обществах постмодерна, обнаруживает свои деструктивные функции. Выстраивая генетическую цепочку состояния культуры в различные исторические эпохи, можно обнаружить место и роль Просвещения в развитии культуры и политики. Развернутая аргументация о возможности трактовки Просвещения как одного из этапов развития культуры нами уже неоднократно была представлена [1. С. 37–55], поэтому выразим эту мысль в сжатом виде.

Понятие «культура» (*cultura*) мы определяем как возделывание человеческих качеств общественного индивида. Термины и понятия «Просвещение» и «культура» имеют европейское происхождение, поэтому в парадигмах европейской традиции и исследуем их начало.

У античных греков возделывание человека обозначалось словом «пайдейя» – «воспитание». О совпадении смысла слов «культура» и «воспитание» свидетельствует то, что «пайдейя» противопоставляется слову «неотесанность», т. е. необработанность. Достоинством такого воспитания является его направленность на возделывание телесного и духовного начал индивида биосоциальной целостности, но именно это достоинство в условиях расширения социальных взаимосвязей и превращается в фактор, тормозящий общественное развитие. Даже в современной России в локальных сообществах, где преобладают кровнородственные отношения, можно наблюдать, подобно греческому «пайдейя», «высокое» воспитание, реализуемое внутри сообщества. Однако

индивиды с таким воспитанием трудно адаптируются в современных условиях социальности.

Более высокая степень социальности по сравнению с античной Грецией обнаруживается в Древнем Риме, где возделывание физических и духовных качеств индивида теперь уже неотъемлемо от его гражданских качеств. Термин «цивилизация», производный от латинского слова «*civilis*», содержит в себе греческое воспитание, но по смысловой нагрузке значительно шире. В. И. Даль толкует данное слово как «общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина» [3. С. 574]. Цивилизация возделывает гражданские свойства индивида для выполнения им общественных, государственных функций, которые в своем развитии приходят в состояние абсурда. Абсолютизация социализации сняла рамки и пределы материальности, которая, в свою очередь, породила огромное количество человеческих пороков. Нынешний кризис социальности, а по Д. Грею, Просвещения, во многом воспроизвел пороки, свойственные гражданам Римской империи.

Цивилизация в своей эволюции низвела духовные начала к нулю, а материальные начала обрели гипертрофированные формы, поэтому дальнейшее развитие обществ «цивилизованных» территорией обрело большие сомнения. Спасение в прямом и переносном смысле пришло вместе с религиозной формой сознания. Духовное совершенствование, одухотворение стало тем доминирующим моментом (культурой), который возделывал человека и общество. Термин «одухотворение» наиболее адекватно обозначает культуру начального периода средневековья, поскольку сохраняет позитивное из воспитания и цивилизации, однако, в последующем и этому звену культуры не удастся избежать кризисного состояния. Инквизиция, гонения на науку, многочисленные расколы в борьбе за власть предопределили деградацию общественного развития.

Из истории европейского развития хорошо известно, что на смену христианско-догматическому средневековью приходит Возрождение, которое возделывает духовно-светские качества в общественном индивиде. Возрождение восстанавливает, возрождает воспитание и цивилизацию, не отвергая приоритетность возделывания духа. В практике Возрождения не могло возобладать материальное производство (возделывания), так как уровень производительных сил феодализма не мог стать основанием интенсивного материального производства. Конечно, в отношении Возрождения не хочется употреблять слово «кризис», но достаточно очевидно, что это звено культуры

имеет свою ограниченность, проявляемую в сохранении сословности.

О возможности преодоления сословности и достижения свободы, равенства и братства заявили в эпоху становления буржуазных отношений, которая стала именоваться Просвещением. Просвещение, вбирая все предшествующие звенья культуры, во многом подобно культуре, особенно на начальном этапе своего становления в конкретном обществе. Однако его основные функции направлены на формирование социальных свойств индивида, в практиках экономики, образования современной России это хорошо просматривается. Просвещение как и цивилизация, одухотворение и Возрождение служит власти, которая не заинтересована в развитии человеческих качеств индивида, способного воспринимать социальные взаимосвязи вместе с помпезными формами управления и власти как явления второго порядка. Поэтому предложения Д. Грея о плюралистическом политическом обустройстве современных обществ представляется нам одной из разновидностей Просвещения.

Логика формирования генетической цепи становления культуры – воспитание, цивилизация, одухотворение, возрождение, просвещение, культура – показывает, что выход из просвещенческого коллапса видится в культуре, которая в своем развитии обретает собственное состояние и становится формой бытия индивида наряду с природой и социумом. Конечно, культура как форма бытия не занимает доминирующего положения по сравнению с социумом, но культура уже обрела величину, которая вытесняет политику из сферы человеческих взаимосвязей. Воспитание, цивилизация, одухотворение, возрождение и просвещение – важные моменты в становлении культуры, но, если воспитание в своей значительной части еще не попадает в пределы политики, то последующие четыре звена самым непосредственным образом связаны с политическими про-

цессами. Культуре же, возникшей из Просвещения, но представляющей качественно иное явление, политика чужда.

Возвращаясь к мысли Д. Грея об уходе проекта Просвещения из политики и культуры, хочется заметить, что для политики не только Просвещение, но и цивилизация, и одухотворение, и возрождение остаются релевантными. Весьма показательным примером служит деятельность различных религиозных общин, которые декларируют свою удаленность от мирской жизни, но, тем не менее, ни одно значимое политическое событие не проходит без их непосредственного или опосредованного участия, по крайней мере, в России это достаточно очевидно. Решение проблем Просвещения нам видится в признании культуры эпохой и бытием современности, что предполагает изменение вектора развития политической теории.

Библиографический список

1. Бардаков, А. И. Муниципальное управление: теория, история, практика [Текст] / А. И. Бардаков. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. – 172 с.
2. Грей, Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности [Текст] / Д. Грей. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. – М., 1978–1980. – Т. 4.
4. Макаренко, В. П. Технократические мамелюки: социополитические аспекты концепции А. Макингайра [Текст] / В. П. Макаренко. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2000. – 60 с.
5. Паин, Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов [Текст] / Э. А. Паин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6.
6. Пустарнаков, В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа [Текст] / В. Ф. Пустарнаков. – М., 2001. – 400 с.
7. Чукин, С. Г. «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке [Текст] / С. Г. Чукин // Вопросы философии. – 2009. – № 5.

УДК 342.393

КОРПОРАТИВИЗМ В XX ВЕКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Т. А. Гермаш

Статья представляет собой историко-политический анализ корпоративизма. Автор прослеживает эволюцию корпоративизма от авторитарных систем к демократическим, выявляет причины и следствия этих процессов его развития. На основе опыта построения корпоративистских политических систем (в Италии 30-х гг., Австрии, Швеции, Великобритании и др.) автор приходит к выводу о существовании двух принципиально отличных друг от друга форм корпоративизма, которые имеют ряд принципиальных отличий.

Ключевые слова: XX век, корпоративизм, неокорпоративизм, авторитаризм, демократия, фашизм, социальное партнерство.

CORPORATIVISM IN THE XX-th CENTURY: EVOLUTION OF POLITICAL SYSTEMS

T. A. Germash

Article represents the istoriko-political analysis of corporativism. The author traces evolution of corporativism from authoritative systems to democratic, reveals causes and effects of these processes of its development. On the basis of construction experience political systems of corporativism (in Italy 30th years, Austria, Sweden, Great Britain, etc.) the author comes to a conclusion about existence of two essentially excellent from each other forms of corporativism which have a number of basic differences.

Keywords: The XX-th century, corporativism, neocorporativism, authoritarianism, democracy, fascism, social partnership.

В XX в. концепция корпоративизма наряду с родственными ей понятиями общественного договора, социального партнерства, трипартизма стала неотъемлемой частью науки о политике. Сейчас она занимает важное место в научно-политическом анализе современного общества. Его определяют как идеологию, как форму организации экономики, как разновидность государственного устройства, как специфическую политическую культуру, как особый тип общества. Однако с уверенностью можно утверждать, что корпоративизм – это сложное, многомерное явление, проецируемое на политическую, экономическую и социальную сферу общественной жизни.

Корпоративизм как политическая доктрина получил широкое распространение в Европе после Первой мировой войны. Мощнейшим стимулом к росту корпоративистских тенденций в политике в 20–30-х гг. XX в. стала Великая депрессия, антибольшевизм, разочарование в классическом либерализме, идее универсальности и эффективности свободных рыночных отношений.

Так, накануне Второй мировой войны корпоративизм как модель государственного устройства, идеология и система политического представительства была реализована Муссолини в Италии.

Идеологами фашистского корпоративного государства стали известный философ Джованни Джентиле, социолог и политолог Роберт Михельс.

Корпоративное государство в Италии складывалось на протяжении десяти лет, его основополагающий документ «Хартия труда» был опубликован 21 апреля 1927 г. Большим фашистским советом.

Хартия отождествляла «корпоративное государство» с фашистским, а корпорации выступали в роли института социального партнерства и «классового сотрудничества». Документ не отменял капиталистический способ производства, но за государством сохранялись функции целеполагания и контроля над экономической сферой. Причем «Хартия труда» разрешала прямое вмешательство государства в экономику [1].

И наемный рабочий, и собственник производства, согласно Хартии, должны были выполнять одну и ту же задачу – обслуживать интересы нации. Это выступало основой единства двух экономических классов.

В 1930 г. фашистам удалось законодательно закрепить функции и полномочия Национального совета корпораций, однако, сама система корпораций было создана лишь в 1934 г. Общественные институты представительства интересов – объединения предпринимателей и профсоюзы – оказались не восприимчивыми к корпоративистским идеям и выявили свою инертность и «вязкость».

В Италии 30-х гг. XX в. при формировании корпораций привычный отраслевой принцип уступил место принципу объединения по производимому продукту, т. е. по конечному результату (например: внутренний транспорт; морской и воздушный транспорт; лес; текстильное дело; страховое, банковское и кредитное дело).

Всего в фашистской Италии было создано 22 корпорации, каждая из которых объединила трудящихся, управленцев, собственников, инженерно-технических работников соответствующего

направления. Однако корпоративное устройство не отменило объединения предпринимателей и профсоюзы, а, наоборот, стало их продолжением, воспользовавшись сложившейся институциональной структурой. Во всех фашистских корпорациях были в равной степени представлены все экономические агенты (организации предпринимателей и трудящихся). Туда также входили представители партии, которые представляли интересы Муссолини и государства. Таким образом, корпорации выступали как «институт самодисциплины» и социального партнерства, призванный нейтрализовать конфликт классов посредством трудовых договоров и действовать во имя благополучия и процветания Италии. А. В. Павроз, исследуя корпоративизм времен Муссолини, пишет: «Корпоративизм преподносился в качестве новой, более эффективной экономической модели, основывающейся на частной инициативе корпораций, несущих ответственность за свою деятельность перед государством» [2. С. 54].

Во главе всей корпоративной структуры стоял сам Муссолини, председательствовавший в Национальном совете корпораций. В 1939 г. она была экстраполирована на представительную ветвь власти, а парламент Италии заменен «палатой фаший и корпораций» [3. С. 225].

Однако за фасадом корпоративного государства скрывались проблемы, которые шли вразрез с официальной идеологией. В силу авторитарности самого фашистского режима на социальной арене могли существовать только лояльные ему предприниматели и союзы трудящихся. С одной стороны, правительство Муссолини нуждалось в мощной экономической поддержке, с другой – оно могло вести диалог только с сильными контрагентами, так как слабые ему были не нужны. Поэтому реальным партнером фашистского государства стал крупный бизнес (государство признало институт частной собственности неприкосновенным), а профсоюзное движение было выхолощено и «забюрократизировано». Фашистские корпорации не смогли стать действенным инструментом согласования интересов классов, так как фактически стали рупором крупного капитала.

Реализация модели корпоративного государства самым негативным образом сказалась на деятельности среднего и малого бизнеса. Итальянские корпорации, по сути, представлявшие интересы крупного бизнеса, были наделены государственными полномочиями по разрешению открытия частных предприятий, что дало монополиям возможность ограничить конкуренцию на рынке. Со временем корпорации стали не просто опорой фашистского режима, а превратились в субъект большой политики, а реализованная корпоративистская

модель показала признаки сращивания интересов государства и монополий. Это обстоятельство дало французскому экономисту Розеншток-Франку основание называть сложившийся в Италии в 30-х гг. XX в. политический режим олигархией. Так, он писал, что «руководство итальянской экономикой принадлежит олигархии крупных предпринимателей и корпораций» [1].

Нужно сказать, что в XX в. корпоративизм часто использовался авторитарными режимами как принцип государственного устройства. Причем корпоративная модель успешно реализовывалась в тех странах, где монархическая власть переживала серьезный кризис (Югославия, Румыния), либо недавно исчезла и уже не могла быть реализована (Италия, Португалия, Испания, Австрия, Латвия), однако сохранившиеся государственное устройство и политическая культура по инерции требовали воспроизведения института сильного и харизматичного главы государства, опирающегося на поддержку политической элиты, пусть даже сформированной по новому принципу.

В XX в. корпоративистские институты стали частью авторитарных политических систем, так как делали управление общественно-экономическими процессами, идущее «сверху вниз», эффективным и позволяли включать влиятельные социальные группы (собственники крупных промышленных предприятий, финансовая олигархия, военные, бюрократия) в моноцентрическую политическую систему. По этому поводу известный отечественный исследователь С. П. Перегудов писал, что основой этой исторически реализованной модели корпоративизма было «наличие жестких связей между принудительным образом созданными «корпорациями» или «синдикатами» и институтами государства, ответственными за состояние экономики и социальные отношения» [4. С. 34].

Такая трактовка корпоративизма после окончания Второй мировой войны привела к тому, что «корпоративизм» начал отождествляться исключительно с фашизмом, а сам термин стал «непопулярным» в научных кругах и вышел из употребления, замененный ценностно-нейтральными «солидаризмом», «коммунитаризмом», «трипартизмом», «социальным партнерством». И хотя западноевропейские страны в официальной риторике и идеологии отошли от корпоративизма, по сути, продолжали проводить корпоративистскую политику.

Так, несмотря на дискредитацию самого термина «корпоративизм», корпоративистские модели общественно-политического устройства в той или иной форме получили широкое распространение в странах Западной Европы, Латинской

Америки, Юго-Западной Азии и США. Крупный американский исследователь корпоративизма Ф. Шмиттер отмечает в своих работах, что хотя корпоративизм в периоды «волн демократизации» становился объектом острой критики и даже подвергался демонтажу, однако, никогда не исчезал бесследно, со временем модернизируясь и подстраиваясь под новые социально-политические и экономические реалии [5. С. 15].

Послевоенный корпоративизм демократической Европы получил новое название – неокорпоративизм, под которым в первую очередь начала подразумеваться система представительства интересов. Его отличительной чертой стало утверждение новой парадигмы возможности успешного сочетания экономической эффективности и социальной справедливости и достижения в масштабах государства баланса интересов основных общественных групп на основе социального консенсуса.

Эта модель «либерального», «социетарного» (идушего «снизу») корпоративизма получила наибольшее распространение в ряде стран Западной Европы (Австрии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Бельгии, ФРГ, Нидерландах, Дании, Швейцарии, Португалии, Испании), в Японии и Австралии, где ассоциированные группы интересов на макроуровне стали конкурировать с политическими партиями, а государство выступило посредником и с их помощью обеспечило экономический рост в условиях социальной стабильности.

Ф. Шмиттер, изучая данную проблему на опыте западноевропейских и латиноамериканских стран, отмечал, что корпоративистские институты нового типа функционировали также во Франции, Канаде и США, однако, были ограничены масштабами отдельных отраслей и регионов [5. С. 15]. Хотя многие исследователи считают эти страны тяготеющими к «плюралистической модели» представительства, где группы интересов выявляют большую степень независимости от государства, реализуется принцип большинства, а расстановка политических сил определяется в процессе борьбы между партиями за парламентские места, следствием чего является острота столкновения интересов и нарушение социальной справедливости.

Австрия – характерный пример неокорпоративизма. После Второй мировой войны здесь сформировалась система социального партнерства, разветвленная сеть консультативных советов и комитетов, паритетных комиссий и других организаций, действующих как на отраслевом, так и на общенациональном уровне. Здесь были достигнуты широкие социальные соглашения об

обязательном членстве в профсоюзах и организациях предпринимателей. Эффективное сотрудничество между трудом и капиталом послужило инструментом достижения согласия по вопросам определения макроэкономической стратегии и решения текущих социально-экономических проблем.

В свою очередь, в 50–60-х гг. XX в. в Швеции начала развиваться так называемая трипартистская модель, в рамках которой на политическую авансцену вышли органы, основанные на представительстве трех сторон – бизнеса, профсоюзов и государства. Их деятельность не ограничивалась специализированными интересами в сфере трудового законодательства и установлением круга социально-экономических прав и обязанностей. Они взяли на себя функции определения параметров социально-экономической стратегии государства и ее реализации.

Нужно отметить, что Великобританию также оценивают как страну, двигавшуюся в 1960–1979 гг. в этом направлении. Но развитие данной модели представительства было остановлено кризисом накопления капитала и повернуто вспять с приходом правительства М. Тэтчер в 1979 г., роспуском корпоративистского, по сути, Национального экономического совета и отказом от политики консенсуса.

Однако в те же 70-е гг. стали очевидны серьезные недостатки неокорпоративистской модели. Энергетический кризис запустил процессы глубокой структурной перестройки всей мировой экономики. Ведущие западноевропейские государства столкнулись с проблемой необходимости быстрой и кардинальной экономической модернизации, повышения эффективности управления производством, изменения структуры занятости. Трипартистские органы, защищая интересы своих участников, стали преградой на пути необходимых нововведений.

К тому же, новая волна либерализации признала не соответствующими современным демократическим принципам примат функционального представительства над территориально-электоральным, гипертрофированную роль государства в решении экономических вопросов, превращение профессиональных ассоциированных групп в монопольных игроков на социально-политической арене. Стали набирать силы антикорпоративистские установки, базирующиеся на неприятии вмешательства государства в переговорный процесс социально-экономических субъектов. Европейские демократии оказались перед дилеммой: с одной стороны, они остро нуждались в организованных группах интересов, формирующих канал обратной связи для всей системы государственной власти и управления, а с другой – нарастание мощи и авторитета трипартист-

ских органов угрожало самим принципам демократии. Как писал Ф. Шмиттер: «...Все это означает, что страны, дальше других продвинувшиеся по пути корпоративизма, являются более управляемыми, что, однако, не делает их более демократичными» [5. С. 17].

Подводя итог, можно сказать, что новая демократическая модель корпоративизма явилась продолжением прежних корпоративистских традиций. Однако она не выступает в качестве особой идеологии или альтернативной формы государственного устройства, а представляет собой, прежде всего, определенный механизм взаимодействия государства и групп интересов в рамках демократических систем, которое имеет добровольный характер и построено на принципе равенства сторон.

УДК 35.08

МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОБУЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ К ЭФФЕКТИВНО-РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. Л. Иванова

В настоящей статье автором предложено исследование мотивации как фактора побуждения государственных служащих к результативной деятельности с элементами инноватики, в целях повышения эффективности государственной службы, обеспечения устойчивости государственного развития и политической стабильности современной России.

Ключевые слова: реформа государственной службы, государственная служба «нового» (отзывчивого) типа, кадровый резерв, мотивация государственных служащих, ответственность государственных служащих, эффективность и результативность государственной службы.

MOTIVATION AS A FACTOR OF ENCOURAGEMENT OF PUBLIC SERVANTS FOR SUCCESSFUL AND EFFECTIVE WORK

L. L. Ivanova

The author suggests researching the motivation as a factor of encouragement of public servants for successful and effective work with the elements of innovation, in order to improve public service efficiency, stability of national development and political stability in Russia.

Keywords: civil service reform, public service of «new» (responsive) type, personnel reserve, motivation of public servants, responsibility of public servants, efficiency and effectiveness of public service.

Труд государственных служащих имеет высокую социальную значимость, которая заключается в реализации ими на профессиональной основе управленческих функций, ориентированных на обеспечение исполнения полномочий государственных органов при осуществлении управленческого воздействия на протекающие в обществе социально-экономические процессы. Все чаще в последнее время можно услышать точку зрения о том, что труд государственных гражданских служащих носит инновационный характер. Это обуславливается тем, что скорость реализации государственных решений определяется не только профессиональными навыками

служащих, но и их адаптивными способностями к инновациям, наличие которых обусловлено необходимостью овладения и использования большого объема информации.

Современный этап развития российской государственности характеризуется повышенным вниманием к вопросу повышения эффективности государственного управления современной России, который напрямую связан с личностью государственного служащего. Как заявляется в Федеральной программе реформирования и развития государственной службы до 2013 г. [1], от формирования высококвалифицированного кадрового состава государственной службы зависит

Библиографический список

1. *Тарасов, А.* Почему Путин не Муссолини [Текст] / А. Тарасов // Политический журнал. – 2006. – 23 октября.
2. *Павроз, А. В.* Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние [Текст] / А. В. Павроз // Вестник Московского ун-та. Сер 18. Социология и политология. – 2009. – №4.
3. *Шабров, О. Ф.* Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса [Текст] / О. Ф. Шабров // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: МГОФ «Знание», 2007.
4. *Перегудов, С. П.* Корпоративизм и неокорпоративизм [Текст] / С. П. Перегудов // Бизнес и политика. – 1995. – №8.
5. *Шмиттер, Ф.* Неокорпоративизм [Текст] / Ф. Шмиттер // Полис. – 1997. – №2.

развитие гражданского общества и инновационной экономики.

Можно с уверенностью сказать, что одним из средств к повышению производительности труда выступает такое ключевое направление кадровой политики, как мотивация трудовой деятельности – совокупность мотивов и стимулов, побуждающих человека к полезному труду, определяющих удовлетворение его потребностей, соблюдение интересов и достижение поставленных целей [2. С. 346].

Определимся в понятиях «мотив» и «стимул». Под мотивом (фр. *motif* от лат. *moveo* – двигаю) понимают обстоятельство, которое побуждает человека к действиям, ради чего они совершаются. В широком смысле в психологии к мотивам относят инстинкты и потребности, влечения и эмоции, установки и идеалы [3. С. 451]. Иными словами, мотив – это побудительные причины поведения и действий человека, возникающие под воздействием его потребностей и интересов, представляющие собой образ желаемого человеком блага, которое придет на смену потребностям при условии, что будут выполнены определенные трудовые действия. Стимул (лат. *stimulus*) – у древних римлян – заостренный прут, кол или палка, с помощью которой погоняли скот. Иносказательно: сильный побудительный момент; внутренний или внешний фактор, вызывающий реакцию, действие. Стимулы исполняют роль рычагов воздействия или носителей «раздражения», вызывающих действие определенных мотивов. В качестве стимулов могут выступать отдельные предметы, действия других людей, обещания, носители обязательств и возможностей, предоставляемые возможности и многое другое, что может быть предложено человеку в компенсацию за его действия или что он желал бы получить в результате определенных действий. Человек реагирует на многие стимулы не обязательно сознательно. На отдельные стимулы его реакция даже может не поддаваться сознательному контролю [4].

Реакция на конкретные стимулы не одинакова у различных людей. Поэтому сами по себе стимулы не имеют абсолютного значения или смысла, если люди не реагируют на них. Например, в условиях развала денежной системы, когда практически ничего невозможно купить за деньги, заработная плата и денежные знаки в целом теряют свою роль стимулов и могут быть очень ограниченно использованы в управлении людьми.

Мотивация труда выступает важнейшим фактором результативности работы, она составляет основу трудового потенциала работника, т. е. всей сумме свойств, влияющих на производственную

деятельность. Процесс мотивации можно рассмотреть с разных точек зрения: мотивация как процесс соединения воедино целей организации и целей работника для более полного удовлетворения потребностей обоих – управленческий аспект; мотивация как система различных способов воздействия на персонал для достижения намеченных целей и работника, и организации – экономический аспект.

Согласно модели Портера-Лоулера, уровень приложенных усилий определяется ценностью вознаграждения и степенью уверенности в том, что данный уровень усилий действительно повлечет за собой определенный уровень вознаграждения [5]. Считается, что наибольшей эффективностью системы мотивации сотрудников является «мотивация на результат», где результаты работы определяются с помощью ключевых показателей эффективности (*KPI*). Стоит отметить, что *KPI* является одним из передовых инструментов управления персоналом государственных структур, активно внедряемых за рубежом.

Основные цели внедрения ключевых показателей эффективности в государственном секторе таковы:

- стимулирование эффективности и качества работы органов, их подразделений и отдельных служащих;
- анализ соответствия функций служащих общественным потребностям;
- создание системы обратной связи чиновников с «клиентами» (потребителями государственных услуг);
- повышение прозрачности деятельности государственных органов [6].

Большинство теоретиков систем мотивации считают, что *KPI* и мотивация персонала позволяют существенно улучшить эффективность и производительность работы организации.

Известно, что сфера государственной службы имеет ряд специфических особенностей:

- содержание трудовой деятельности государственных служащих направлено на реализацию общенациональных интересов, укрепление и развитие общественного и государственного строя;
- высокая степень ответственности должностных лиц за принимаемые решения, их осуществление, результаты и последствия;
- достаточно высокая степень нормативной регламентации труда государственных служащих, которая является специфической особенностью и одновременно обязательным элементом их труда;
- использование интеллектуального, а также творческого потенциала для решения управленческих задач.

Результаты опроса пользователей Федерального портала управленческих кадров, в котором приняли участие 1925 человек, преимущественно незарегистрированные пользователи Федерального портала управленческих кадров (95,4 %) выявили следующую картину [7]: на вопрос «Что является наиболее привлекательным в работе государственного служащего?» респонденты ответили следующим образом:

Стабильность	32,3 %
Служение государству	31,2 %
Государственные гарантии	15 %
Близость к власти	8,7 %
Социальный статус	9,4 %

Здесь отметим, что проект «Резерв управленческих кадров», который запущен в масштабах страны в 2008 г., предусматривает в качестве одного из критериев, предъявляемых к кандидату на включение в кадровый резерв управленческих кадров – гражданскую позицию, т. е. патриотизм, социальная активность и ответственность, позитивное мышление, антикоррупционное поведение. Если рассматривать такое распределение ответов с точки зрения критериев, то отрадно, что каждый третий ответивший помимо стабильности ставит во главу угла и служение государству.

Ясно, что в разных возрастных группах доминирующими мотивами становятся также разные факторы. Для госслужащих моложе 30 лет привлекательными являются возможности получения профессионального опыта и карьерного продвижения: государственная гражданская служба рассматривается молодыми специалистами, делающими осознанное обоснование своего профессионального выбора, как способ капитализации своей квалификации. Для категории от 30 лет наиболее значимой становится стабильность и уверенность в будущем; лицам старше 50 лет важны правовые гарантии занятости [8].

Интересным в этом плане представляется диссертационное исследование М. М. Долгиева на тему «Особенности и стимулирование труда государственных гражданских служащих», где диссертант рассматривает специфику мотивов и стимулов, которые воздействуют непосредственно на качество и результативность труда государственных гражданских служащих. Использование результатов социологического опроса государственных гражданских служащих позволило исследователю сделать вывод, что в числе наиболее весомых факторов, стимулирующих эффективный труд, подавляющее большинство государственных гражданских служащих (90 %) выбрали факторы нематериального порядка (рис. 1).

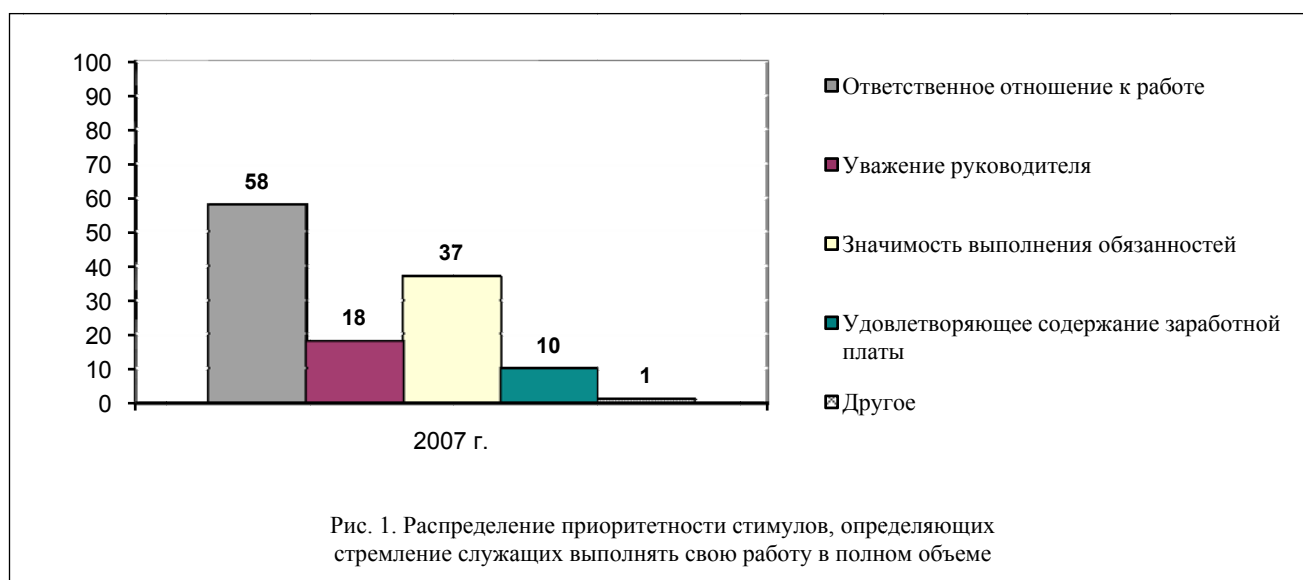

Рис. 1. Распределение приоритетности стимулов, определяющих стремление служащих выполнять свою работу в полном объеме

Это не означает, что вопросы материального стимулирования отходят для государственных служащих на второй план. В исследовании показано, что в настоящее время положительный ответ на вопрос «Устраивает ли Вас размер заработка, который Вы получаете» дают лишь 12 % служащих, а отрицательный – 83 % (рис. 2). За необхо-

димость изменения действующей системы оплаты труда высказывается 87 % государственных гражданских служащих.

С учетом того факта, что 53 % государственных гражданских служащих, принимавших участие в опросе, в качестве основных факторов привлекательности своего труда назвали его полезность об-

ществу и возможность с его помощью занять высокую социальную позицию, автором сделан вывод, что одной из наиболее насущных проблем текущего периода и осуществляемой административной

реформы в целом является устранение диспропорции между социальной значимостью выполняемой работы и уровнем оплаты труда государственных гражданских служащих [9. С. 19–20].

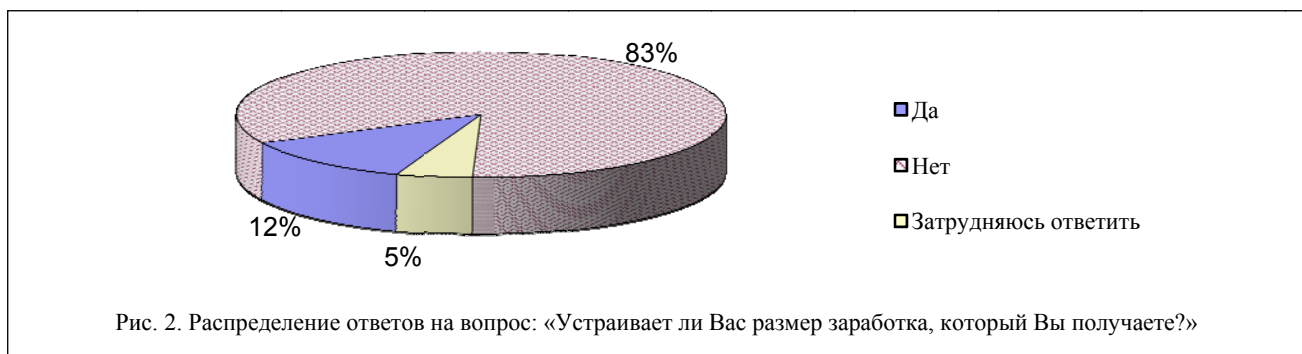

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Устраивает ли Вас размер заработка, который Вы получаете?»

Надо отметить, что государственную службу отличают высокая степень ответственности должностных лиц за принимаемые ими решения, их осуществление, результаты и последствия, жесткая нормативная регламентация управления и трудовой дисциплины, а также использование интеллектуального, творческого потенциала для решения управленческих задач. При этом денежное содержание государственных служащих ограничено в размерах, а получение госслужащими иных доходов помимо основного места работы жестко регламентировано законодательством, поэтому материальное мотивирование является наиболее часто используемым стимулом на госслужбе, хотя и не единственным. В секторе управления трудом государственных служащих применяются помимо материальных форм мотивирования и неэкономические формы.

Среди нематериальных форм стимулирования на госслужбе выделяют профессиональное развитие и мотивацию карьерой. Одним из мотивационных факторов выступает, на наш взгляд, кадровый резерв в целом и резерв управленческих кадров в частности. Большую роль в мотивировании играют программы подготовки управленческих кадров. Например, с 1997 г. во исполнение Указа Президента РФ от 23.07.1997 г. №774 [10] в России начала реализовываться первая Президентская программа подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства. В рамках этой программы ежегодно обучается более 5000 руководителей реального сектора экономики. Эффективность программы подтверждается следующими аспектами: участники приобретают опыт, который может быть применен сразу же по возвращении на прежнее место работы; они получают представление о западных способах ведения дел, что помогает участникам определить

профессиональные цели; а также происходит культурный обмен между российскими предприятиями и иностранными участниками Президентской программы.

На сегодняшний день в Ростовской области обучение по программе прошли более 1500 человек, более 300 из них были направлены на зарубежную стажировку, свыше 150 человек прошли стажировку на российских предприятиях. Каждый второй по итогам обучения продвинулся по карьерной лестнице. Каждый четвертый открыл свое собственное дело.

В 2007 г. были запущены сразу два партийных проекта «Единой России» – «Профессиональная команда страны» и «Кадровый резерв». В 2008 г. они слились в одну программу, получившую прямую поддержку Президента России. Миссией проекта «Кадровый резерв – профессиональная команда страны» [11] является выявление талантливых россиян и обеспечение им самого широкого общественного признания; формирование постоянно обновляемой базы данных профессионалов в области управления и новаторов, активно меняющих реальность вокруг себя.

В рамках проекта выделено пять направлений поиска:

- 1) социальная сфера;
- 2) деловое сообщество;
- 3) средства массовой информации;
- 4) партийная и общественная деятельность;
- 5) государственное и муниципальное управление.

В каждом из направлений определены категории. Так, для социальной сферы – это управление в области образования или науки, культуры или здравоохранения. В партийной работе – это не только три уровня управленческой вертикали, но и лидеры профсоюзных объединений или молодежных организаций. В бизнесе – менеджеры

из промышленности, сферы услуг, агропромышленного комплекса, а также те, кто внедряет сегодня лучшие стандарты корпоративного управления и занимается инновационным менеджментом. Разработчики и идеологи Проекта постарались сделать его понятным и в достаточной степени прозрачным для действующих и потенциальных участников, всех заинтересованных лиц и широкой общественности.

В рамках проекта, с использованием эффективной системы отбора (технологичной, с четкими и объективными критериями, с механизмом контроля качества), были идентифицированы «новые люди» для страны – профессионалы в области управления и новаторы, активно меняющие реальность вокруг себя. Результатом проекта стала общенациональная база данных, которой будут пользоваться на всех уровнях властной и партийной вертикали. И не только. Лауреаты проекта «Кадровый резерв – профессиональная команда страны» получают профессиональное и общественное признание. Таланты, управленческие и лидерские компетенции «резервистов» оказываются востребованы не только на государственной и муниципальной службе, но и в бизнес-среде, в партийной и общественной работе, в социальной сфере.

В системе управления трудовой мотивацией необходимо учитывать также мотивы социально-психологической направленности (укреплять чувство причастности к организации, подтверждать значимость каждого государственного служащего, формировать межличностные коммуникативные связи), содействовать и проявлению инновационно-творческой самостоятельности специалистов [13].

Ясно, что создание государственной службы «нового» (отзывчивого) типа напрямую связано с совершенствованием ее кадрового состава. Поэтому обеспечение для госслужащих необходимых условий для трудовой мотивации, которые бы дисциплинировали, стимулировали, способствовали профессиональной и творческой реализации, а также прививали бы нравственные и этические ценности в служебной деятельности,

несомненно позволит повысить ответственность и результативность российской государственной службы.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Президент (2008– ; Д. А. Медведев). О Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013): указ Президента РФ [принят 10 марта 2009 г.] // СЗ РФ. – 2009. – №11. – Ст. 1277.
2. Управление организацией. Энциклопедический словарь / под ред. А. Г. Поршнева, А. Я. Кибанова, В. Н. Гунина. – М.: ИНФРА-М, 2001.
3. Категории политической науки. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002.
4. Стимул. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. Мейскон, М. Основы менеджмента [Текст] / М. Мейскон, М. Альберт. – М.: Дрофа, 1999.
6. Использование технологии «Ключевые показатели эффективности» на государственной службе [Текст] // Кадровик. – Кадровый менеджмент. – 2009. – № 6.
7. Итоги опроса пользователей Федерального портала управленческих кадров. 30.07.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rezerv.gov.ru/News.aspx?t=32>
8. Повышение мотивации труда государственных служащих [Текст] // Кадровик. – Трудовое право для кадровика. – 2009. – № 3.
9. Долгиев, М. М. Особенности и стимулирование труда государственных гражданских служащих [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Долгиев М. М. – М.: РАГС, 2007.
10. Российская Федерация. Президент (1991–2000; Б. Н. Ельцин). О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации: указ Президента РФ [принят 23 июля 1997 г.] // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3607.
11. «Единая Россия» займется кадрами [Текст] // Независимая газета. – 2007. – 24 мая.
12. Чернова, Е. Повышение мотивации труда государственных служащих [Текст] / Е. Чернова // Кадровик. – Трудовое право для кадровика. – 2009. – № 3.

УДК 35.078

ЛЕГИТИМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Е. Сабуров

В статье анализируется процесс взаимодействия институтов гражданского общества и правового государства. Выявляются контрольные функции государства, обосновывается необходимость и возможность их легитимации в современном российском обществе.

Ключевые слова: легитимация, государственный контроль, правовое государство, гражданское общество, управление.

LEGITIMATION OF STATE CONTROL IN RUSSIAN SOCIETY

A. E. Saburov

The article analyzes the process of interaction between civil society and rule-of-law state. The control functions of the state and possibility of their legitimacy in contemporary Russian society are identified in the article.

Keywords: legitimation, state control, legal state, civil society, governance.

Несмотря на существенные изменения в правовом статусе общественных организаций, необходимо констатировать тот факт, что гражданское общество остается слабо структурировано и не оказывает системного влияния на процессы принятия государственных решений.

На наш взгляд, это связано с тем, что экономические и правовые изменения основ функционирования общества шли опережающими темпами развития политической культуры. Согласно мнению ряда авторов, степень демократизации политического процесса зависит не только от меры, формы, правовой обеспеченности вовлеченности в него элементов гражданского общества, но и от осознания ими этой меры. Больше того, именно это осознание и составляет глубинную основу политической культуры участников массового политического процесса.

Как отмечал С. М. Липсет, стабильность демократической политической системы зависит от того, насколько она эффективна и легитимна [3. Р. 69–105]. Демократия должна быть легитимной (впрочем, как и любые другие типы политических режимов, если они стремятся к стабильности; различие здесь в том, на какую часть населения направлена легитимация режима), поскольку сама ее сущность отрицает насильственное подчинение большинства граждан. Поэтому если мы говорим об эффективности государственного управления при демократической форме правления, то нам не избежать вопроса об обеспечении ею своей легитимности. К аналогичному выводу приходит Ф. Борншир [2. Р. 215–230] при анализе государственного управления по отношению к легитимности: легитимность политической системы – показатель высокого качества управления, так как всякое государство стремится легитимировать свою деятельность как можно больше.

Степень легитимности при этом выступает одним из конкурентных преимуществ в экономике. Правительства производят «порядок» и продают его предпринимателям и гражданам, находящимся под их управлением. Ощущение граждан, что они могут оказывать влияние на политический процесс, составляет важное предварительное условие их демократического участия в этом процессе. По этому ощущению можно выявить потенциал способности людей превратиться в политически компетентных и активных граждан в процессе демократизации политической системы. В случае же, когда граждане, как это имеет место в тоталитарных режимах, ощущают свое бессилие, невозможность оказать существенное влияние на политический процесс, это приводит к формированию устойчивого чувства безнадежности, что, в свою очередь, ведет к апатичности общества, игнорировании ими политического процесса как такового. Часто можно ожидать обратной реакции, внутреннего чувства протеста против существующего порядка, что становится постоянным конфликтогенным фактором, детерминирующим общественные процессы, ведущему в конечном счете к контраверсивному характеру отношений между властью и обществом. И то и другое крайне опасно для устойчивого развития и безопасности государства, решения власти либо игнорируются, либо активно тормозятся населением, что приводит к низкому уровню эффективности государственной политики. Наиболее явным показателем оценки гражданами своей возможности оказывать влияние на политический процесс является то, как граждане реализуют свое избирательное право. Можно констатировать тот факт, что выборы в современной России часто игнорируются.

Наряду с оценкой возможностей влияния граждан на политический процесс значение для

формирования политической культуры имеет восприятие ими степени отзывчивости политической системы и ее институтов на нужды и требования граждан. Обе эти стороны политической культуры взаимосвязаны и в то же время имеют самостоятельную роль и относительную обособленность. В реальной жизни они могут противостоять, точнее, их может противопоставлять сама действительная ситуация.

Наконец, демократическая культура не может реализоваться без согласованных действий граждан, которые возможны только при достаточно высокой степени доверия друг к другу. Структуры гражданского общества эффективны, прежде всего, в формате больших ассоциаций, «организованных групп интересов», создание и функционирование этих групп детерминировано уровнем доверия граждан по отношению к другим гражданам, к институтам власти. Необходимость наличия в политическом поле таких групп интересов объясняется той функциональной нагрузкой, которую они на себе несут.

Рассматривая взаимодействие гражданского общества и государства с точки зрения легитимации государственных функций, в рамках государственного контроля, необходимо рассмотреть понятия легитимации и правового государства.

Термин «правовое государство» является буквальным переводом с немецкого «rechtsstaat» и соотносится с вполне определенными концепциями [1].

В паре взаимосвязанных феноменов «общество – государство» ведущую, определяющую роль играет общество, следовательно, в паре «гражданское общество – правовое государство» определяющим является гражданское общество, которое на своей основе позволяет развиваться государству, становясь его содержанием и отводя ему тем самым место одной только политической формы. В Новое время, когда обменные отношения превращаются в господствующие, государство – лишь сторона гражданского общества, которая, помимо прочего, обуславливает его демократический характер.

В XX в. во многих странах мира сложилось государство с особыми признаками, которые в совокупности характеризуют его как правовое. Большинство современных европейских государств принадлежит по своему государственному строю к правовым государствам.

Поскольку правовое государство и гражданин – равноправные участники правоотношений, основной формой их взаимосвязей выступает договор (о приеме на работу, займа, купли-продажи, найма жилого помещения и т. д.). Договором высшей формы является конституция, если

она принята в результате всенародного голосования (референдума). В ней определяются те особые права, которые передаются государству и не могут принадлежать отдельному гражданину, и те естественные права, которые составляют содержание частной жизни граждан и неприкосновенны для всего государства.

Правовое государство не следует понимать как законченную, совершенную формулу, как некую статическую субстанцию. Правовое государство одновременно является категорией сущего и должного, идеалом, преобразующим действительность.

Более сложным представляется понятие легитимации государственной власти. Legitimus тоже означает законный, узаконенный, но данное понятие не юридическое, а фактическое, хотя его составной частью могут быть юридические элементы. По существу, из этого исходили конфуцианцы в споре с легистами, легитимацию имели в виду сторонники и светской, и духовной властей, по-разному интерпретируя «волю бога». Современное значение этого понятия связано с исследованиями политологов, прежде всего немецкого ученого Макса Вебера (1864–1920 гг.).

Легитимация нередко вовсе не имеет отношения к закону, а иногда и противоречит ему. Это процесс не обязательно формальный и даже чаще всего неформальный, посредством которого государственная власть приобретает свойство легитимности, т. е. состояние, выражающее правильность, оправданность, целесообразность, законность и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, социальных и иных коллективов, общества в целом. Признание государственной власти, ее действий легитимными складывается на основе чувственного восприятия, опыта, рациональной оценки. Оно опирается не на внешние признаки (хотя, например, ораторские способности вождей могут оказать значительное воздействие на публику, способствуя установлению харизматической власти, а на внутренние побудительные мотивы, внутренние стимулы). Легитимация государственной власти связана не с изданием закона, принятием конституции (хотя и это может входить в процесс легитимации), а с комплексом переживаний и внутренних установок людей, с представлениями различных слоев населения о соблюдении государственной властью; ее органами норм социальной справедливости, прав человека, их защитой.

Легитимная власть не опирается на насилие или иные формы принуждения, в том числе психического воздействия, так как легитимацию нельзя навязать людям извне, например, силой

оружия. Она создается преданностью людей определенному общественному строю (иногда определенной личности), который выражает непреложные ценности бытия. В основе такого рода преданности лежит вера людей в то, что их блага зависят от сохранения и поддержки данного порядка, данной государственной власти, убеждения в том, что власть выражает интересы народа. Поэтому легитимация государственной власти всегда связана с интересами людей, различных слоев населения. А поскольку интересы и потребности различных групп в силу ограниченности ресурсов и других обстоятельств могут быть удовлетворены только частично или удовлетворены полностью лишь запросы некоторых групп, легитимация государственной власти в обществе, за редчайшими исключениями, не может иметь всеобъемлющего, универсального характера. Чем выше уровень легитимации государственной власти, тем шире возможности руководства обществом с минимальными «силовыми» издержками и затратами «управленческой энергии», с большей свободой для саморегулирования общественных процессов. Вместе с тем легитимная власть вправе и обязана в интересах общества применять меры принуждения, предусмотренные законом, если иные способы пресечь антиобщественные действия не дают результатов.

Уровень легитимности институтов и структур российской государственной власти обуславливается эффективной и жизнеспособной институциональной идентичностью, которая интегрирует социально-правовую деятельность на публичном уровне. А сами социальные деятели поддерживают (легитимируют) сложившуюся институциональную систему и соответствующую ей политико-правовую культуру, имеют устойчивые представления о содержании институтов и их значении, воспроизводят

в своих политико-правовых практиках основные институциональные формы и модели социального взаимодействия. Ослабление национально-культурной идентичности приводит к институциональным искажениям, следствием которых является кризис доверия, т. е. разрушение традиционного (сложившегося, привычного) механизма легитимации и делегитимации существующих публично-правовых институтов. Данные политико-правовые процессы задают такую ситуацию, когда институты и социально-нормативные регуляторы общественных взаимоотношений теряют эффективность, действенность и социальное значение.

В качестве вывода можно сказать, что становление гражданского общества, как и развитие государства не может происходить бесконтрольно. Над каждым институтом необходимо осуществлять контрольные функции. Направленное воздействие друг на друга позволяет сдерживать их развитие в нужных рамках. Одновременно сам контроль должен быть принят сторонами и, таким образом, стать легитимным. Легитимация контрольных функций является сегодня одной из важнейших задач государства и общества, выполнение которой позволит сократить разрыв между ними.

Библиографический список

1. *Нерсесянц, В. С.* Правовое государство: история и современность [Текст] / В. С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 1989. – №2.
2. *Bornschier, F.* Legitimacy and comparative economic success at the core of the world system: An explanatory study [Text] / F. Bornschier // *Europ. Soc. Rev.* – 1989. – V. 5. – № 3.
3. *Lipset, S. M.* Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy [Text] / S. M. Lipset // *Amer. Polit. Sci. Rev.* – 1959. – V. 53. – № 1.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.7

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ К МИГРАНТАМ ЗА 2007–2009 гг.: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н. В. Разгонникова, А. И. Корникова

В данной статье приводится анализ мониторинга местных жителей Астраханской области за 2007–2009 гг., основные задачи которого – выявить потребности в профессионально-квалификационных группах мигрантов; определить характеристики принимающего сообщества, то есть социально-политические, экономические и культурно-этнические особенности, а также отношение астраханцев к мигрантам из стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: миграция, социальная адаптация, интолерантность, общественное мнение, интеграция.

THE DYNAMICS OF RELATIONS BETWEEN THE POPULATION OF ASTRAKHAN REGION TO MIGRANTS IN 2007–2009 YEARS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

N. V. Razgonnikova, A. I. Kornikova

This article provides an analysis of monitoring local residents of the Astrakhan region in 2007–2009 years. Whose main tasks – to identify needs in the vocational qualification groups of migrants and to determine the characteristics of the host community, ie the socio-political, economic, cultural and ethnic characteristics, as well as Astrakhan attitude towards migrants from neighboring countries.

Keywords: migration, social adaptation, intolerance, public opinion, integration.

В условиях трансформации современного российского общества миграционные процессы претерпели значительные качественные изменения. На постсоветском пространстве изменились масштабы миграции, ее содержание, направление, характер, формы. Основные изменения миграционного законодательства, принятые в 2007–2008 гг., как раз и направлены на то, чтобы разработать механизм, позволяющий определить для нашей экономики реальную потребность в иностранных работниках. Правительством Российской Федерации устанавливаются квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам по приоритетным профессионально-квалификационным группам, с учетом политической, экономической, социальной и демографической ситуации в регионе [9].

Миграция населения может вызвать обезлюдение и экономический регресс одних районов и концентрацию населения в других. С одной стороны, миграция населения оказывает существенное влияние на сбалансированность рынка труда, изменяет экономическое и социальное положение населения, нередко сопровождается ростом образовательной и профессиональной подготовки, расширением потребностей участвующих

в миграции людей. С другой стороны, массовый приток мигрантов может быть причиной роста безработицы, сильного давления на социальную инфраструктуру (жилье, здравоохранение и др.). Тем самым миграция влияет на уровень жизни коренных жителей.

В последнее время в Российской Федерации, в том числе и в Астраханской области, все более острой становится проблема неконтролируемой и особенно незаконной миграции. В значительной мере эта напряженность вызывается отсутствием необходимой законодательной базы, определяющей приграничное положение Астраханской области и регулирующие вопросы въезда и выезда, пребывания и регистрации иностранных граждан из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Еще одним механизмом, позволяющим выявить потребности в профессионально-квалификационных группах мигрантов, является периодический мониторинг, определяющий характеристики принимающего сообщества, то есть социально-политические, экономические и культурно-этнические особенности Астраханской области, а также отношение астраханцев к мигрантам из стран ближнего зарубежья.

Для выявления этих факторов в 2007 г. было проведено первое исследование среди жителей Астраханской области – одного из главных центров использования нелегальной иностранной рабочей силы. На анкету, которая состояла из 35 вопросов, ответили 200 человек, причем 110 человек из них – женщины. В процессе исследования было опрошено 19 % молодежи в возрасте от 18–25 лет, 54 % людей среднего возраста (от 25–50 лет) и 27 % людей пожилого возраста (от 50 лет и старше). Таким образом, анализ возрастной структуры рассмотренного контингента местных жителей позволяет говорить о том, что удельный вес лиц трудоспособного возраста достаточно высок и составляет 81 %. Это, в свою очередь, ведет к тому, что трудоустройство переселенцев «в ущерб» местному населению воспринимается как его дискриминация и приводит к межнациональным конфликтам.

Подобное исследование было проведено в 2009 г. По репрезентативной выборке было опрошено 200 человек, причем была учтена возрастная и половая выборка. В процессе исследования было опрошено 34 % молодежи (20 чел.), 53 % людей среднего возраста (32 чел) и 13 % людей пожилого возраста (8 чел.).

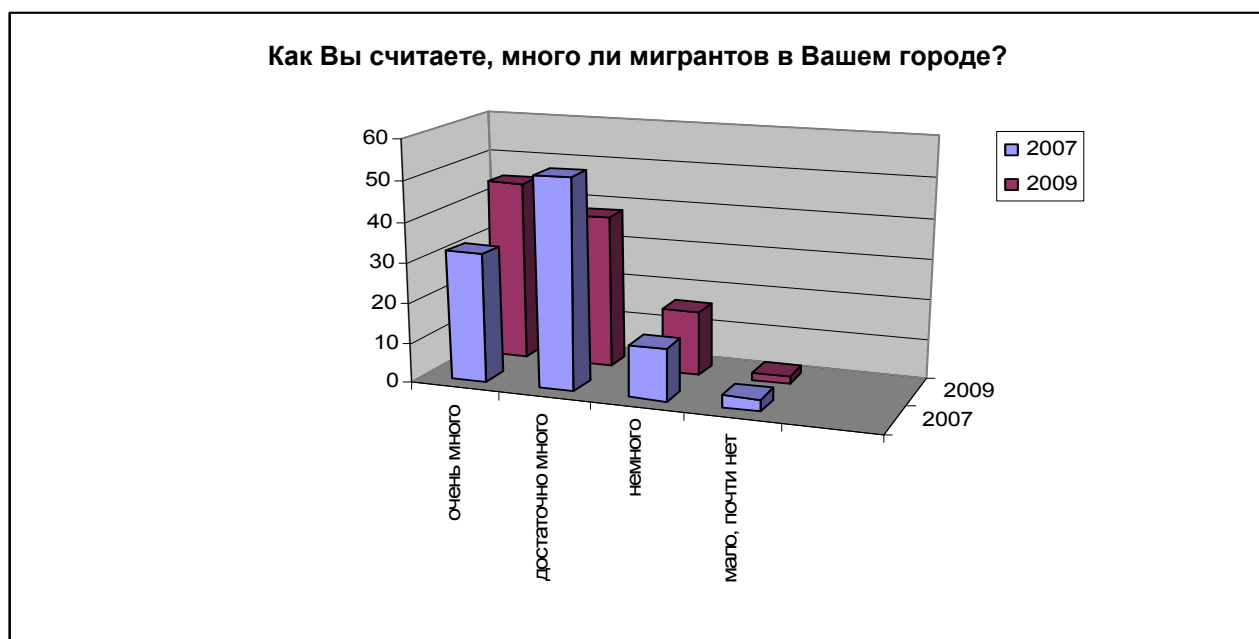
В обоих исследованиях принимали участие местные жители, мнения которых помогли выявить особенности этносоциальной адаптации и интеграции мигрантов в Астраханской области. В анкетах, разработанных отдельно для каждого из исследований, были поставлены идентичные

вопросы, позволившие сравнить полученные результаты.

Обобщение и анализ исследований этносоциальной адаптации и интеграции позволяет осуществить их группировку в двух направлениях. Во-первых, это изучение сложившихся форм социального взаимодействия мигрантов и местных жителей (семейные, соседские отношения, формальные и неформальные связи). Во-вторых, исследование социально-экономических характеристик мигрантов (трудоустройство, социально-бытовые вопросы).

Астраханская область, как приграничный регион подвергается все возрастающей миграционной экспансии, аккумулирует все основные виды и типы миграции, что неизбежно создает проблемы как для области, так и для города и для проживающих в них жителей. Исходя из этого, большинство астраханцев считают, что мигрантов в их социуме достаточно много. Этот факт подтверждают и общероссийские данные, так, согласно «Российской газете», которая приводит данные ФМС РФ, в 2009 г. из 14,4 млн. иностранцев, приехавших в Россию, 3,6 млн. – украинцы, 2 млн. – выходцы из Узбекистана, 1,5 млн. – из Казахстана и еще 1 млн. – из Таджикистана [10].

Если проводить аналогию между двумя проведенными исследованиями, можно выявить, что отношение местных жителей к численности мигрантов, в целом, несколько изменилось (2007 г. – 52 %, в 2009 г. – 45 %).

На вопрос «Есть ли среди Вашего окружения мигранты?», несмотря на большой процент респондентов, отметивших в предыдущем вопросе,

что мигрантов в области много или достаточно много, 60 % – 2007 г., 56 % – 2009 г. указали на отсутствие мигрантов в своем непосредственном

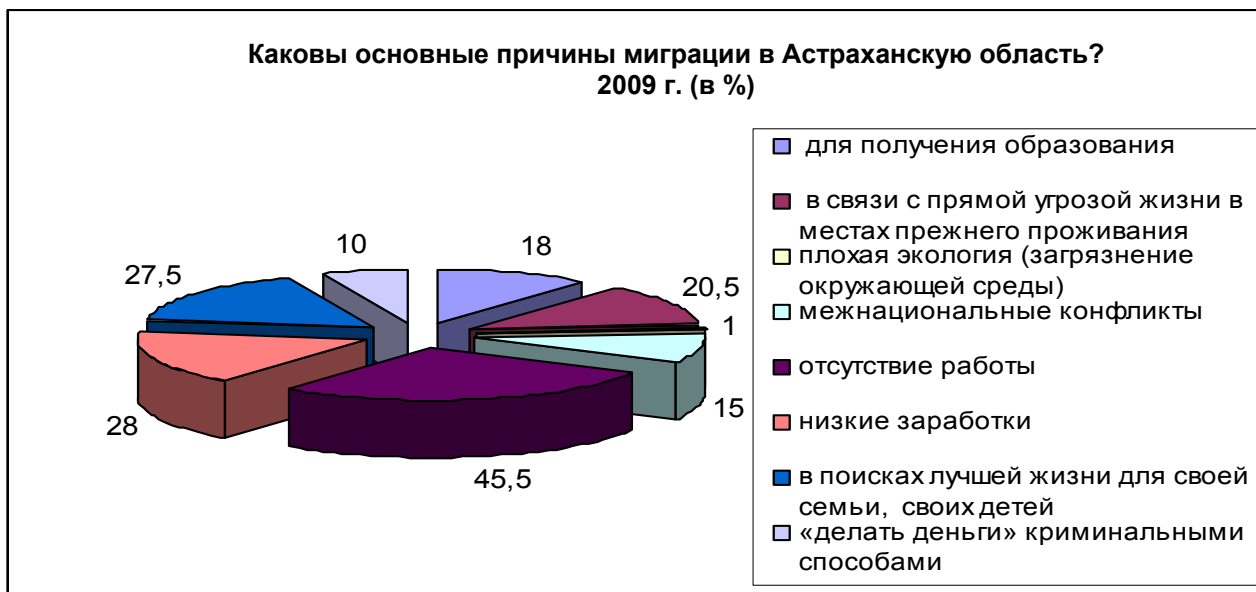
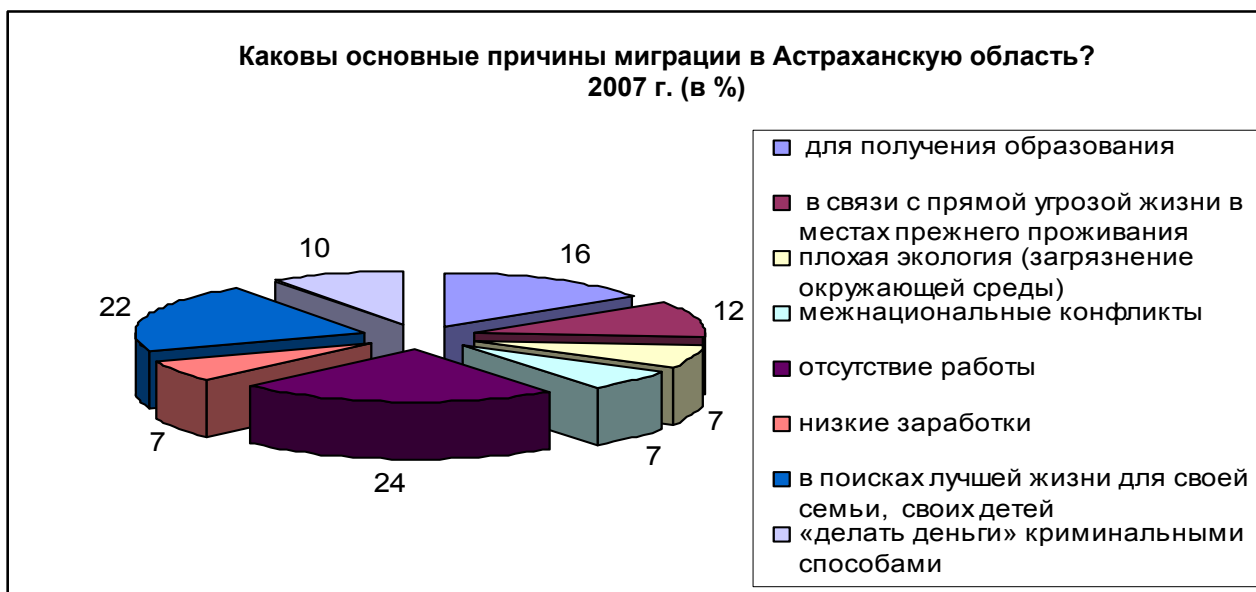
окружении (знакомые, друзья, сокурсники, соседи, жители одного района), и лишь 25 % – 2007 г., 35 % – 2009 г. подтвердили свою точку зрения относительно количества мигрантов в Астраханской области.

Среди причин, вызвавших массовую трудовую миграцию из стран СНГ, определяющей является их социально-экономическое положение. Одним из наиболее важных выталкивающих факторов, способствующих миграции трудовых ресурсов, является безработица.

Так, по данным Международной организации труда, в государствах-участниках СНГ число безработного населения составило, по оценке,

около 11 млн. человек. В службах занятости государств-участников СНГ на конец марта 2009 г. состояло 3,4 млн. безработных граждан, что в 1,3 раза больше, чем на конец марта 2008 г. [11].

Безработица, как одна из главных причин приезда мигрантов в Астраханскую область, отмечается и жителями региона. Так, в 2007 г. вариант ответа «отсутствие работы» отметило 24 % опрошенных, в то время, как в 2009 г. также считают уже 45 % респондентов. Остальные варианты ответов: «В поисках лучшей жизни для своей семьи и детей», «Низкие заработки», «В связи с прямой угрозой жизни в местах прежнего проживания» были менее популярны.

Такие объективные причины, как «Отсутствие работы» и «В связи с прямой угрозой жизни в местах прежнего проживания» были предсказуемы,

так как общественное мнение в последние годы воспринимает миграцию в область в основном как экономическую. Причины, связанные с угрозой

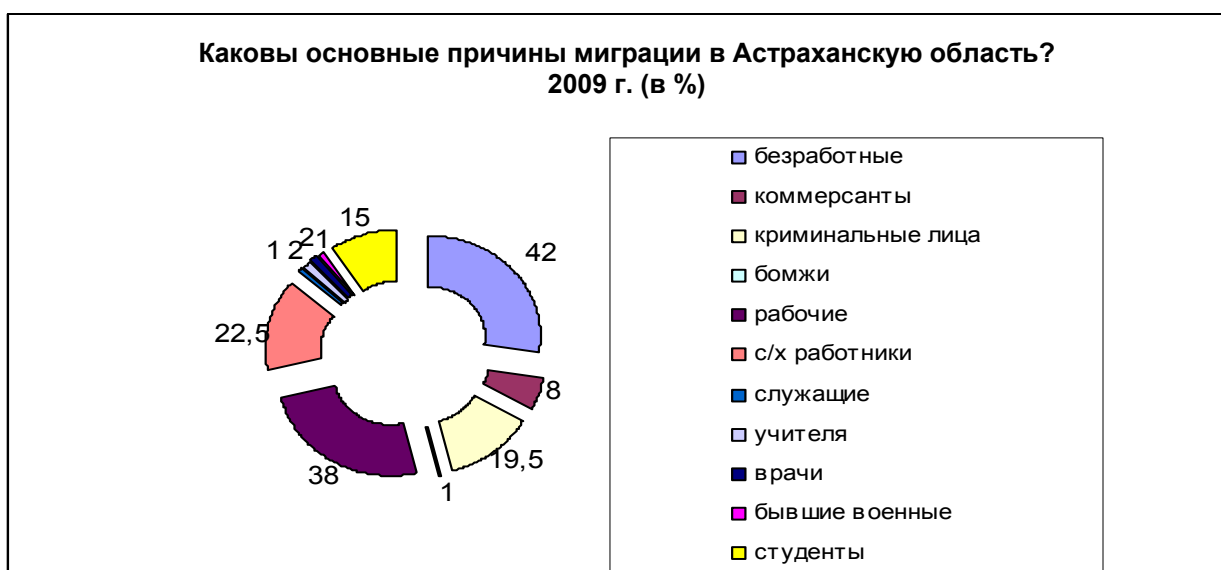
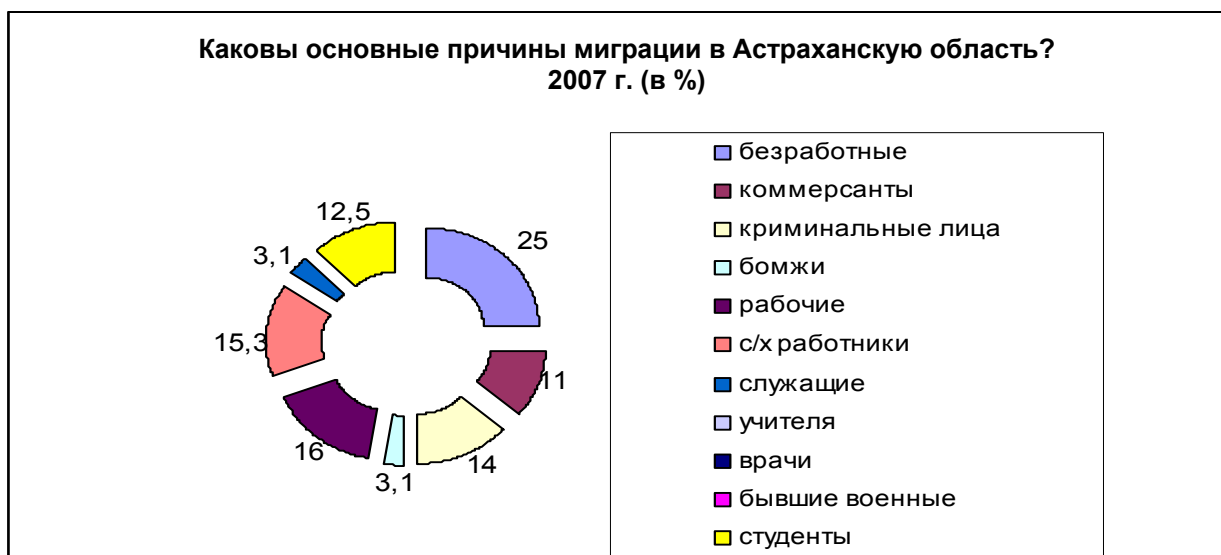
жизни, были на первом месте в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., в настоящее же время они занимают существенно меньшую долю в общем наборе причин миграции.

При определении социального положения мигрантов наблюдается поляризация ответов. С одной стороны, респонденты указывают на то, что по социальному положению мигранты – безработные (25 % в 2007 г., 42 % – 2009 г.), с другой стороны – рабочие и с/х работники. Также популярными ответами стали ответы: «криминальные лица» – (16 % – 2007 г., 19,5 % – 2009 г.), «студенты» – (12,5 % – 2007 г., 15 % – 2009 г.) и «коммерсанты» – (11 % – 2007 г., 8 % – 2009 г.).

Такие позиции, как «бомжи», «криминальные лица», «коммерсанты» приходится на социальные группы, не являющиеся одобряемыми общест-

венным мнением. Имущественное положение безработных, с одной стороны, и коммерсантов – с другой, безусловно, отличается. Однако как безработные, так и коммерсанты являются маргиналами в современном российском обществе. Это же можно сказать о представителях криминального сообщества и лицах без определенного места жительства.

Таким образом, респонденты определяют социальный статус мигрантов как менее высокий, чем население Астраханской области в целом. Однако в исследовании 2009 г. наблюдается тенденция к возрастанию социального статуса мигрантов, об этом говорит, хоть и не высокий (6 %), но все же процент следующих ответов: «служащие», «учителя», «врачи», «бывшие военные».

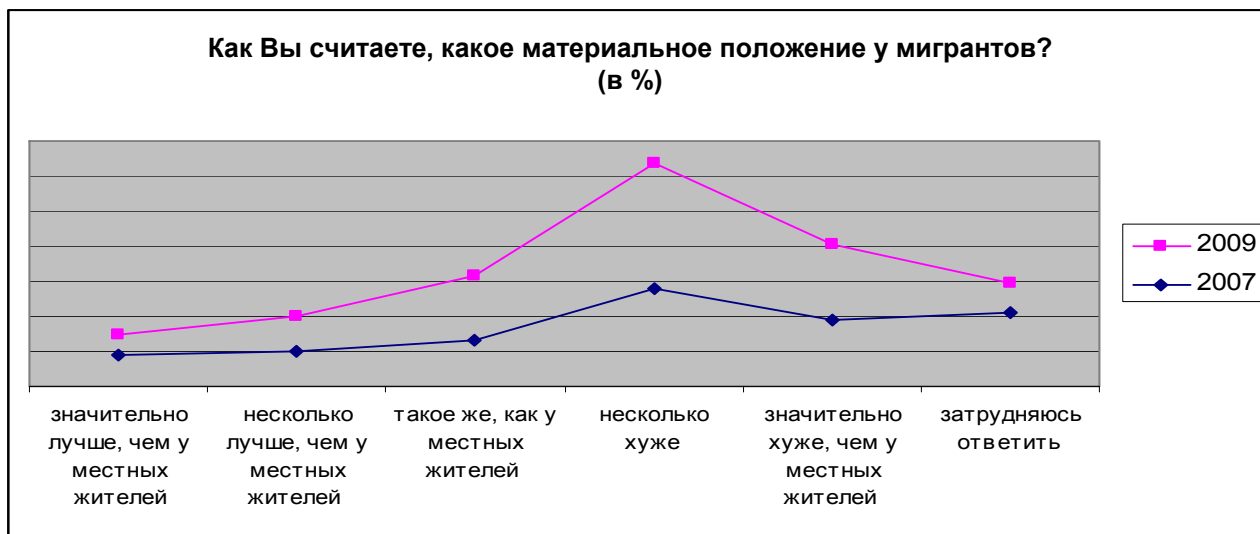

Тенденция к восприятию мигрантов как менее статусной группы проявляется и при оцен-

ке материального положения мигрантов. Так, при большом сходстве распределений ответов

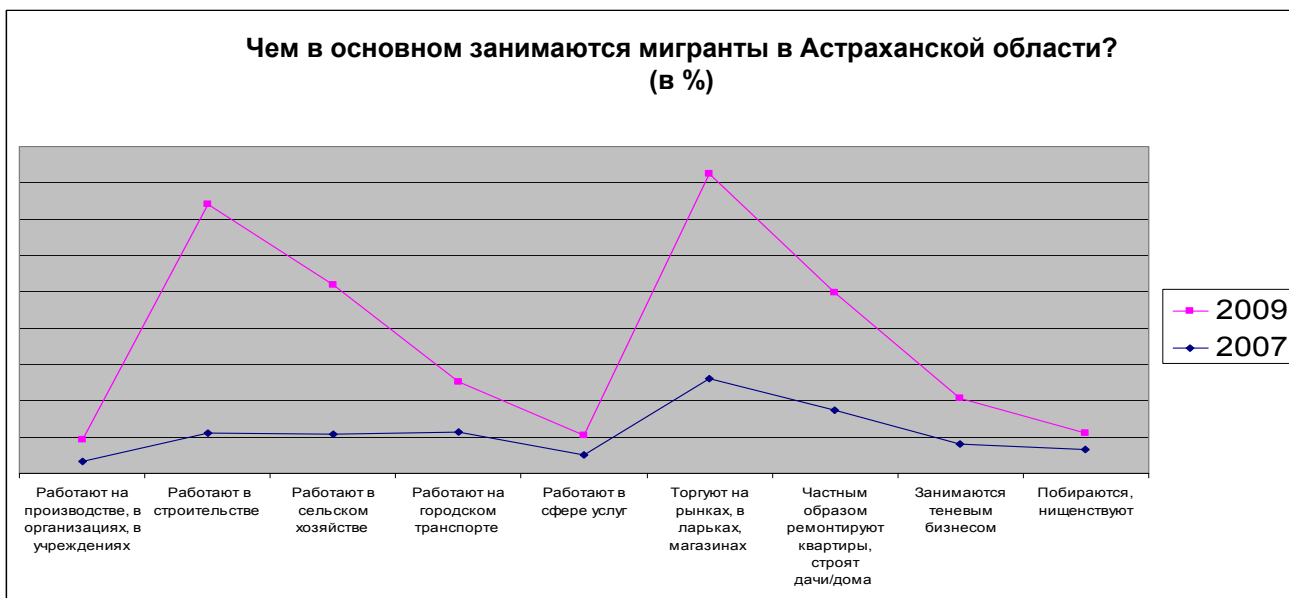
на вопрос «Как Вы считаете, какое материальное положение у мигрантов» в опросах 2007 и 2009 гг. есть некоторое отличие в ответе «несколько хуже» (28 % – 2007 г., 36 % – 2009 г.).

В свою очередь, 9 % в 2007 г., 6 % – 2009 г., астраханцев представляют мигрантов гораздо более обеспеченными.

Характеризуя сферы занятости мигрантов, респонденты также продемонстрировали, с одной стороны, высокое сходство с общим массивом горожан, а с другой – тенденцию рассматривать их социальное положение как хорошее. Так, если в общей выборке 2007 г. только 6,6 % указали,

что мигранты «побираются, нищенствуют», то в 2009 г. таких ответов оказалось 4,5 %. Что является наименьшим процентом в распределении мнений. Лидирующие позиции в обоих исследованиях заняли сферы строительства, торговля на рынках, ремонт квартир и сельское хозяйство.

Устойчивая трудовая миграция за несколько последних десятилетий вызвала заметные структурные сдвиги в экономике, существенно изменив сегментирование рынков труда. Обозначившееся разделение труда, в котором мигрантам, как правило, отводятся определенные виды работ, постепенно стало неотъемлемой частью мирового экономического порядка.

Иностранную рабочую силу используют на предприятиях судостроительной промышленности (Украина), в строительных организациях (Югославия, Венгрия, Турция), в коммерческой деятельности (Вьетнам, Азербайджан, КНР, Иран), на сельскохозяйственных предприятиях (Узбекистан) в области и при этом часто нарушаются правила их пребывания и сроки регистрации [12].

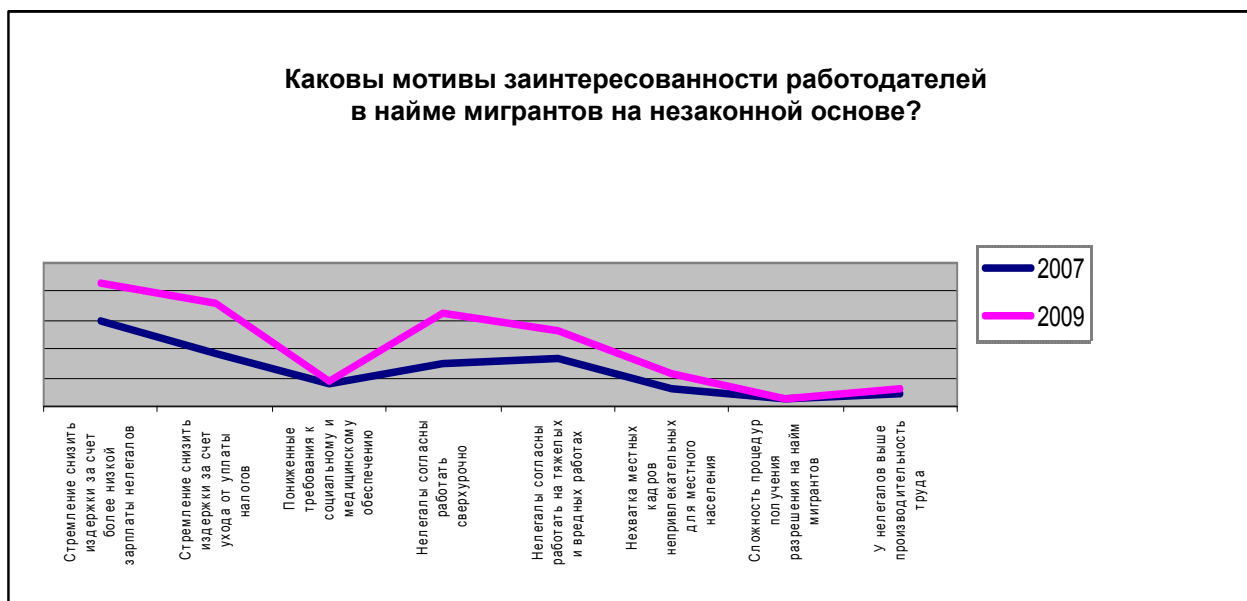
Наибольшее количество иностранной рабочей силы работает в г. Астрахани, Красноярском, Икрянинском и Приволжском районах, где и так наблюдается избыток рабочей силы.

Так как многие из респондентов являются потенциальными работодателями для мигрантов, то интересны ответы на вопрос: «Каковы мотивы заинтересованности работодателей в найме мигрантов на незаконной основе?». Большинство респондентов указали, что основным мотивом является стремление снизить издержки за счет более низкой заработной платы. Практически одинаковое число респондентов отметили следующие ответы: «Стремление снизить издержки за счет ухода от уплаты налогов» – 18,2 % в 2007 г., 36 % – 2009 г., «Нелегалы согласны работать на тяжелых и вредных работах» – 16,4 % в 2007 г., 26 % – 2009 г., и «Нелегалы согласны работать сверхурочно, более длительное время» – 14,5 % в 2007 г., 32,5 % – 2009 г. Таким образом, местное население воспринимает мигрантов как дешевую рабочую силу, которая готова пойти на все условия, лишь бы получить рабочее место.

Специфика переселенческой ситуации состоит в том, что мигранты, не имеющие регистрации и гражданства, вынуждены работать только неофициально [1. С. 51–53]. Им гораздо труднее найти ра-

боту, чем местному населению, они – аутсайдеры на рынке труда. Нередко отношения мигрантов с работодателями основываются не на трудовом законодательстве, а на абсолютном диктате последних.

Мигранты, не получившие гражданства РФ, не могут рассчитывать и на пособие по безработице. Распространенная форма трудоустройства мигрантов – работа за жилье. Но жилье, которое предоставляют человеку на таких условиях, привязывает его к месту, люди оказываются в положении заложников. Как правило, зарплата у них очень низкая, к тому же ее часто задерживают. Должности – вахтеры, электрики, дворники, сельскохозяйственные рабочие. Нередко людей обманывают, вовремя не выплачивают зарплату. Пользуясь тем, что человек «повязан» жильем, не прописывают, боятся, что мигрант после прописки сразу уволится. Поэтому предприятия тянут как можно дольше с предоставлением прописки. Совхозы также сейчас переживают не лучшие времена, работы там мало. Поэтому даже такая профессия, как доярка, оказывается дефицитной. И хотя опыт адаптации городских жителей в селе в целом неудачен, многие переселенцы, особенно неполные семьи – женщины с детьми, вынуждены ехать в село, где они надеются выжить с помощью подсобного хозяйства [2. С. 552].

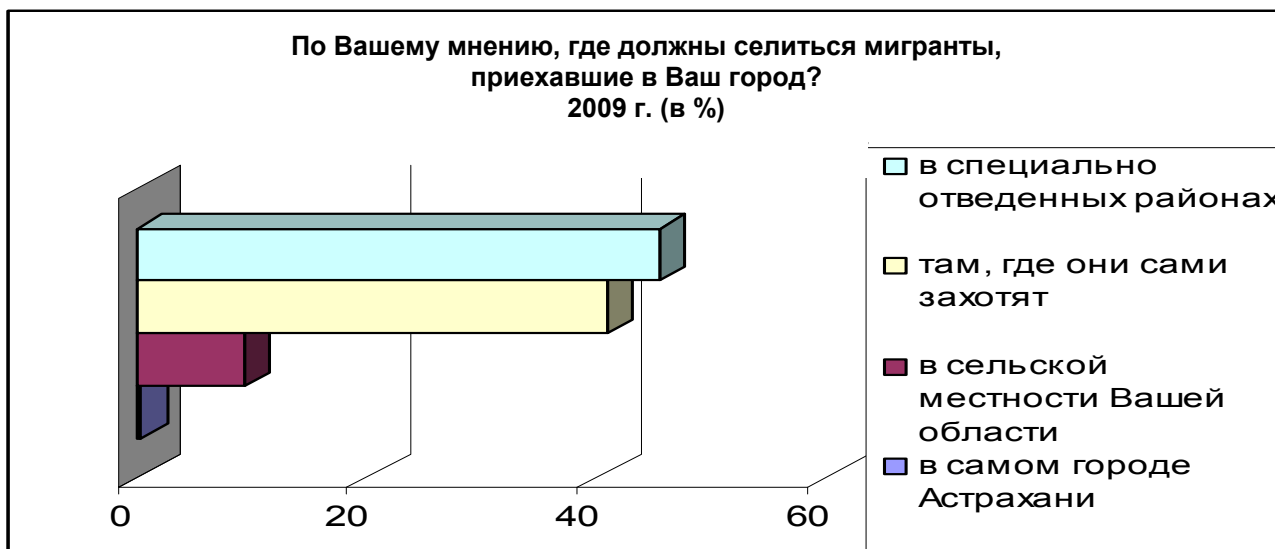
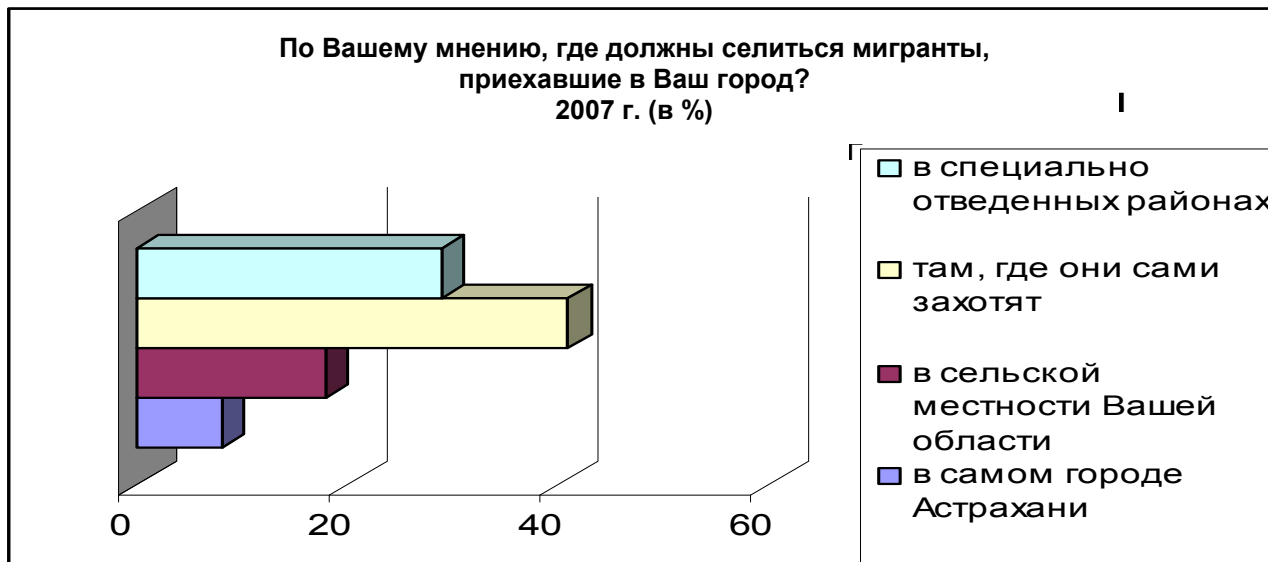
Таким образом, незаконная миграция влечет ряд тяжелых последствий не только для самих мигрантов (ущерб здоровью, разьединенность семей, постепенная дисквалификация, понижение социального статуса и т. д.), но и для Астраханской области (сохранение теневой экономики, недопоступление налогов в бюджет, повышение социальной напряженности в результате обостре-

ния конкуренции на рынках труда между местным населением и низкооплачиваемыми мигрантами, повышение межэтнической напряженности в результате роста численности «иноэтнического» населения, и т. д.) [3].

Один из аспектов отношения местного населения Астраханской области к мигрантам раскрывается ответами на вопрос «По Вашему мнению, где

должны селиться мигранты, приехавшие в Ваш город?». Из числа опрошенных самый большой массив полагает, что мигранты, уже приехавшие в Астраханскую область, должны все же найти место для проживания «где-нибудь подальше», а именно «в специально отведенных районах»

(45,5 % – 2009 г.) Однако картина 2007 г. выглядела несколько иначе, большинство респондентов считали, что мигранты должны селиться там, где они сами захотят. Следующий по численности массив был готов терпеть присутствие мигрантов в сельской местности, но не в самой Астрахани.

Отношение местных жителей к приезду мигрантов на заработки в Астраханскую область отражает реальную картину всех социумов, этническая принадлежность которых выступает на сегодняшний момент определяющим маркером отношений «свой – чужой».

Этническая интолерантность возникает лишь в том случае, когда среди однородной массы приезжих (пусть даже носителей иных, не городских, к примеру, культурных навыков) четко

выделяется по внешним, расовым, языковым или иным характеристикам определенная этническая группа, воспринимаемая как чуждая для принимающего социума. И характеристики этой группы затем кладутся в основу персонифицированного, обобщенного образа нежелательного, разрушающего своим присутствием привычную среду обитания мигранта «N-ной национальности» и/или конфессиональной принадлежности [4. С. 131].

	В основном положительно		В основном отрицательно		Равнодушно		Затрудняюсь ответить	
	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.
Из других районов Вашей области	63	51,5	5	14	25	28,5	7	6
Из других регионов России	38	34,5	15	21	39	33	8	11,5
Из Грузии, Азербайджана, Армении	13	11	46	52,5	28	25	13	11,5
Из Беларуси, Украины, Молдовы	19	21	29	32,5	40	32,5	12	14
Из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана	13	15,5	47	46,5	30	29	10	9
Из Вьетнама, Китая и других стран, не входящих в СНГ	10	8	58	54	23	25	9	13

Как видно из таблицы, общество, в лучшем случае, относится к мигрантам из других стран равнодушно. Зачастую отношение к мигрантам склоняется в сторону враждебности. Особый случай – миграция населения из Вьетнама, Китая и других стран, не входящих в СНГ. Речь идет не только об отдельных эксцессах, в которых проявляются враждебные взаимоотношения между местным населением и представителями этносов мигрантов. На основании данных социологических опросов местного населения можно сделать вывод о том, что в массовом сознании сложился устойчивый синдром неприятия инородцев вообще. Это неприятие прояв-

ляется вдвойне, если инородцы неславянского происхождения.

В целом, очевидно преобладание негативного отношения к представителям кавказских этнических групп. Причем оно выражается независимо от гражданства и вероисповедания представителей этих категорий мигрантов. Отчасти такой вектор формирования общественного мнения, связанного с межэтническими отношениями, объясняют ответы на следующий вопрос, заданный местному населению: «Чем можно охарактеризовать плохое отношение к мигрантам?». Наиболее значимые из этих ответов распределились следующим образом:

Чем можно охарактеризовать плохое отношение к мигрантам (в %)	2007 г.	2009 г.
Они создают криминальную обстановку в местах своего проживания	35	39,5
Они занимают рабочие места	16	29,5
Отвлекают на себя ресурсы социальных служб	21	7
Первыми получают жилье, отодвигая коренных жителей	10	14,5
Они несут чуждую для местного населения культуру	18	9,5

Сегодня усиление раздражения в отношении приезжих основывается на дополнительных аргументах: содержательная основа объяснения враждебности к мигрантам в постсоветский период стала шире и богаче. Восприятие переселенцев как конкурентов с констатацией их отрицательных качеств на сегодняшний день усиливается ощущением обязательности сопровождения миграции криминалитетом и коррупцией [5. С. 31–32].

В общественном мнении миграция представляется также источником и других социальных проблем. В заметках, посвященных Всемирному дню борьбы с туберкулезом, некоторые издания упомянули мигрантов в одном ряду с больными

алкогольной зависимостью, безработными, бывшими заключенными, бедными и как группы, наиболее подверженные туберкулезу. В публикациях о случаях обрушения ветхого жилья отмечается, что подобные трагедии происходят из-за привлечения к разбору домов мигрантов и бомжей, чей труд обходится недобросовестным работодателям значительно дешевле привлечения профессиональных специалистов [6. С. 329].

Однако, что касается вопроса «Как Вы относитесь к диаспорам представителей других национальных групп, постоянно проживающих в Вашем городе?», большая часть респондентов ответили – «равнодушно» (40 % в 2007 г., 52 % – 2009 г.).

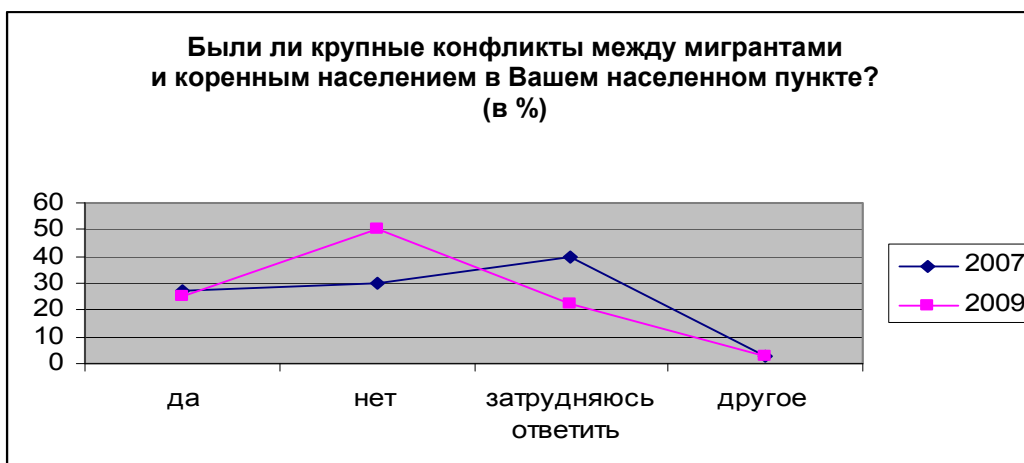
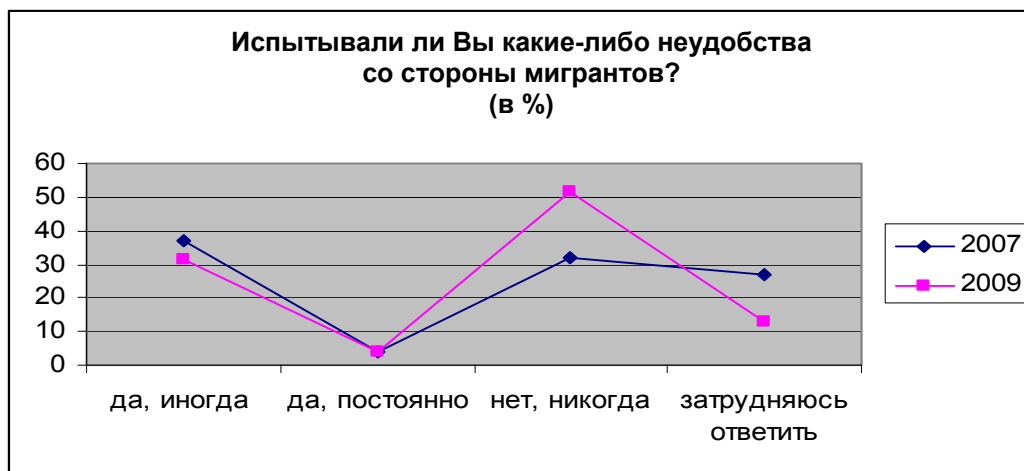
Кардинально изменилось отношение от уважения к раздражению, если в 2007 г. с уважением к представителям других национальных групп, постоянно проживающих в г. Астрахани, отно-

сились 28 % (второй по популярности ответ), то в 2009 г. этот показатель занимает уже третье место (14,5 %), уступая ответу «с раздражением» (23 %).

Подобную тенденцию подтвердили ответы на такие вопросы, как «Испытывали ли Вы какие-либо неудобства со стороны мигрантов?»

и «Были ли крупные конфликты между мигрантами и коренным населением в Вашем населенном пункте?».

Необходимо учесть, что демонстрация откровенно негативного эмоционального отношения к мигрантам воспринимается как проявление конфронтационного поведения и, следовательно, по возможности скрывается некоторыми респондентами.

Многие отечественные авторы пишут о том, что миграционные потоки оказывают существенное влияние на принимающие регионы, обостряют межнациональные процессы, криминализируют обстановку в местах компактного проживания, мигранты занимают рабочие места, так необходимые коренным жителям.

Поэтому важные уточнения относительно отношения к мигрантам помогают сделать распределения ответов на вопросы, которые помогают выявить как положительные, так и отрицательные последствия миграции на принимающий регион, в данном случае, на Астраханскую область.

Сама формулировка вопросов предполагает некую рационализацию отношения респондента к проблеме и, таким образом, делает ответ более откровенным.

Положительные последствия присутствия мигрантов были ранжированы респондентами следующим образом:

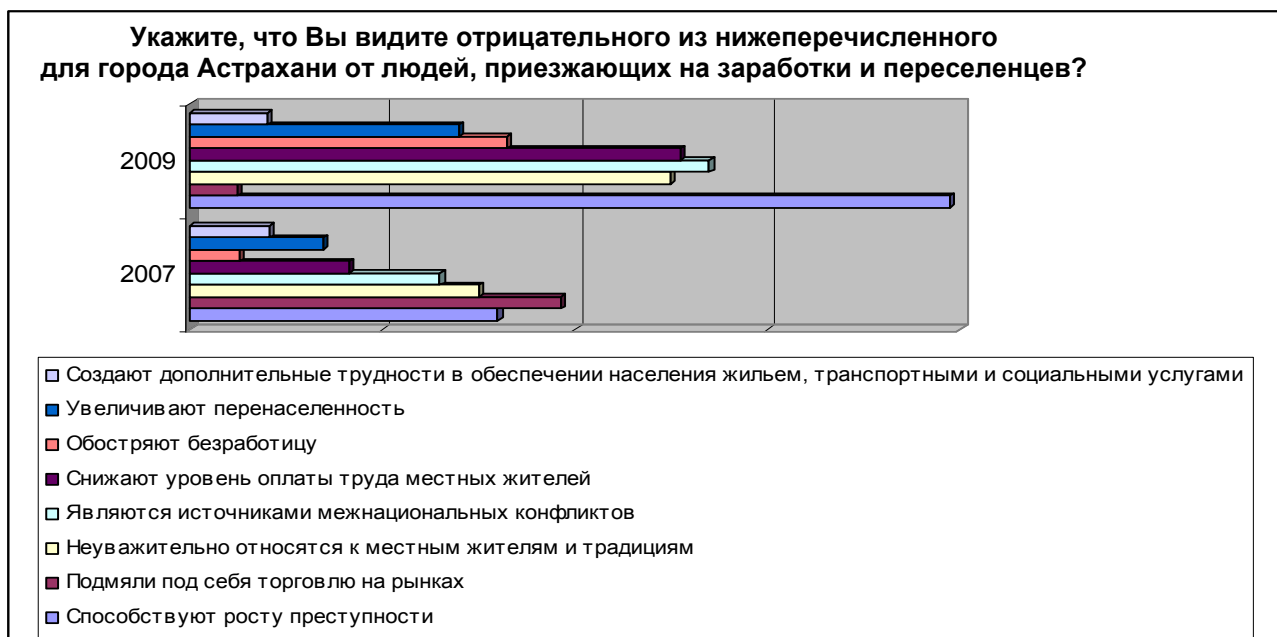

Таким образом, все значимые позитивные последствия миграции относятся к сфере экономики, точнее, материальных интересов местного населения. Немногие респонденты рассматривают преимущество миграции в более широком социальном контексте, воспринимая переселенцев как возможных сограждан или соседей: 2,9 % в 2007 г., 0,5 % – 2009 г., предпочли такой вариант ответа, как «улучшают демографический состав населения».

Массовое сознание принимающего населения характеризуется определенной долей позитива, но оно имеет скорее эгоистический, меркантильный характер.

Преимущество миграционных потоков участники нашего опроса видят в том, что «переселенцы работают там, где не хотят работать местные жители», а это, скорее всего, грязный и тяжелый труд.

Среди отмеченных респондентами отрицательных последствий миграции явными лидерами являются ответы «подняли под себя торговлю на рынках» и «повышение преступности». Отвечая на вопрос об отрицательных последствиях миграции, голоса жителей Астраханской области распределились следующим образом:

Необходимо особо подчеркнуть, что набор отрицательных последствий миграции в общественном мнении Астрахани является более широким, чем положительный набор. Население города дифференцирует минусы миграции гораздо более детально, чем ее плюсы.

Другими словами, большинство астраханцев либо размышляли о негативных последствиях миграции, либо имеют о ней эмоциональное впечатление. В то же время жители города, в своей массе, не задумывались о возможных плюсах миграции. Мнение значительной части жителей о криминальности мигрантов в Астрахани никогда не было подтверждено официальными данными (статистикой либо каким-то другим способом). Тем не менее оно лидирует в оценке негативных

последствий миграции. Можно уверенно говорить о проявлении в этом одного из «миграционных мифов» общественного сознания.

В ходе нашего исследования респонденты следующим образом определили свое отношение к негативной информации в СМИ о приезжих, подчеркивающей их национальность: «считаю, что данная информация разжигает национальную вражду» (39 % в 2007 г., 39,5 % – 2009 г.); «всегда верю этой информации, считаю, что так и есть на самом деле» (15 % в 2007 г., 11 % – 2009 г.); «отношусь безразлично к такой информации» (19 % в 2007 г., 23,5 % – 2009 г.). Таким образом, общество начинает осознавать негативные последствия некорректного поведения СМИ в отношении мигрантов иной этнической принадлежности.

Как Вы относитесь к негативной информации в СМИ о приезжих, подчеркивающей их национальность	2007 г.	2009 г.
Считаю, что данная информация разжигает национальную вражду	39 %	39,5 %
Всегда верю этой информации, считаю, что так и есть на самом деле	15 %	11 %
Отношусь безразлично к такой информации	19 %	23,5 %
Не встречал такой информации	11 %	10 %
Затрудняюсь ответить	13 %	14,5 %

СМИ всегда играло важную роль в информировании общественности, в мобилизации общественного мнения против нарушения прав человека, в формировании и поддержке толерантной атмосферы вокруг мигрантов [7. С. 190–191]. Сообщение о мигрантах, их этнических и культурных особенностях могут транслироваться в направлении от признания и культивирования различий до отрицания и внушения нетерпимости. Выбор того или иного тона подаваемой информации

будет специфичен для отдельно взятого региона, поскольку современная российская журналистика, очень динамичная и конъюктурно изменчивая, является рупором отдельных политических сил и других действующих лиц. Но большинство исследователей склонно считать, что общей проблемой для всех российских СМИ является сформированная оппозиция по принципу «мы – они», «мы – хозяева, они – приезжие», а свой доминирующий статус постоянное население выражает

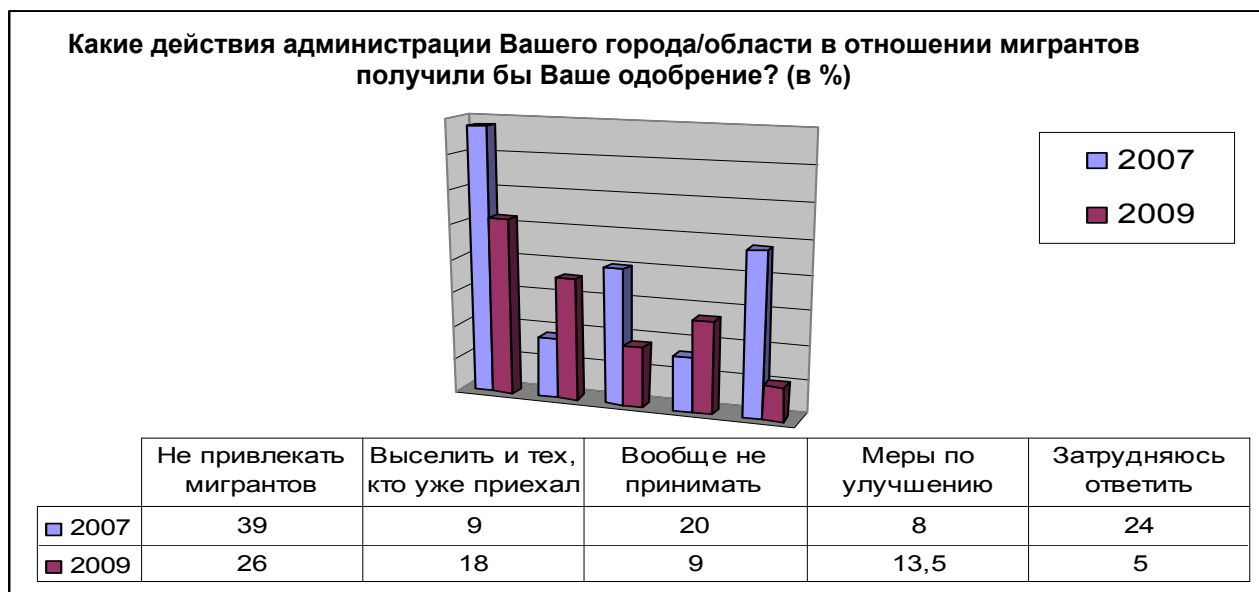
в праве порицать и наказывать за уклонение от общепринятых норм и обычаев. И уже это свидетельствует об отсутствии позитивного, гуманного отношения к приезжим [8. С. 205–206].

Важнейшим вопросом федеральной миграционной политики, обсуждаемым в настоящее время, является вопрос о миграционной амнистии. Отношение к этой идее отражают распределения ответов на вопрос «В России многие мигранты живут незаконно, так как не смогли получить регистрацию (прописку) или статус беженца. Как, по Вашему мнению, лучше поступить с ними?»: «депортировать в свои страны» (24 % в 2007 г., 35,5 % – 2009 г.); «дать право временного проживания в России» (18 % в 2007 г., 25,5 % – 2009 г.); «по возможности легализовать» (10 % в 2007 г., 2,5 % – 2009 г.); «с разными мигрантами поступить по-разному» (35 % в 2007 г., 31 % – 2009 г.); «дать право постоянного проживания в России» (2 % в 2007 г., 1,5 % – 2009 г.).

Исходя из приведенных выше распределений по данному вопросу также существует четкая поляризация мнений: большинство респондентов выступают за жесткие меры, меньше половины опрошенных в то же время заявляют о необходи-

мости в разной степени либерального по отношению к мигрантам решения данной проблемы. Необходимо отметить, что такое отношение к решению проблемы живущих в России нелегальных мигрантов сложилось без целенаправленной информационной работы по разъяснению необходимости и последствий миграционной амнистии. Подобная информационная кампания, судя по результатам настоящего исследования, могла бы существенно увеличить количество сторонников миграционной амнистии.

Таким образом, сознание астраханцев в отношении мигрантов, с одной стороны, отличает некоторая аморфность и индифферентность, с другой – распространенность интолерантных установок. Это становится очевидным и при анализе ответов на вопрос «Какие действия администрации Вашего города/области в отношении мигрантов получили бы Ваше одобрение?». Так, среди респондентов больше доля тех, кто полагает, что «не привлекать мигрантов специально, но и не отказывать тем, кто сам приезжает» (39 % в 2007 г. по сравнению с 26 % в 2009 г.), но и меньше доля тех, кто одобрил бы меры помощи приезжим (8 % в 2007 г. по сравнению с 13,5 % в 2009 г.).

Личные контакты постоянного населения с мигрантами – одно из условий терпимого отношения к переселенцам. В нашем исследовании мы выделили 2 группы респондентов – тех, кто имеет среди мигрантов знакомых (а также друзей, соседей, сокурсников, коллег по работе и т. д.), и тех, кто лично с переселенцами не знаком. У последних заметно явное числовое преимущество (в 2007 г. – 60 %; в 2009 г. – 56 %). Между этими двумя группами наблюдаются четкие отличия в суждениях о правах и свободах, которыми

можно или, наоборот, не стоит наделять мигрантов. Местные жители, не имеющие среди приезжих знакомых, менее толерантны к этой категории населения, в то время, как респонденты, контактирующие с переселенцами, более лояльны к ним и чаще склонны видеть в приезжих людях, нуждающихся в помощи и имеющих определенные права.

Так, интересно распределение ответов на вопрос «Должно ли государство оказывать материальную помощь мигрантам?», при котором мнение

опрошенных разделилось: 34 % ответили «да», 32 % – «нет». В 2009 г. картина практически не изменилась и составила 40 % и 29,5 % соответственно.

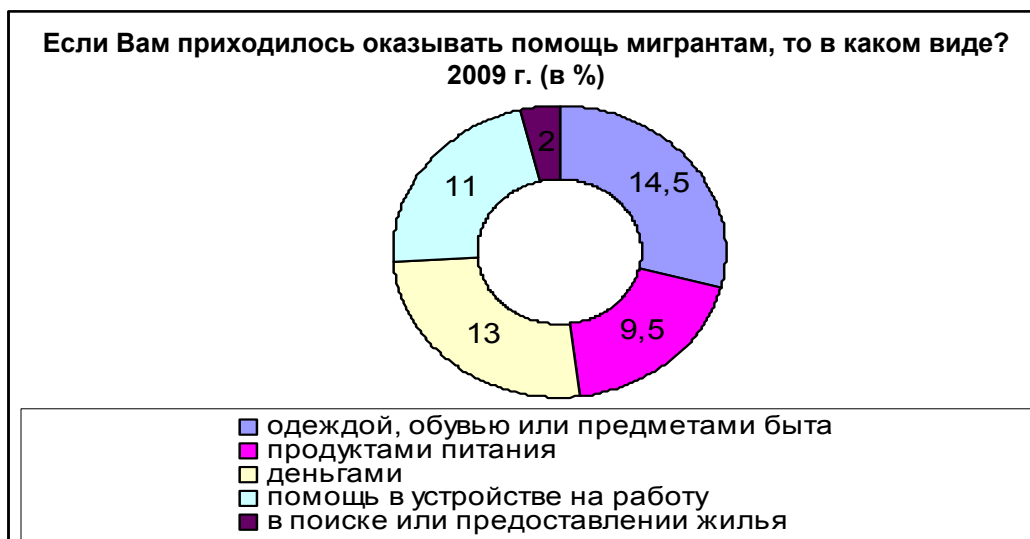
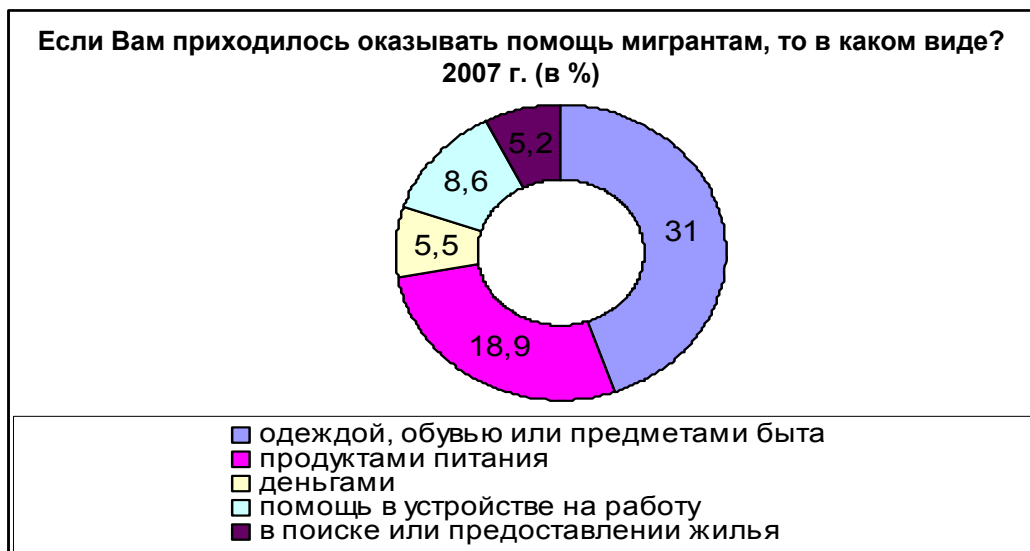
На вопрос «Если государство не должно это делать, то почему?», половина опрошенных

в 2007 г. (50,2 %) указали, что есть более нуждающиеся категории населения. Аналогичный процент и в 2009 г. (47,5 %). Остальные респонденты считают, что в «условиях рынка» каждый должен решать свои проблемы сам» и «лишних денег в стране нет».

Если государство не должно это делать, то почему? (в %)	2007 г.	2009 г.
Есть более нуждающиеся категории населения	50,3	47,5
В «условиях рынка» каждый должен решать свои проблемы сам	25,7	16
Лишних денег в стране нет	8	16,5
В советское время «они там жили лучше, чем мы в России»	6,7	7,5

подавляющее большинство респондентов в 2007 г. сами никогда не оказывали помощи вынужденным мигрантам (58 %), однако, в 2009 г. этот показатель снизился до 31 %. Те, кому приходилось оказывать помощь мигрантам, сооб-

щили, что это были одежда, обувь или предметы быта, продукты питания, деньги, помощь в устройстве на работу, в поиске или предоставлении жилья. Результаты по данному вопросу отражены в диаграммах:

Очевидно, данные опросов свидетельствуют о том, что если не респонденты сами, то государ-

ство должно принять на себя ответственность за оказание помощи мигрантам.

В ходе исследований респондентам было предложено выразить свое отношение к суждениям, которые содержат различные варианты миграцион-

ной политики как на уровне Астраханской области, так и России в целом. Ответы респондентов распределились следующим образом:

С какими из нижеприведенных суждений Вы согласны (в %)	2007 г.	2009 г.
Россия должна принимать преимущественно русских из бывших республик	32	39,5
Чем меньше в России мигрантов, тем лучше	27	36,5
Россия должна принимать всех мигрантов, желающих здесь жить и работать, независимо от национальности и страны происхождения	19	20
Россия должна принимать только беженцев, независимо от их национальности	6	14
Нет ничего плохого в том, что в Россию едут азербайджанцы, армяне, грузины, таджики и др.	4	5,5
Нет ничего плохого в том, что в Россию едут китайцы, афганцы, мигранты из Африки и др.	2	5
Затрудняюсь ответить	10	10,5

Очевидна «этническая» и ограничительная ориентация желательной миграционной политики на федеральном уровне – большинство опрошенных считают необходимым принимать этнических русских, почти каждый третий убежден в том, что «чем меньше мигрантов, тем лучше». Наиболее негативной является установка на прием выходцев из бедных стран дальнего зарубежья.

Конкретизация очертаний желательной миграционной политики на федеральном уровне была дана в ответах на вопрос анкеты о правах

мигрантов на территории России. На вопрос «Можно ли мигрантам разрешать в России следующее», большинство местных жителей в 2007 г. считали, что им можно разрешить брать в аренду землю (58,2 %) и иметь постоянную работу (43 %). А в 2009 г. – мигрантам можно покупать землю (50 %) и оставаться на постоянное жительство (42,5 %). Тем не менее 56 % в 2007 г. против покупки земли мигрантами и 48 % – покупки жилья. В 2009 г. картина выглядит следующим образом:

Действия (в %)	Можно	Нельзя	Затрудняюсь ответить
Оставаться на постоянное жительство	42,5	41	16,5
Покупать жилье	34,5	43	23,5
Покупать землю	50	39,5	25
Брать в аренду землю	37	37,5	25,5
Открывать свой бизнес	33,5	38,5	28
Иметь постоянную работу	22,5	34	19

Наш опрос выявил также некоторые различия в понимании прав мигрантов между представителями различных этнических групп. Так, представители «нерусских» национальностей в некоторых вопросах оказались более лояльны по отношению к мигрантам. Например, 46 % (2007 г.) согласны с утверждением: «Мигранты – такие же люди, как все, их нельзя ущемлять в правах», в 2009 г. эта цифра увеличилась до 59,9 %.

Учитывая социальную и этническую дифференциацию миграционных потоков из стран, различающихся своими экономическими укладами, образом жизни, традициями и нравственными устоями, необходимо принять меры по использованию возможностей перемещающихся людей в решении обустройства самих переселенцев

и активном привлечении их к решению народно-хозяйственных и других задач.

Предупреждение нежелательных последствий миграции возможно при соблюдении взаимовыгодных условий, которые должны базироваться на интересах принимающей стороны, государства, откуда мигрирует население. Назрела также необходимость двусторонних соглашений России и стран СНГ по проблемам, связанным со стабилизацией положения иноэтнического населения, проживающего в этих странах.

В связи с все нарастающими проблемами необходимо проведение ежегодного мониторинга обустройства и социальной адаптации переселенцев в Астраханской области. В условиях кризисного состояния экономики региона, как и страны

в целом, миграционный приток населения в область, безусловно, создает сложности с обеспечением как мигрантов, так и местного населения области рабочими местами, жильем, учреждениями социальной и инженерной инфраструктуры. Возможности Астраханской области по обустройству мигрантов за последние годы практически исчерпаны. Область не располагает временным жильем для первичного жилищного обустройства мигрантов, на рынке труда предлагаются свободные рабочие места и вакансии специалистов, как правило, с низкой оплатой труда и без предоставления жилья и, тем не менее, несмотря на все эти трудности, люди стремятся обустроиться в Астраханской области, желают обрести вторую родину именно здесь, рядом с нами.

Целый ряд выводов из данных исследований касается конкретных управленческих мер и подходов. В частности, выполнить роль интегратора и координатора усилий всех государственных органов и общественных объединений на общероссийском уровне на обозримую перспективу сможет, видимо, только государственная структура с высоким статусом и особыми полномочиями.

Дальнейшему решению проблемы обустройства и социальной адаптации могли бы способствовать и такие меры, как:

- создание информационной базы данных о потребности регионов России в работниках различного профиля и квалификации, наличии жилищных и производственных условий в местах предполагаемого их расселения;
- осуществление общественного контроля за расходованием финансовых средств из госбюджета и материальных ресурсов, выделяемых для оказания помощи вынужденным мигрантам в обустройстве и занятости;
- объединение усилий заинтересованных министерств и ведомств под эгидой МВД РФ в реализации отраслевых и территориальных социально-экономических программ, направленных на жилищное строительство, создание новых рабочих мест, развитие социальной и производственной инфраструктуры;
- углубление контактов с международными организациями и общественными структурами в государствах СНГ по вопросам обеспечения прав человека, национальных меньшинств;
- укрепление связей с российскими общинами в ближнем и дальнем зарубежье, оказание помощи в сохранении ими этнокультурных традиций и обычаев, в защите гражданских прав соотечественников;
- активизация роли средств массовой информации в формировании российского обществен-

ного мнения по благожелательному отношению к вынужденным переселенцам.

Полагаем, что осуществление данного комплекса мер будет способствовать эффективной социализации мигрантов в российское общество, обеспечивая тем самым социальную и политическую стабильность. Целесообразно по-новому, с глубоко научных позиций осмыслить «социальную адаптацию» как один из главных компонентов современной философско-социологической науки, позволяющей глубоко уяснить теоретические аспекты.

Библиографический список

1. *Олимова, С.* Трудовая миграция из Таджикистана [Текст] / С. Олимова, И. Боек. – Душанбе: MOM, 2003.
2. *Тишков, В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) [Текст] / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2001.
3. *Витковская, Г. С.* Незаконная миграция в Ставропольском крае (по материалам социологического исследования) [Электронный ресурс] / Г. С. Витковская. – Режим доступа: <http://www.migrocenter.ru>
4. *Мукомель, В. И.* Кто приедет в Россию из «нового зарубежья»? [Текст] / В. И. Мукомель // Мир России. – 2003. – № 3.
5. *Витковская, Г. С.* Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область [Текст] / Г. С. Витковская // Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск второй: Приволжский федеральный округ. Материалы регионального семинара 11–12 апреля 2003 г., Чебоксары; под общ. ред. Ж. Зайончковской. – М., 2004.
6. *Габдрахманова, Г. Ф.* Миграция в зеркале общественного мнения [Текст] / Г. Ф. Габдрахманова // Гастарбайтерство. Факторы адаптации; сост. Н. А. Дубова; под общ. ред. М. М. Губогло. – М.: Старый сад, 2008.
7. *Карпенко, О.* Языковые игры «С гостями с юга»: «Кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. [Текст] / О. Карпенко // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ; под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М., 2002.
8. *Пешкова, В. М.* Язык межкультурного восприятия в СМИ [Текст] / В. М. Пешкова, С. В. Рыжова // Социология межэтнической толерантности; отв. ред. Л. М. Дробижева. – М., 2003.
9. Сайт Управления Федеральной Миграционной службы по Астраханской области. – Режим доступа: <http://www.ufms-astrakhan.ru>
10. // Российская газета. Центральный выпуск. – 2010. – №5150 (71). – 6 апреля.
11. Аналитическая записка о социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств-участников СНГ в I квартале 2009 года. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by>
12. Сайт центральноазиатского гуманитарно-информационного центра. – Режим доступа: – <http://www.ferghana.ru/>

УДК 316.77

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНЦЕПТА «ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. С. Крапивенский

В работе рассматриваются два ключевых подхода к определению концепта «информационная безопасность» – социологический и социально-психологический. Автор операционализирует указанные понятия в контексте коммерческой рекламной коммуникации. Делается вывод о правомерности включения социальных отношений, возникающих в процессе рекламной коммуникации, в контент обеспечения информационной безопасности общества.

Ключевые слова: информационная безопасность, социология, реклама, коммуникация.

SOCIOLOGICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE «INFORMATION SECURITY» IN ADVERTISING COMMUNICATION

A. S. Krapivensky

Two main approaches to the definition of the concept «informational security» – sociological and socio-psychological, are considered in the article. Author operationalizes the given approaches in the context of commercial advertising communication. He proves the necessity of the commercial advertising inclusion in the content of public informational security.

Keywords: informational security, sociology, advertising, communication.

Насущная необходимость определения основных категориально-понятийных единиц наиболее характерна для социологии российского масс-медийного спектра. В особенности это касается такого проблемного спектра массовой социальной коммуникации, каким, в силу объективных причин (лидерства в трафике специализированного контента, способности оказывать влияние практически на все стороны общественной жизни), является коммерческая реклама.

По словам Ж. Т. Тощенко, в социологии «проблема понятийного аппарата – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания» [1. С. 3]. В этой связи попробуем операционализировать концепт «информационная безопасность» и его различные составляющие в контексте коммерческой рекламной коммуникации.

Проблемы безопасности общества в технологичном XXI в. приобретают особое значение. При этом совокупность аспектов глобальной (всеобъемлющей) безопасности, согласно определению М. И. Дзалиева и А. Д. Урсула, сводится к трем основным направлениям предотвращения: «природно-экологических опасностей; техногенно-производственных опасностей, связанных с накоплением человеком энергии в созданных им технологических объектах; антропогенно-социальных опасностей, обусловленных спецификой восприятия человеком информации» [2. С. 9].

В отличие от первых двух направлений (относящихся к категории воздействия энергии и вещества), имеющих количественную меру уровня безопасности, опасности третьего направ-

ления являются социально детерминированными как направленные на общественное и индивидуальное сознание. Отметим, что к направлению антропогенно-социальных относится одна из главных опасностей современности – различные проявления экстремизма, в основе которого также лежит специфика восприятия человеком информации (с ее асимметричной дозировкой и искажением при формировании агрессивной идеологии).

Кроме того, надо учитывать тот факт, что современное состояние общества характеризуется лавинообразным ростом процесса «производства, потребления и накопления информации во всех отраслях человеческой деятельности» [3. С. 3].

Таким образом, информационная составляющая, заложенная в базис любого социально значимого явления, позволяет сделать однозначный вывод, что обеспечение информационной безопасности лежит в основе предотвращения важнейших антропогенно-социальных опасностей общества.

Согласно Доктрине информационной безопасности РФ, «под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства... Информационная сфера представляет собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информа-

ционная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние ... экономической и других составляющих безопасности Российской Федерации» [4].

Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает следующие определения: «информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления; документированная информация (документ) – зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать; информационная система – организационно упорядоченная совокупность документов <...> реализующих информационные процессы; пользователь (потребитель) информации – субъект, обращающийся к информационной системе <...> за получением необходимой ему информации и пользующийся ею» [5].

Подчеркнем, что среди исследователей нет единства в трактовке термина «информация» (что конкретно понимается под данным концептом).

По мнению О. А. Городова, сущность информации отражается в ее синтаксическом (предоставлении в виде синтаксических знаков и отношений между ними), семантическом (представлении информации в виде отношений между знаками и обозначаемыми ими объектами) и прагматическом (предоставлении информации в виде создаваемого и используемого продукта) аспектах, и «из всех охарактеризованных выше уровней ... информации только прагматика интересуются конкретными пользователями информационного продукта и той областью общественных отношений, участниками которых они выступают» [6. С. 19].

Согласно формулировке А. А. Снытникова и Л. В. Тумановой, «информация как благо нематериальное имеет множество разнообразных смысловых оттенков. В зависимости от тех или иных обстоятельств в повседневной жизни информация может быть актуальной и устаревшей, объективной и субъективной, точной и ложной, основательной и безосновательной, многоплановой и однобокой, обличающей и оправдывающей, укрепляющей и компрометирующей, “хорошей” и “плохой” и т. д.» [7. С. 20].

Словарь терминов и определений по вопросам безопасности трактует информацию как «сведения о лицах, предметах, событиях, явлениях, процессах и объектах (независимо от формы их представления), используемые в целях получения знаний, оптимизации принятия решений и управления объектами» [8. С. 123].

Представленные выше методологические различия в подходе к определению концепта «информация», тем не менее, подтверждают, что гуманитарная составляющая информационной безопасности общества (в отличие от технической составляющей, лежащей вне рамок настоящего исследования) характеризуется социологическим и социально-психологическим аспектами формирования данного концепта.

Социологический аспект теоретического подхода к определению информационной безопасности продиктован стремлением рассматривать ее как социальную составляющую динамической устойчивости системы, подлежащей сохранению. Кроме того, «задача современной социальной науки о коммуникации заключается не только в поиске оптимальных для управляющих систем путей и способов общения (с аудиторией, населением... и т. д.), но и в социальной диагностике коммуникационных процессов, в создании технологий и механизмов быстрого и обоснованного выявления возможных “коммуникационных сбоев”, ведущих к нежелательным для устойчивого развития общества результатам, ... в разработке предложений и конкретных рекомендаций по социальному проектированию информационной среды» [9. С. 114].

Информационная безопасность, таким образом, может быть реализована исключительно в поле общественных отношений, и как любое общественное явление подлежит социологическому исследованию с целью получения данных о социальной системе (поле функционирования информации) и ее реакции как реципиента.

Система общественных отношений, связанных с созданием и функционированием информации, является приоритетной сферой управления информационной безопасностью. Подчеркнем, что вся совокупность социальных связей между индивидами, обществом и государством базируется на активном процессе обмена информацией. Ни одно социально значимое действие не может быть осуществлено без задействования информационной составляющей его обеспечения.

При этом социальные связи и отношения между участниками информационного обмена носят субъектно-объектный характер, как и прочие процессы и действия, изучаемые социологией.

Любую информационную технологию, по мнению Н. В. Лопатиной, некорректно рассматривать как внесоциальное явление: «информационная технология, подобно технологии любой природы, выступает продуктом человеческой деятельности <...> ориентированной на поиск новых инструментов, форм и способов преобразования

действительности, удовлетворения социальных потребностей: от потребностей насущных до потребностей развития. Информационная технология – это продукт социального опыта» [10. С. 17].

В самом деле, с одной стороны, информация предстает средством, обеспечивающим возможность адаптации индивида и общества к условиям существования, накопления знаний, на основе которых социальные акторы выбирают модель поведения для удовлетворения всего спектра своих потребностей, реализации доминантных интересов. С другой стороны, информация сама по себе является средством управления социальными группами, общественными структурами, институтами власти и т. д.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности с полным правом можно считать разновидностью процесса управления социальной коммуникацией.

Субъектами социального взаимодействия в информационной сфере выступают индивиды, общество (различные социальные группы и организации) и органы государственной власти. В зависимости от того, какие именно субъекты вступают в социальную коммуникацию, содержание определенного этим фактором конкретных видов общественных отношений наполняется новым информационным содержанием.

Объектом информационной безопасности являются национальные интересы в информационной сфере, которая предстает в данном контексте как целостная совокупность социальных отношений, связанных с информацией и информационной инфраструктурой как объектами интересов индивида, общества и государства. По справедливой оценке А. А. Стрельцова, понятие «национальные интересы» не означает исключительный приоритет интересов государства в ущерб интересам личности и общества – «национальные интересы в информационной сфере определяются прежде всего той ролью, которую играет информация, информационная инфраструктура в обеспечении устойчивого развития нации в конкретных исторических условиях. Эти интересы образуются сбалансированной совокупностью социальных интересов индивида как личности, интересов общества и государства, реализуемых в информационной сфере, включая их интересы в использовании информационной сферы для сохранения национальной идентичности» [11. С. 41–42].

Совокупность действий по формированию, распространению и использованию информации, согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, должна способствовать политической, экономической, социальной

стабильности страны, и быть продиктованной требованием создания системы регулирования возникающих при этом общественных отношений, что также продиктовано социологическим подходом к определению концепта.

Социально-психологический аспект информационной безопасности обусловлен наличием субъективной стороны восприятия информации индивидами и социальными группами. В результате данного процесса распространителями информации оказывается социально-психологическое воздействие на реципиентов.

Ни одна единица информации, воспринимаемая участниками социального взаимодействия, не лишена психологической окраски, так как контактирует с сознательным, предсознательным или бессознательным в психике ее потребителя.

Одно из ключевых понятий психологии – категория «общение», напрямую связанная с понятием «социальная коммуникация», имеет три стороны: информационно-коммуникативную, непосредственно состоящую из актов приема-передачи информации; регуляционно-коммуникативную, подразумевающую взаимную корректировку поведения на основе полученной информации; а также перцептивную, связанную с восприятием и пониманием друг друга субъектами социальной коммуникации, что опять же базируется на полученной от коммуникативного партнера информации.

В дискурсе информационной безопасности социальную коммуникацию следует рассматривать как коммуникацию массовую. Она является видом управляющей деятельности, оказывающим формирующее воздействие на систему ценностей общества посредством внедрения в массовое сознание оценок актуальных событий, признанных таковыми с точки зрения действующих социальных интересов. Массовые коммуникации имеют дело с предварительно оформившейся системой социальных установок, которые в соответствии с целями субъектов деятельности требуется усилить или изменить. «В современном мире господства информации сформировать установки, способные изменить поведение целых социальных слоев населения, возможно только при воздействии на них через средства массовой коммуникации. Характер современного информационного пространства таков, что ... любое событие становится значимым только тогда, когда о нем сообщили СМИ (средства массовой коммуникации)» [12. С. 109].

При этом функция СМИ в современном обществе, по словам известного Н. Лумана, состоит в «циркулярной длительной деятельности по про-

изводству и интерпретации раздражений благодаря поступающей информации», вследствие чего «возникают описания мира и общества, на которые ориентируется современное общество внутри и вне системы его массмедиа» [13. С. 152].

Вышесказанное позволяет считать социально-психологический аспект первичным в дискурсе рассматриваемой проблемы. Среди наиболее социально значимых угроз национальным интересам, Доктрина информационной безопасности РФ выделяет угрозы индивидуальному, групповому и общественному сознанию, а также угрозы духовному возрождению страны.

Психологически значимый характер информации, функционирующей в социальной среде, позволяет, учитывая этот фактор, осуществлять управление информационными потоками. Отметим, что в контексте информационной безопасности психологическая направленность информационного воздействия осуществляется исключительно в пределах социальной коммуникации и в этой связи затрагивает все виды общественных отношений (политических, экономических, духовных и личностных).

Рассмотрим, насколько правомерно включение коммерческой рекламной информации в задачи обеспечения информационной безопасности с точки зрения социологического и социально-психологического аспектов.

В рассматриваемом контексте рекламная информация обладает следующими объективными признаками:

1. Данный специфический вид социально детерминированного информационного контента представляет собой, согласно Федеральному закону «О рекламе», «информацию <...> направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [14].

2. Реклама распространяется через каналы коммуникации, которые в полной мере можно считать социальными (способствующими общению и обмену информацией в обществе) и массовыми (характеризующимися «безличностью общения и обмена информацией на уровне как спонтанно возникающих, так и специально организованных общностей и объединений индивидов» [15. С. 42]).

3. Данная информация социально детерминирована. В социальной функции рекламы можно выделить «три идеологических подфункции: приобщение к национальным ценностям; пропаганда образа и уровня жизни “выше среднего”; воспитание культуры потребления» [16. С. 32].

4. Поле функционирования рекламной информации представляет собой социальную систе-

му, то есть объединение людей (действующих на основе определенных правил и норм) с делением по профессиональным, статусно-должностным, половозрастным, национальным, культурным и другим признакам.

5. Социальная система, в которой функционирует рекламная информация, и реакция этой системы на рекламную информацию могут быть подвергнуты социологическому анализу.

6. Рекламная информация в процессе своего функционирования оказывает воздействие на ее потребителей (используя для этого методы убеждения, внушения и манипуляции сознанием). Важно отметить, что реклама, как социальный инструмент маркетинговых и информационных коммуникаций, имеет дело с массовым сознанием (неким усредненным сознанием целевой группы потребителей, которой и предназначается сообщение). Специфика рекламы как области массовых коммуникаций состоит в том, что маркетинговые задачи рекламодателя решаются путем оказания социально-психологического воздействия на потребителей через установленные коммуникационные каналы.

7. Оказывая воздействие на реципиентов, рекламная информация способствует продвижению существующих элементов массовой культуры, а также создает (продуцирует) новые образы. Следует иметь в виду, что реклама в современном обществе – такой же элемент массовой культуры, как и мода, эстрада, видеоиндустрия, профессиональный спорт и т. д. При этом взаимодействие рекламы с другими элементами массовой культуры идет по двум направлениям: во-первых, сама реклама оказывает на них непосредственное влияние, заставляя подстраиваться под свои цели и задачи, продиктованные прежде всего коммерческими факторами.

8. В отличие от общего непрерывного потока информации, циркулирующей в обществе, рекламный поток обладает свойством дискретности (информация, содержащаяся в рекламных сообщениях, со временем может меняться или исчезать в зависимости от воли рекламодателя и бюджета рекламной кампании, то есть прерывиста и подвержена изменениям. Данное качество рекламного потока позволяет максимально корректно оказывать на него управленческое воздействие (в период неактивности конкретных рекламных сообщений).

Таким образом, все вышеперечисленные объективные признаки рекламной информации позволяют видеть как ее огромные позитивные возможности, так и негативные моменты, связанные с угрозами информационной безопасности Российской Федерации.

Потенциально рекламная информация несет в себе возможности противоправного применения средств воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание; девальвации духовных ценностей; пропаганды символов массовой культуры, противоположных традиционным нравственным ценностям, существующим в современном российском обществе; дезинформации, сокрытия или искажения информации. Такие виды угроз, как раз и выступают наиболее социально значимыми с точки зрения Доктрины информационной безопасности Российской Федерации.

Знание объективных сторон процесса воздействия рекламной информации на социальную систему позволяет управлять данным аспектом информационной безопасности общества методом социального моделирования, то есть сводить к минимуму внутренние источники угроз. Такими, согласно Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, являются неразвитость институтов гражданского общества, а также недостаточная правоприменительная практика и недостаточный государственный контроль за развитием российского информационного рынка.

Библиографический список

1. Тощенко, Ж. Т. О понятийном аппарате социологии [Текст] / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2002. – № 9.
2. Дзлиев, М. И. Основы обеспечения безопасности России [Текст]: учебное пособие / М. И. Дзлиев, А. Д. Урсул. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2003.
3. Башлы, П. Н. Информационная безопасность [Текст] / П. Н. Башлы. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
4. Российская Федерация. Президент (2000–2008; В. В. Путин). Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: [утверждена Президентом РФ 9 сентября 2000 г.] // Российская газета. – 2000. – 28 сентября.
5. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон РФ: [принят 27 июля 2006 г.] // Российская газета. – 2006. – 29 июля.
6. Городов, О. А. Основы информационного права России [Текст]: учебное пособие / О. А. Городов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
7. Снытников, А. А. Обеспечение и защита прав на информацию [Текст] / А. А. Снытников, Л. В. Туманова. – М.: Городец-издат, 2001.
8. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений [Текст]. – 2-е изд. – М.: Знание, 1999.
9. Адамьянц, Т. З. Задачи и методы социальной диагностики коммуникационных процессов в системах управления [Текст] / Т. З. Адамьянц // Вестник университета (Государственный Университет Управления). – 2008. – № 1.
10. Лопатина, Н. В. Информационные специальности: социология управления [Текст] / Н. В. Лопатина. – М.: Академический Проект, 2006.
11. Стрельцов, А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы [Текст] / А. А. Стрельцов. – Минск: «Беллітфонд», 2005.
12. Науменко, Т. В. Массовая коммуникация и методы ее воздействия на аудиторию [Текст] / Т. В. Науменко // Философия и общество. – 2004. – № 1.
13. Луман, Н. Реальность массмедиа [Текст] / Н. Луман; пер. с нем. – М.: Праксис, 2005.
14. Российская Федерация. Законы. О рекламе: федер. закон РФ: [принят 13 марта 2006 г., с изменениями от 27.09.2009 г.] // Российская газета. – 2009. – 29 сентября.
15. Савельева, О. О. Социология рекламного воздействия [Текст] / О. О. Савельева. – М.: РИП-холдинг, 2006.
16. Рогожин, М. Ю. Теория и практика рекламной деятельности [Текст] / М. Ю. Рогожин. – М.: Издательство РДЛ, 2004.

УДК 316.74:37

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДИРЕКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Т. Н. Яковлева

В статье представлено исследование социального портрета современного руководителя школы. Автор рассматривает директора школы с позиции менеджмента. В статье представлен сравнительный анализ социологических исследований руководителей школ, проведенный ранее автором в 2010 г. среди директоров астраханских школ.

Ключевые слова: социологический портрет, директор школы, менеджер образования, институт образования, качество образования.

SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF THE DIRECTOR OF THE MODERN SCHOOL

T. N. Yakovleva

The article is devoted to the investigation of a modern school principal's social portrait. The author examines the school principal within the management perspective.

The article presents a comparative analysis of sociological investigations of the school principals, conducted by the author beforehand, and the author's study carried out among the principals of the Astrakhan schools in 2010.

Key words: sociological portrait, a school principal, a manager of education, the institute of education, the quality of education.

Осуществление социально-экономических и политических реформ в стране кардинальным образом изменило смысл и содержание управленческой деятельности в сфере образования, привело к необычайному усложнению задач, стоящих перед управлением, способствовало росту социальной значимости этой деятельности.

Именно руководителям образования приходится сталкиваться с решением сложных управленческих задач и нести все большую ответственность за принятые решения и конечные результаты. Знания, умения, методы работы, сформировавшиеся у большинства руководителей в прежних условиях, становятся недостаточными для решения новых задач, стоящих перед учреждениями образования. Это приводит к необоснованному выбору направления деятельности учебного заведения, чрезмерному усложнению организационной и управленческой структуры: руководителем недостаточно осмысливаются ведущие идеи и современные тенденции развития образования.

В современных социокультурных условиях России действенность системы школьного образования в значительной мере определяется тем, насколько эффективно осуществляется управление всеми ее звеньями. Формирование в России корпуса управленцев, способных эффективно работать в новых социально-экономических и политических условиях – задача актуальная и вместе с тем сложная и многоаспектная. Особенно остро она стоит в области управления образованием. Рыночные условия диктуют новые требования к управлению образованием, а потому и к директорам школ – менеджерам образования, что конкретно проявляется в новых подходах к их профессиональной компетентности.

Без конструктивных, продуманных управленческих решений на уровне каждого образовательного учреждения сегодня невозможно обеспечить системный характер и эффективность изменений в сфере образования. И потому современный директор школы – ключевая фигура обновления отрасли. От его способности принять и реализовывать основные идеи модернизации зависит судьба российского образования и в конечном счете будущее России.

Безусловно, современные требования к образованию меняют позицию директора школы в сторону менеджмента, управления. Это обусловлено тем, что само по себе образование становится глобальным институтом, где сочетается огромное количество разных интересов, программ, присутствует выбор. И для того чтобы со всем этим справиться, недостаточно быть просто учителем. Нужна квалификация по вопросам управления финансов и школьной экономики.

Главная задача на современном этапе – это подготовка директоров школ, обладающих стратегическим мышлением, хороших управленцев, но управленцев, прекрасно знающих именно учебный процесс. Результатом такой перестройки управляющих кадров в школе должно стать повышение качества образования – главной проблемы современной школы. Умелое, грамотное владение директором современной школы новыми технологиями сегодня – жизненная необходимость. Только когда директор на собственном опыте поймет, как важно и удобно пользоваться современными технологиями в своей работе, тогда это станет неременным условием к изменению отношения в освоении данных технологий коллективом.

Современный директор школы должен решать главную задачу – обеспечивать опережающий характер образования: ставить задачи, которые важны сегодня и станут еще более важными завтра, и находить пути их решения. Эта постановка вопроса предполагает, что директора школ – это профессиональные и умелые управленцы.

Сложившаяся российская практика управления школы на современном этапе свидетельствует о новом типе руководителя (директора школы), которого можно назвать менеджером в образовании. В условиях быстро осуществляемых перемен в образовании надо обладать не только академическими навыками менеджмента, но и хорошо знать сущность и характер осуществляемых перемен, их нормативно-правовое обеспечение, все изменения законодательной базы, регулирующей образование. То есть, иными словами, в образовании складывается особый специфический, характерный для российской системы образования менеджмент, осуществлять который призван такой субъект образования, как директор школы.

В окружающем мире постоянно происходят разного масштаба изменения, и они требуют социального осмысления. В последние годы и для нашей страны характерны глобальные перемены – они касаются общества в целом, фактически каждой общественной подсистемы, каждой составляющей приватной жизни человека. Трансформируются организационные структуры, действующие субъекты, определяющие деятельность, идеи и принципы. Меняются массовые и групповые представления, ценностные структуры людей, принципы и стратегии их поведения.

Перемены касаются и института образования, который является одной из существенных структур в функционировании общества. Значительно трансформируется сфера профессиональной деятельности, рынок труда формирует свои требования к качествам и образованию рекрутируемых работников. Стремительно расширяется рынок образовательных услуг, появились новые клиенты в сфере образования, появились новые возможности удовлетворять связанные с образованием потребности. Люди меняют и вырабатывают иные стратегии освоения нового социально-культурного и социально-профессионального пространства. Создаются новые индивидуальные и коллективные ресурсы за счет возможностей системы образования. Порождаются новые формы социального исключения, и система образования вносит существенный вклад в этот процесс [1].

В сфере образования развиваются как позитивные, так и негативные процессы. Как считает

доктор социологических наук, профессор Г. И. Саганенко, «социология образования, как представляется, имеет предпочтения к одним социальным коллизиям и не замечает или не имеет ресурсов изучать другие образовательные коллизии» [1. С. 5]. В числе нуждающихся в социологическом изучении, Г. И. Саганенко называет следующие важные социальные коллизии: современные целевые ориентиры государства, связанные с образованием; идея всеобщего среднего образования; ставка на дифференцированный подход к конституционному праву людей на получение образования. Публикации последнего времени насыщены фиксациями такого неблагополучия. Эти фиксации касаются селекции детей в школах, элитаризации школ, отсева детей из школ, изменений в высшей школе, положения учителей и т. д. [2–5].

Проанализировав публикации социологических исследований, следует отметить, субъект образования – директор школы в них рассматривается нечасто. Лишь в некоторых исследованиях сделана попытка отразить социологический портрет директора школы.

Центр социологических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова провел исследование, в котором участвовали 1721 учитель и 333 директора, работающие в школах разных типов и разных форм собственности. А чтобы полученные данные были объективнее, были опрошены еще и 162 руководителя муниципальных органов управления образованием и 168 представителей школьных и попечительских советов, родительских комитетов и других органов общественно-государственного управления школой. Исследование было посвящено изучению учителей – одной из самых многочисленных социoproфессиональных групп¹.

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что феминизация учительских кадров не усиливается, хотя и без того высока: 86 % школьных учителей страны – по-прежнему женщины (среди директоров школ женщин немного меньше – 76,9 %).

«Общестатистический» средний возраст российского учителя – 43 года. Молодые специалисты (до 26 лет) составляют 5,7 % опрошенных; молодые люди – 27–30 лет, уже получившие определенный профессиональный опыт, – 7,1 %. Самые многочисленные когорты – 41–46 и 47–54 года составляют соответственно 19,7 и 22,3 %.

¹ Кто это // Вести образования: электронный журнал // Internet. – <http://www.eurekanet.ru/vesti/info/824.html>

При этом характерно, что самые старшие возрастные группы практически равны самым молодым: 8,4 % опрошенных – 55–59 лет и 4,9 % – более 60 лет.

Средний возраст директоров выше, чем учителей – 49 лет. У директоров преобладает возраст 47–54 года (40,2 %). Примерно каждый пятый директор – старше 55 лет. Лишь 0,9 % директоров – это молодые люди 27–30 лет.

Не все благополучно у учителей и директоров на семейном фронте: среди первых лишь 70,2 %, а среди вторых – 79,9 % состоят в браке.

За последние пять лет образовательный уровень учительского корпуса практически не изменился. Учителя с высшим образованием составляют 78 %, со средним специальным – 18 %, 3 % имеют незаконченное высшее образование. Ученую степень кандидата или доктора наук имеют по стране 0,7 % респондентов.

Большинство учителей имеют базовое профильное педагогическое образование (81,8 % учителей и 81,4 % директоров). Диплом о гуманитарном образовании – примерно у каждого десятого (10,6 % учителей и 11,4 % директоров). Часть опрошенных имеют инженерно-техническое и естественнонаучное образование (1,8 и 4,4 % среди учителей и 2,4 и 3,9 % среди директоров).

Самая многочисленная категория учителей и директоров – это люди, которые большую часть жизни провели в сельской местности, – 28,6 и 29,1 % соответственно. Вторую относительно крупную группу составляют те, кто прожил большую часть жизни в региональной столице (4,7 % в Москве, 24,4 % – в остальных).

Более половины учителей (58,1 %) отметили, что денег им хватает только на питание и товары первой необходимости. Каждый третий заявил, что семье денег хватает на покупку товаров длительного пользования (33,6 %). Лишь незначительная часть опрошенных отметила два крайних (по данной шкале) варианта ответа – об отсутствии материальных трудностей (2,4 %) или нехватке денег даже на питание (4,4 %).

В ходе исследования респондентам предлагался открытый вопрос о размере их заработной платы по основному месту работы в школе. Вопреки некоторым опасениям (обычно около 20 % респондентов отказываются отвечать на такого рода вопросы) лишь очень незначительная часть участников опроса отказалась дать ответ по этой позиции. Невысокий уровень зарплаты вынуждает учителей искать дополнительные заработки. Согласно экспертным данным, частным репетиторством занимается 35 % преподавателей школ.

Таков обобщенный социальный портрет – автопортрет современного российского учителя и директора школы. Исследование убедительно показывает сложную, порой весьма противоречивую действительность, в которой живут и трудятся наши герои (это слово употреблено здесь без всякой иронии). Их жизнь, особенно в деревнях и малых городах, действительно трудна, а порою и скудна. И наша общая симпатия, безусловно, на их стороне – на стороне «простых учителей».

И, тем не менее, считает Владимир Бацын¹, необходимо – не без сожаления – добавить к нарисованному полотну еще один штрих, на который специально обратили внимание авторы исследования. Дело в том, что во время глубинных интервью сами учителя не проявляли по отношению к себе почти никакой критичности. Они даже не пытались посмотреть на себя со стороны и ответить на вопрос о том, насколько учительство в массе соответствует тем требованиям, которые к нему предъявляет общество, рассматривающее общее образование в качестве средства для получения другого, более высокого уровня образования, необходимого для достижения успеха в жизни. Учителей практически не волнуют вопросы собственного участия в управлении школой и отсутствие возможностей повышения квалификации, а директора абсолютно безразличны к тому, как к ним относятся их подчиненные. Не было и попыток назвать факторы, зависящие от самого учителя, которые могли бы повлиять на изменение отношения к нему в обществе.

С другой стороны, проявляются отчетливые признаки маргинализации значительной части учителей, даже их своеобразной пролетаризации, выражающейся в вольном или невольном отчуждении от культуры, утрате интереса к своему делу, усилении чувства утомленности, заброшенности, ненужности. Вот почему субъективная пассивно-иждивенческая позиция учителей и директоров, отмеченная в аналитическом отчете, отсутствие воли к собственному социальному успеху на избранном поприще становятся объективным тормозом на пути становления российского учительства как крупнейшей активной силы в преобразовании общества и всей страны.

Эффективное управление школой как специфическим социальным социумом немислимо без привлекательного облика того, кто по своему должностному положению призван этим заниматься. Руководитель школы в своей деятельности выходит, по меньшей мере, на четыре соци-

¹ Кто это // Вести образования: электронный журнал // Internet. – <http://www.eurekanet.ru/vesti/info/824.html>

альные группы: учащиеся, педагоги, технический персонал и родители. Ему необходимо еще умело поддерживать связь с общественностью своего региона. Исходя из столь обширного и неординарного социального плацдарма, на котором работает директор школы, сегодня очень сложно ему быть обаятельным и авторитетным руководителем. Понимая все это, многие руководители школ настоятельнее проявляют деловой интерес к имиджу как личностному инструментарию, с помощью которого они могут утвердиться в социальной среде своего общения, формировать доверительные отношения с детьми, родителями и работающим в школе персоналом. В конечном итоге закрепить свою профессиональную репутацию и личный авторитет.

Занимаясь проблемой возвышения престижа управленческой деятельности директора школы, выявляя, какие факторы работают на создание его позитивного имиджа как руководителя, профессор В. М. Шепель провел интересное социологическое исследование [6]. Его суть состояла в том, чтобы на основании полученной целевой информации провести сравнительный анализ мнений директоров школ о своем имидже и мнений педагогов об имидже директоров своих школ.

В опросе приняли участие 30 директоров школ и 120 педагогов Подмосковья, из которых 95 % – женщины. Абсолютное большинство респондентов имеют высшее образование. В исследовании были задействованы следующие методы сбора информации: анкетный опрос и интервью. Выборка не соблюдалась.

Результаты социологического исследования позволили сопоставить мнение педагогов о директоре с мнением руководителей о самих себе и получить весьма интересные и полезные сведения.

Во-первых, полученные данные свидетельствовали о том, что директора школ проявляют склонность к завышению самооценки себя как профессиональных управленцев. Так, более 30 % педагогов считают руководителей школ посредственными управленцами. Однако только 2,7 % директоров школ признали факт своей недостаточной подготовки в области профессионального управления.

Во-вторых, педагогам было предложено назвать, какими личностными и деловыми качествами обладают их руководители. Подобный вопрос был задан и директорам школ. По результатам исследования, руководители школ продемонстрировали завышенную самооценку почти по всем названным в анкете своим личностно-

деловым качествам. Исключение составила лишь оценка ими такого качества, как «эрудиция». По их мнению, им не хватает эрудиции. Но большинство педагогов признали своих руководителей более эрудированными по сравнению с тем, как они оценили самих себя.

В-третьих, тревогу вызвало расхождение мнений директоров школ и педагогов по двум важнейшим нравственным показателям – «справедливость» и «благородство». Так, 77,7 % руководителей школ признали себя «справедливыми», и 52,7 % – «благородными». Преподаватели оказались иного мнения: только 28,7 % педагогов назвали своих руководителей «справедливыми» и 22,5 % – «благородными».

Известно, что характер делового общения во многом определяет успешность деятельности школьного коллектива. Как оценивают состояние общения в школах руководители и педагоги? Как свидетельствует опрос, директора школ в два раза превышают свое представление о постоянных контактах с педагогами. Так, по мнению директоров школ, они постоянно общаются с педагогами – 75 %, и только 30 % педагогов заявили о своих постоянных контактах со своим руководителем. Если принять во внимание, что школа – компактное учреждение, а учительская является местом постоянного сбора педагогов, то можно предположить, что руководители школ больше «засиживаются» в своих кабинетах и меньше уделяют времени «хождению в народ».

В-четвертых, исследование выявило «болеву точку» в организации современного образования: человековедческая компетентность многих руководителей школ не соответствует современным требованиям, о чем свидетельствуют суммарные упреки педагогов в адрес директоров школ в несправедливых решениях, в низкой культуре речи, в неумелом общении с детьми и взрослыми, что неизбежно отрицательно отражается на имидже директоров школ.

На что следует обратить особое внимание? Если негативную оценку своим личностно-деловым качествам директора школ оценили в среднем в пределах чуть более 2 %, то педагоги выразили свое мнение об их личностно-деловых качествах в негативном свете в пределах 15 %. То есть разница во мнениях-оценках директоров школ и их подчиненных очень значительна. Другими словами, директора школ или не знают о своих существенных недостатках как личностного, так и профессионального жанра, или проявляют «номенклатурную» самоуверенность.

Об актуальности проблемы «комфортизации общения» в школе свидетельствуют данные опроса по схеме «руководитель – друг, руководитель – авторитет». Так, 65,5 % опрошенных руководителей школ считают, что коллеги часто советуются с ними по вопросам, не связанным с работой. Однако подобного мнения придерживаются 21,2 % педагогов. Кроме того, 47,8 % педагогов утверждают, что не имеют желания советоваться по каким-либо вопросам с директорами школ.

Однако многие директора школ, судя по опросу, склонны обольщаться в отношении дружеского расположения к себе педагогов, о чем свидетельствуют следующие данные: 99,9 % директоров школ считают, что педагоги время от времени обращаются к ним по вопросам, не связанным с работой. Этой точке зрения директоров школ противоречат данные опроса: 47,5 % педагогов утверждают, что у них нет желания посоветоваться с директором школы по вопросам, не относящимся к их профессиональной деятельности. В этой связи следует обратить внимание на такой факт: в школе известная в менеджменте формула «начальник – подчиненный» имеет в основном формальное значение, так как в любом образовательном учреждении общение его директора реализуется по формуле «руководитель – коллега». Вот почему в школьном социуме решающее значение имеют не субординационные, а коллегиальные и дружеские отношения между директором школы и педагогами. Такой стиль общения директора школы более продуктивен и в общении с учащимися.

Результаты социологического исследования выявили и такой тревожный показатель, как значительный разрыв между желаемым и действительным в профессиональной компетентности директора школы. В этой связи следует иметь в виду, что в образовательном учреждении, где работают интеллигентные люди, постоянно озабоченные своим профессиональным уровнем и личностной выразительностью, директор школ для педагогов и учащихся является «лицом» их школы. Вот почему крайне важно директору школы помнить: престиж его должности – не гарантия его авторитета как руководителя, а потому чем привлекательнее для педагогов и учащихся его личностные данные, тем авторитетнее он для них как руководитель.

Так какой же он, современный директор школы, по итогам социологического исследования? Это профессионал, эрудит, общительный человек, добросовестный работник. Но общаются с директором школы педагоги в основном по не-

обходимости. Что особенно тревожно – 50 % респондентов не имеют желания советоваться с руководителем по вопросам, не связанным с работой, что свидетельствует о преобладании в педагогических коллективах формальных отношениях с руководителями школ.

Для составления социологического портрета директора школы мы провели исследование среди директоров общеобразовательных школ Астрахани. Система образования Астрахани насчитывает 80 общеобразовательных учреждений, из них – 51 школа [7. С. 5]. В нашем опросе приняли участие 45 директоров школ, что составляет 88 % от всего состава руководителей школ.

Исследование показало, что в корпусе директоров – 64,7 % – женщины, 35,3 % – мужчины. Возрастные группы следующие: до 30 лет – 0 %; до 40 лет – 19 %; до 50 лет – 22 %; до 60 лет – 44 %; выше 60 лет – 15 %. Семейное положение – 99 % имеют (или имели) семью; 11 % – разведены. Всего 7 % имеют троих детей, 38 % – двоих, 51 % – одного ребенка и 4 % – детей не имеют.

Оценивая уровень материальной обеспеченности своей семьи, «богатой» себя не считает ни один респондент; обеспеченной – 79 %; среднеобеспеченной – 20 % опрошенных. Доходы директоров школ складываются в основном из зарплаты по месту работы (85 %) и зарплаты по совместительству (13 %). Данные ответы свидетельствуют о переменах в бюджете руководителей школ. Переход на новую оплату труда в системе образования региона, осуществленный несколько лет назад, существенно увеличил доходы педагогов и руководителей. Директор с большим стажем работы и с количеством учащихся более тысячи имеет зарплату примерно от 20 до 30 тысяч рублей.

Работая в школе, почти каждый директор ведет уроки как учитель, не оставляя педагогическую практику и используя преподавание как дополнительный заработок к основному окладу. Результаты исследования показали, что 89 % директоров имеют базовое педагогическое образование и являются учителями следующих предметов: математики и физики – 35 %; русского языка и литературы – 28 %; истории – 16 % и остальных предметов – 10 %.

По стажу педагогической работы большинство директоров имеют: от 16–20 лет – 57 %; свыше 20 лет – 33 %; от 11–15 лет – 10 %.

Анализируя ответы респондентов на вопросы анкеты, следует отметить, что большинство опрошенных являются компетентными руководителями, обладающими адекватной самооценкой.

Добросовестно и ответственно относятся к своим профессиональным обязанностям – 99 % опрошенных директоров. Все опрошенные директора считают, что имеют авторитет среди коллег (95 %), всего несколько (5 %) не стали отвечать на этот вопрос.

А вот при оценке своей инициативности в совершенствовании управления в школе, часть (8 %) респондентов ответить затруднилась (или не захотела). Остальные 92 % оценивают свою инициативность высоко или скорее высоко. Подтверждением таких ответов могут служить изменения и новшества, проводимые в школах города по инициативе руководителей (создание социокультурных центров, открытие информационно-библиотечных центров, создание профильных классов, классов по принципу «школа полного дня» и т. д.).

Изменения, происходящие повсеместно в сфере образования, предполагают «открытость» школы, поиск партнеров, расширение общественно-государственных форм управления, привлечение местного сообщества к проблемам школы. Все это требует активной позиции директора-менеджера образования, его инициативности. В нашей анкете этому блоку было отведено несколько вопросов. Результаты опроса таковы: все директора (99 %) проявляют инициативу в налаживании взаимосвязей с другими учреждениями и организациями, но оценивают свою деятельность в этом плане по-разному. Только 45 % опрошенных оценивают ее высоко, остальные 54 % высокую оценку скорее дать не могут. Возможно, это связано с тем, что высокая оценка складывается в понимании руководителей с результатами, а именно привлечением денег и спонсорской помощи. Бедственное положение школы, сокращение финансирования привело к тому, что современный директор школы все время находится в поисках привлечения средств в школу на ремонт, благоустройство территории, пожарную сигнализацию, создание безопасных комфортных условий и т. д. Сам директор, проявляя активность и инициативность, требует такого же поведения от подчиненных. Большинство (58 % постоянно, 32 % как правило и 20 % регулярно) директоров побуждают своих подчиненных к активизации деятельности, повышению интереса к работе, росту профессионального мастерства, рекомендуют при этом оригинальные методы. Результатом такой деятельности становится рост авторитета школы у общественности. Высокий авторитет отмечают 59 % респондентов, наличие авторитета отметили 38 %, остальные 3 % затруднились в ответе.

Управленческие навыки для руководителя современной школы, на наш взгляд, пожалуй, важнее педагогических. Ведение уроков сказывается на знаниях определенного класса, а некомпетентное управление коллективом школы на деятельности всего учреждения. Поэтому самооценке управленческих навыков мы уделили несколько вопросов анкеты. Директора школ – участники опроса отмечают у себя наличие психолого-педагогических знаний, позволяющих им налаживать и поддерживать доброжелательную атмосферу в педагогическом коллективе (63 % – достаточно таких знаний, 31 % – считают, что такие знания имеются, 6 % – считают, что таких знаний недостаточно). По результатам ответов, 75 % директоров знания педагогики и психологии постоянно используют в своей профессиональной деятельности с родителями, учащимися, коллегами, остальные 25 % пользуются такими знаниями время от времени.

Однако, на наш взгляд, у опрошенных директоров школ существуют проблемы с повышением своего профессионального мастерства. Только 32 % заявили о том, что постоянно повышают свое мастерство и занимаются самосовершенствованием, остальные ответы таковы: 14 % – не повышают свой уровень, 14 % – скорее не повышают, 36 % – повышают по мере необходимости. Возможно, это связано с возрастными особенностями директоров, так как значительная часть руководителей пенсионного возраста и вопросы самосовершенствования их уже не волнуют. С другой стороны, в настоящее время, когда уровень информации быстро устаревает, заниматься самосовершенствованием руководителю просто необходимо. Управленческая культура, к которой мы относим не только владение деловым администрированием, но и управленческую этику, присуща всем руководителям (100 %), а высоко оценивают ее наличие у себя 85 %, другие 15 % – невысоко.

В дополнение к социологическому портрету директора школы мы постарались выяснить, чем любят заниматься в свободное время руководители школ, что они читают. Чтение руководителей связано с профессиональной деятельностью. Информация о политических и социальных событиях в основном сосредоточена на региональном уровне, новости образования поступают из центральной учительской прессы и специально предназначенных журналах для руководителя школы. Таким образом, можно предположить, что проведение свободного времени напрямую связано с профессиональной деятельностью. Поэтому и значительная часть опрошенных директоров

недовольна своим досугом (41 %), а место, где в основном его проводят – дом (35 %) и дача (48 %).

Более половины опрошенных руководителей недовольны оценкой своей работы руководством (74 %) и обществом (60 %). Поддержку и удовлетворение они находят только в своих коллективах у коллег и единомышленников. Однако большинство (80 %) к смене профессии не готовы. Возможно, здесь играет роль и возраст (средний возраст директоров свыше 50 лет). Удовлетворенность результатами своего труда беспокоит не всех руководителей (45 %), а вот отношение детей к учебе всех (92 %).

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, можно представить следующий социологический портрет директора современной городской астраханской школы. Это – женщина старше 50 лет, замужем, имеет детей, образование высшее педагогическое, стаж педагогической деятельности более 15 лет, стаж в должности директора более 10 лет, из среднеобеспеченной семьи, где доходы складываются из основной деятельности и подработки в качестве учителя-предметника. Согласно нашему портрету, директор пользуется уважением коллег, проявляет и поддерживает инициативу, занимается самообразованием и постоянно повышает свой профессиональный уровень, имеет развитые управленческие навыки и высокий уровень психологической культуры, что позволяет ему успешно руководить педагогическим коллективом. Однако исследование показало, что большинство руководителей не испытывают удовлетворение от профессиональной деятельности по разным причинам – усталость и не удовлетворенность своим досугом.

К сожалению, нам не удалось изучить мнение учителей о своем директоре, и было бы интересно сопоставить эти мнения. Но, доверяя исследованию В. М. Шепеля, о котором мы упоминали ранее, скорее всего самооценка директора и мнения педагогов будут иметь различия.

Библиографический список

1. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Часть 2. Прикладные технологии в социологическом изучении сферы образования [Текст] / под науч. ред. Г. И. Саганенко. – СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2004.
2. Макарова, М. Н. Болонский процесс: мнения и ожидания [Текст] / М. Н. Макарова, В. С. Соломенникова // Социс. – 2007. – №6.
3. Запесоцкий, А. С. Дети эпохи перемен: их ценности и выбор [Текст] / А. С. Запесоцкий // Социс. – 2006. – №12.
4. Собкин, В. С. Трансформация целей и мотивации учебы школьников [Текст] / В. С. Собкин // Социс. – 2006. – №8.
5. Городенко, Д. В. Проблемы политики национального образования в России [Текст] / Д. В. Городенко // Образование и общество. – 2009. – №1.
6. Шепель, В. М. Критерии оценки имиджа директора школы [Электронный ресурс] / В. М. Шепель // Российско-американский форум образования: электронный журнал. 2009. Выпуск 5. – №1. – Режим доступа: <http://www.rus-ameeduforum.com/content/ru/?task=art&article=1000605&iid=1>
7. Муниципальная система образования города Астрахани в 2005–2006 учебном году (информационно-справочные материалы). – Астрахань, 2006.

УДК 316.462

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

С. Г. Лагутин

Современные проблемы и тенденции профессионального развития государственных гражданских служащих являются важными ориентирами при разработке программ профессионального развития персонала государственной гражданской службы на различных уровнях исполнительной власти, научно обоснованных концепций управления кадровым потенциалом государственной службы.

Ключевые понятия: профессиональное развитие, государственные служащие, персонал организации, кадровая политика, государственная кадровая политика, кадровый потенциал, кадровая работа, кадровый резерв.

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PUBLIC SERVANTS: ISSUES AND TRENDS

S. G. Lagutin

Current problems and trends of professional development of civil servants are important landmarks in the elaboration of programs for professional development of civil service personnel at various levels of executive branch.

Keywords: professional development, public servants, personnel policy, state personnel policy, human resources, personnel reserve.

Социально-экономическая и политическая трансформация привели в России к глубоким изменениям трудовых отношений и управления на коммерческих предприятиях в сфере производства товаров и услуг. Однако в органах государственной власти интенсивность этого процесса не столь высока. Стремление государственных структур к удержанию власти, бюрократизм и закрытость поддерживаются историческими традициями и углубляются характерной для переходного периода распространенностью неформальных отношений, правил и норм в условиях несостоявшихся и постоянно меняющихся формальных регуляторов управления. Это снижает открытость к внедрению новых, усовершенствованных, более эффективных технологий развития персонала государственной службы, снижает мотивацию и стремление к обучению государственных служащих, является тормозом на пути их профессионального развития. В свою очередь, это влияет на результативность работы государственных органов по исполнению своих обязательств перед гражданами.

Недостаточная открытость и прозрачность государственных органов власти и управления обуславливается: 1) отсутствием в системе мотивов у государственных служащих стремления служить человеку и обществу, 2) традиционным отсутствием работающих механизмов, регламентирующих взаимодействие государственных органов с получателями услуг. Таким образом, нарушения принципов построения рациональной бюрократии, предложенных М. Вебером, ставят под сомнение легитимность государственных структур и определяют недоверие населения

к различным институтам власти. В мероприятиях, нацеленных на развитие персонала государственной гражданской службы, разумно предусмотреть комплекс мер, мотивирующих государственных гражданских служащих на достижение общественно значимых целей, на качественную работу с обращениями граждан. Именно эта работа отражает выполнение государством своих обязательств перед гражданами и является одним из показателей, характеризующих уровень профессиональной деятельности государственных гражданских служащих.

Государственная служба в России реформируется уже более десятка лет, причем этот процесс еще далек от завершения. Практика правовых демократических государств Европы и Северной Америки показывает, что создание эффективной государственной службы невозможно без проработанной, научно обоснованной концепции, которая выступает ядром государственной кадровой политики. В России воплощением государственной кадровой политики стали концепции административной реформы, рассчитанные на периоды с 2003 по 2005 гг. и с 2006 по 2010 гг. В соответствии с концепцией административной реформы должна строиться кадровая работа. Кадровая работа представляет собой оперативный уровень практической реализации кадровой политики, выражающейся в совершении юридически значимых действий, выраженных в издании индивидуальных правовых актов, обеспечивающих прохождение государственной службы в государственном органе.

Необходимо отметить, что административная реформа, проведенная за период с 2003 по 2005 гг.,

имеет важное значение. За этот период проведена крупная законодательная работа, в которой немаловажную роль играет федеральный закон о государственной гражданской службе, регламентирующий особенности ее прохождения и имеющий особое значение для данной работы. В Федеральном законе №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» многие аспекты функционирования государственной службы в органах государственной власти и управления, их правовые, организационные, финансово-экономические отношения получили конкретизацию, более четкую регламентацию. Кроме того в данном Законе заложены показатели эффективности и результативности служебной деятельности.

Вместе с тем принятые законы, в том числе и закон о государственной гражданской службе имеют ряд серьезных недостатков. Федеральный закон действует не только на федеральном уровне. Он распространяется и на государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации. В то же время субъекты Федерации должны принять законы и иные нормативные правовые акты, чтобы отразить и развить новые требования Федерального закона. Критическому обсуждению подлежит сама концепция и идеология нормативной модели системы российской государственной службы. Отсутствие в законе логики регулирования государственно-служебных отношений, противоречивость используемых категорий, неясность многих положений – далеко не полный перечень проблем, которые предстоит разрешить, ибо законодатель связывает перспективное развитие государственной службы с принятием в будущем многочисленных законов и иных нормативных правовых актов. Законодательным и исполнительным органам власти субъектов Федерации предстоит большая работа по формированию новых и существенному обновлению имеющихся нормативных правовых актов, касающихся вопросов государственной гражданской службы. Анализ положений Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» показывает, что заложенный в ст. 44 «Кадровая работа» механизм реализации норм закона неэффективен. Кроме того, сам термин «кадровая работа» по своему содержанию не отражает многообразие и сложность, а самое важное – требуемое качество работы с персоналом в системе государственного управления.

Фактически, реформирование затронуло лишь федеральный уровень исполнительной власти, на региональном и муниципальном уровнях организация такого рода мероприятий требует разработанной законодательной основы. Именно

на муниципальном уровне происходит, чаще всего, непосредственный контакт исполнительной власти с гражданами по вопросу оказания услуг. И хотя, согласно ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, они исполняют важнейшую функцию государственного управления – выражают интересы определенных социальных слоев и общества в целом посредством исполнительной деятельности органов и должностных лиц.

В целях повышения эффективности государственного управления путем кардинального улучшения деятельности органов исполнительной власти разработаны Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг. и план мероприятий по проведению административной реформы. Однако, несмотря на то что срок реализации административной реформы заканчивается в этом году, отметим, что главная задача пока не решена – не удастся привлечь в сферу государственной службы новое, компетентное поколение управленцев, обеспечить механизм служебного роста чиновников, достойного вознаграждения за высококвалифицированный управленческий труд. Не имея конкретных показателей исполнения служебных обязанностей, невозможно осуществлять плановую работу по подбору и подготовке государственных гражданских служащих, составлять учебные программы повышения квалификации и переподготовки резервистов к новым должностям. Несмотря на то что законодательное обеспечение реформы имеет ряд обозначенных выше недостатков, это является лишь одним из препятствий на пути реализации реформ. Основная проблема здесь – это отсутствие должного внимания развитию государственных гражданских служащих как с методической, так и с практической точки зрения. Государственная кадровая политика как стратегия работы государственных органов с кадрами выражается через определение основных приоритетов государства по развитию государственной службы.

Важнейшим приоритетом государственной кадровой политики является рациональное использование кадрового потенциала, а это осуществимо только через непрерывное профессиональное развитие персонала государственной службы. Комплекс мер по развитию персонала должен осуществляться на основе комплексной оценки потребности в развитии для каждого конкретного государственного служащего. Это позволит добиться эффективности не только проводимых мероприятий, но и расходования бюджетных средств. Подчеркнем, что организация

профессионального развития государственных гражданских служащих должна строиться на следующих основных принципах: системности, непрерывности, интенсивности и целенаправленности, профессиональной и правовой обоснованности учебного процесса, его взаимосвязи с практикой. Особая роль в достижении эффективности профессионального развития персонала государственной гражданской службы следует отвести кадровым технологиям. Кадровые технологии являются необходимым условием рационального использования кадрового потенциала государственной службы, повышения квалификации, учета профессиональных и личных интересов служащих. Применение кадровых технологий позволяет получить полную информацию о способностях человека, недостатках в его профессиональных навыках, что непосредственно оказывает влияние на профессиональное развитие и выбор оптимального метода обучения. Поэтому представляется ценным перспектива заимствования широкого опыта развитых стран по созданию и использованию кадровых технологий и применения их в России. Наиболее предпочтительной кадровой технологией, которая обеспечивает достижение этих целей, является управление карьерой. В государственной и муниципальной службе многих промышленно развитых стран Европы, а также США и Японии практика управления карьерой имеет правовую основу и отлаженный механизм продвижения по службе зарекомендовавших себя конкретными достижениями специалистов. Кроме того, руководители всех уровней, а также специалисты кадровых служб обязаны владеть практикой управления карьерой своих подчиненных. В ряде стран некоторые кадровые технологии разрабатываются и применяются исключительно государственными органами. Например, в Японии отбор на государственную службу и увольнение с государственной службы проводятся централизованно Национальным ведомством по кадрам государственных учреждений. Им устанавливаются единые экзамены для поступающих на государственную службу, разрабатываются рекомендации по применению кадровых технологий и осуществляется контроль их применения в государственных органах. Контроль и методическую помощь федеральным структурам по применению кадровых технологий в США осуществляет Управление по работе с кадрами. Заинтересованность граждан в высокопрофессиональном составе государственных служащих привела к тому, что контроль практики их применения начали осуществлять институты гражданского общества. Так, в государственной службе Великобритании уже более 150 лет действует общественный орган – Управ-

ление уполномоченных по государственной службе [1. С. 32]. Одна из его главных задач – контроль проведения конкурсов на высшие вакантные должности государственной службы. В Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержится упоминание об органах по управлению государственной службой, которые могли бы обеспечить эффективное руководство государственной службой на благо общества и государства. Указом Президента РФ от 10.03.2009 г. № 261 утверждена Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)». Одним из основных направлений, указанных в программе, является формирование системы государственной службы РФ как целостного государственно-правового института, создание системы управления государственной службой¹. Реализация данного направления станет важнейшим шагом на пути создания органа по управлению государственной службой, а следовательно, качественного улучшения функционирования государственной службы, преодоления замкнутости и разобщенности деятельности государственных органов в сфере управления государственной службой.

Очевидно, что организация профессионального развития персонала гражданской службы неразрывно связана с развитием и рациональным использованием кадрового потенциала. Эффективному управлению кадровым потенциалом государственной службы может способствовать Федеральный банк кадровой информации в виде территориально-распределенной двухуровневой системы. На верхнем уровне обеспечивается функционирование информационно-справочной службы банка, создание и ведение базы данных кадровой информации федерального значения, координируется работа локальных банков данных центральных и региональных органов государственной власти и соответствующих баз данных, предоставление доступа к банку данных соответствующих абонентов. На уровне локальных банков данных центральных и региональных органов государственной власти собирается и обрабатывается кадровая информация, осуществляется ее ведение и обеспечение. В отдельных регионах России такая практика нашла свое применение еще несколько лет назад. Так, с целью эффективного использования кадрового потенциала перспективных сотрудников Белгородской области создана и функционирует программа «Резерв кад-

¹ Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)». – <http://rg.ru/2009/03/13/programma-dok.html>. 13.03.09.

ров». Главной задачей при создании этой программы было сформировать на основании кадрового резерва государственных и муниципальных органов области кадровый резерв Белгородской области [1. С. 35]. Таким образом, удалось подобрать группу высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимыми профессионально-деловыми качествами, имеющих положительную рекомендацию, прошедших необходимую профессиональную подготовку и готовых для замещения должностей в порядке карьерного роста. За своевременное обновление информации по резерву кадров также закреплен определенный сотрудник. Создание резерва кадров оказывает позитивное влияние на мотивацию служащих. На уровне Российской Федерации во исполнение поручений Президента по итогам состоявшегося 23.07.2008 г. совещания по формированию резерва управленческих кадров в субъектах Российской Федерации завершена работа по созданию резервов управленческих кадров. До 1 марта 2009 г. резервы управленческих кадров сформированы во всех субъектах Российской Федерации. Всего в резервы было включено 27,5 тыс. человек. Во всех субъектах Российской Федерации образованы и действуют комиссии по формированию и подготовке резерва управленческих кадров. Региональные резервы управленческих кадров сформированы на основе конкурсного отбора, рекомендаций государственных органов и органов местного самоуправления, предложений экспертов. В Волгоградской области 5 марта 2007 г. было утверждено «Положение о кадровом резерве государственной гражданской службы Волгоградской области», согласно которому областной кадровый резерв формируется из кадровых резервов государственных органов Волгоградской области¹. Формирование и эффективное использование кадрового резерва является неотъемлемым элементом кадровой работы в органах государственной власти, имеющим законодательное закрепление. Однако этот механизм пока не стал реальным способом повышения качества госу-

дарственного управления [2. С. 61]. Можно с уверенностью сказать, что создание и использование Федерального банка кадровой информации может способствовать эффективному и оперативному выявлению уровня квалификации и навыков, помочь при выявлении потребности в профессиональном развитии государственных служащих.

Ведущую роль в организации профессионального развития квалифицированных кадров играют кадровые службы. Однако специалисты кадровых служб часто не знают о потенциале социологических и социально-психологических исследований и не умеют использовать подобные исследования в своей организации, отделе. Достижение профессионализма невозможно без постоянного и систематического развития профессиональных качеств. Планируя процесс организации профессионального развития персонала гражданской службы, важно учитывать современные тенденции и проблемы. Отметим, что реализация современной административной реформы фактически не коснулась регионального уровня. К положительным тенденциям можно отнести создание резерва управленческих кадров в каждом регионе, который позволяет вести централизованный учет кадров и более рационально использовать кадровый потенциал гражданской службы. В ближайшем будущем планируется создание органа по управлению государственной службой, который возьмет на себя ответственность за разработку и реализацию мероприятий, направленных на профессиональное развитие государственных служащих.

Библиографический список

1. Еленчак, Е. Что могут и чем помогут кадровые технологии [Текст] / Е. Еленчак // Служба кадров и персонал. – 2007. – №12.
2. Наумов, С. Кадровый резерв как механизм повышения качества государственного управления [Текст] / С. Наумов, Е. Масленникова // Власть. – 2008. – №10.

¹ Глава администрации Волгоградской области. Постановления. Законы Волгоградской области // www.volgogradlaw.ru/volgograd/1022_stat.html. 05.03.07.

УДК 316.462

**НЕЭФФЕКТИВНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ:
ПОТЕНЦИАЛ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

А. В. Одинцов

Статья посвящена анализу результатов социологического исследования социального взаимодействия административных и предпринимательских структур Волгоградской области в поле государственного регулирования экономики.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики, административные барьеры, социология региона, предпринимательство, чиновничество.

**INEFFICIENT ADMINISTRATIVE BARRIERS:
OVERCOMING POTENTIAL IN THE VOLGOGRAD REGION**

A. V. Odintsov

Article is devoted to the analysis of results of sociological research of social interaction of administrative and business structures of the Volgograd region in the field of state regulation of economy.

Keywords: economy state regulation, administrative barriers, regional sociology, business, bureaucracy

В данной статье представлена часть результатов социологического исследования эффективности государственного регулирования экономики и потенциала преодоления неэффективных административных барьеров предпринимательским сообществом, проведенном в 2009 г. в Волгоградской области.

В качестве генеральной совокупности определена та группа государственных и муниципальных служащих, которая в ходе своей деятельности наиболее близко знакома с проблемами государственного регулирования деятельности бизнеса. На региональном и муниципальном уровне это сотрудники структурных подразделений, обязанных заниматься поддержкой предпринимателей. С одной стороны, они являются служащими, с другой – их обязанность по возможности честно представлять и освещать проблемы предпринимателей. Среди сотрудников федеральных ведомств выбраны работники Федеральной налоговой службы (ФНС). Конечно, количество сотрудников налоговых органов заметно выше, но ради сохранения пропорциональности ответов респондентов они представлены в опросе количе-

ственно так же, как и сотрудники администрации региона и города Волгограда.

Группа предпринимателей ограничена представителями их крупнейших и наиболее активных общественных организаций в регионе. Это сделано не только с целью лучше понять деятельность этих союзов, но и по той причине, что предприниматели, вступившие в союзы по собственной инициативе (в отличие от некоторых стран Западной Европы, где членство в них обязательно), являются не только «прогрессивной» частью делового сообщества, но и теми, кто понял низкую эффективность прежних методов решения проблем, возникающих в ходе взаимодействия с административным сообществом.

В ходе исследования принципиально важно было определить механизмы регулирования деятельности бизнеса и административные барьеры. В ходе исследования респонденты из административной среды в большинстве своем настаивают на том, что государственное регулирование деятельности предпринимателей в целом необходимо, что существенным образом отличается от позиции предпринимателей (табл. 1).

Таблица 1

Оценка степени необходимости государственного регулирования деятельности бизнеса (в процентах от числа опрошенных)

Степень	Чиновники	Предприниматели
Высокая, как для бизнеса, так и для всего общества в целом	82,1	16,5
Высокая, но скорее для российского общества – не для бизнеса	16,8	20,3
Низкая, необходима только для тех, кто ее регулирует (для чиновников)	–	45,9
Низкая, так как предприниматели сами могут установить правила поведения на рынке	1,1	17,3

Предприниматели, несмотря на значительную долю скептицизма в отношении исполнителей государственной политики в области, поддерживают необходимость и значимость вопроса (простая сумма первого и второго варианта, которая у чиновников дает 99,7 % ответов у предпринимателей также высока – 36,9 %). При этом примерно значительная часть опрошенных бизнесменов полагают, что сами предприниматели способны более эффективно решать проблемы регулирования экономических отношений (17,1 % респондентов). Предприниматели также сознают

необходимость государственного регулирования хозяйственной деятельности в современной ситуации, но результат по этому вопросу не дает возможности понять разницы в понимании самого процесса и его эффективности у представителей двух анализируемых групп.

Для уточнения показателя эффективности административного регулирования предпринимательской деятельности в исследовании перед респондентами ставился вопрос о степени его эффективности на различных уровнях.

Таблица 2

Оценка степени эффективности административного регулирования деятельности бизнеса (предпринимателей) (в процентах от числа опрошенных и предпринимателей)

Показатель	На федеральном уровне		На региональном уровне		На муниципальном уровне	
	Ответы респондентов чиновников	Ответы респондентов предпринимателей	Ответы респондентов чиновников	Ответы респондентов предпринимателей	Ответы респондентов чиновников	Ответы респондентов предпринимателей
Да, вполне эффективно	6,3	43,6	6,3	0,7	3,2	2,1
Скорее да, чем нет	48,4	31,4	41,4	65,7	32,9	23,6
Скорее нет, чем да	27,4	6,4	33,7	18,6	32,6	20,0
Нет, не эффективно	17,9	18,6	17,9	15,0	27,4	54,3

Из сопоставления данных, представленных в табл. 2, можно заметить, что чиновники в большинстве своем неоднозначно оценивают эффективность регулирования деятельности предпринимателей на федеральном и региональном уровнях – процент положительных и отрицательных ответов примерно сопоставим. Так, у чиновников на федеральном уровне 54,7 % положительных ответов против 45,3 % отрицательных при том, что вариант «скорее да, чем нет» существенно опережает «нет, не эффективно» и примерно такой же, хотя и с большей долей негативных оценок, результат наблюдается в случае регионального уровня власти (47,7 % и 51,6 % соответственно). У предпринимателей наблюдается явная симпатия в отношении проводимой федеральными (75,0 % положительных ответов и лишь 25,0 % отрицательных) и более отрицательно региональными властями (66,4 % и 33,6 % соответственно) экономической политики. Однако и опрошенные чиновники, и предприниматели в целом негативно характеризуют ситуацию на муниципальном уровне власти. Чиновники оценивают положительно ситуацию в муниципалитетах лишь на 40,0 %, в то время как отрицательно на 60,0 %. Среди предпринимателей результат еще более впечатляющ. Лишь 23,6 %

респондентов, да и то с определенными оговорками, признали ситуацию нормальной, а 54,3 % оценивают ее резко негативно. Однако для общественного мнения в России традиционно характерно большее доверие к высшим органам власти.

На вопрос о необходимости особого внимания со стороны органов власти различного уровня чиновники, как и предприниматели, наибольшие надежды возлагают на федеральный уровень (64,2 % и 56,4 % от опрошенных респондентов соответственно). Наименьшее количество респондентов выбрали региональные власти (среди чиновников этот вариант ответа выбрали 15,7 %, а у предпринимателей – 5,7 % респондентов).

Несмотря на то что обе группы респондентов более всего не устраивает ситуация на муниципальном уровне (у предпринимателей на региональном), представители и той и другой надеются на положительное решение, принятое федеральными властями. Вполне вероятно, что этот факт является следствием первых заявлений Президента Д. А. Медведева на своем посту, а также в статусе «избранного Президента», которые касались именно проблем в сфере администрирования бизнеса. Между тем многие предприниматели начали осознавать значимость уровня муниципалитетов

(37,9 %), в то время как респонденты-чиновники скептически отнеслись к возможностям органов местного самоуправления (лишь 16,8 % респондентов). Понимание реальных возможностей в отстаивании собственных интересов и решении проблем собственного бизнеса еще более выразительно в ответах на вопрос «На каком уровне власти предприниматели и бизнес в целом может решить свои проблемы?». 43,6 % предпринимателей полагают, что такая возможность предоставляется именно на местном уровне, тогда как федеральный и региональный уровень власти считаются не столь эффективными (18,6 % респондентов выбрали федеральный уровень и 12,9 % – региональный). Респонденты-предприниматели, выбравшие в качестве наиболее оптимального уровня муниципальный, наиболее последовательны. 43,8 % опро-

шенных выбрали его и в этом вопросе, в то время как на двух вышестоящих уровнях остановилось только 18,8 % (федеральный уровень) и 12,5 % (региональный). Это во многом связано со специфической характеристикой опрашиваемых, потому как они состоят в союзах предпринимателей, главной задачей которых – весьма для них посильной – является защита интересов своих членов именно в местных администрациях (об этом в параграфах ниже).

Ключевым вопросом является наиболее значимый и проблематичный в ходе административного регулирования феномен, который можно было бы охарактеризовать как основную коммуникационную тему взаимодействия двух сообществ (рис. 1).

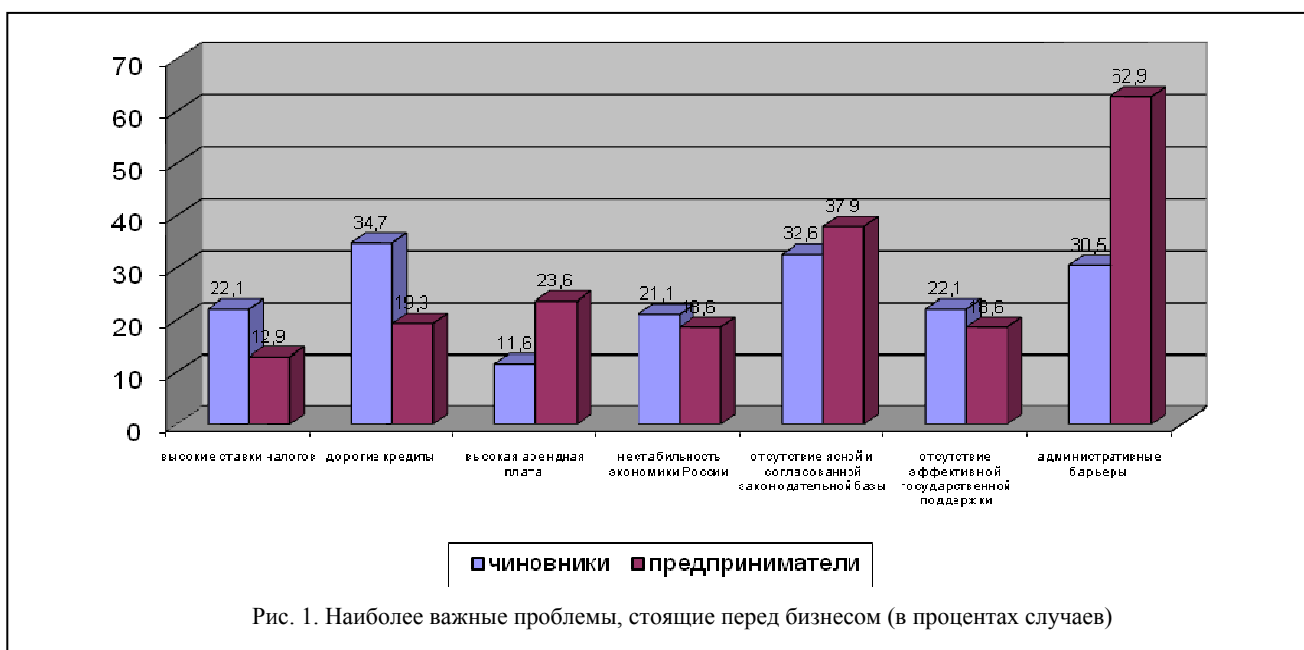

Рис. 1. Наиболее важные проблемы, стоящие перед бизнесом (в процентах случаев)

И предприниматели, и служащие на первое место ставят административные барьеры с той лишь разницей, что первая группа делает это гораздо более артикулировано. Существенными оба сообщества считают проблемы, связанные с законодательством и административными барьерами (напомним, что именно несовершенные нормативные акты являются поводом к возникновению административных барьеров).

Анализируя результаты, полученные по вопросу о причинах возникновения проблем в сфере государственного контроля и регулирования деятельности предпринимателей, стоит отметить, что выбор обеими группами респондентов ответов примерно одинаков за тем исключением, что предприниматели гораздо более склонны винить в негативных проявлениях указанного явления его непосредственных исполнителей.

Таблица 3

Причины возникновения проблем в сфере государственного контроля и регулирования деятельности бизнеса (в процентах случаев)

Причины	Чиновники	Предприниматели
Несовершенство законодательства	63,2	37,9
Чрезмерные требования к бизнесу	23,2	25,0
Искажение законодательных норм со стороны чиновников	12,6	62,2
Сложность нормативно установленных правил ведения бизнеса	61,1	56,4

Результат указывает на долю неформальных отношений и пренебрежения своими должностными обязанностями, т. е. использованием служебного положения чиновниками. Можно сказать, что опрошенные предприниматели и отдельные чиновники отмечают заметный уровень коррупции. Следует учитывать, что используемое определение категории близко к веберовскому («идеальному типу бюрократии»), вместе с тем, на наш взгляд, феноменологически точно на практике характеризующее наличную ситуацию. Результаты по двум первым группам причин указывают на проблемы, возникающие преимущественно на федеральном уровне власти («из-за непродуманных законов» – представительная, «высокие требования» – исполнительная власть). Если по первому пункту наблюдаются заметные различия (63,2 % у чиновников против 37,9 % у предпринимателей), связанные с тем, что формы отчетности, взывание налогов регулируются главным образом исполнительной властью, то процент случаев ответов по второму варианту показывает почти полное единодушие и представителей административного сообщества и бизнесменов. Однако претензии именно к исполнительной власти и чиновникам как ее структурным элементам, а также к сформулированным ими правилам ведения бизнеса у предпринимателей существенно выше. В этой связи актуальным является вопрос о тех ветвях власти, с помощью которых предприниматель способен решить свои проблемы: «Какие органы власти могут решить проблемы бизнеса?».

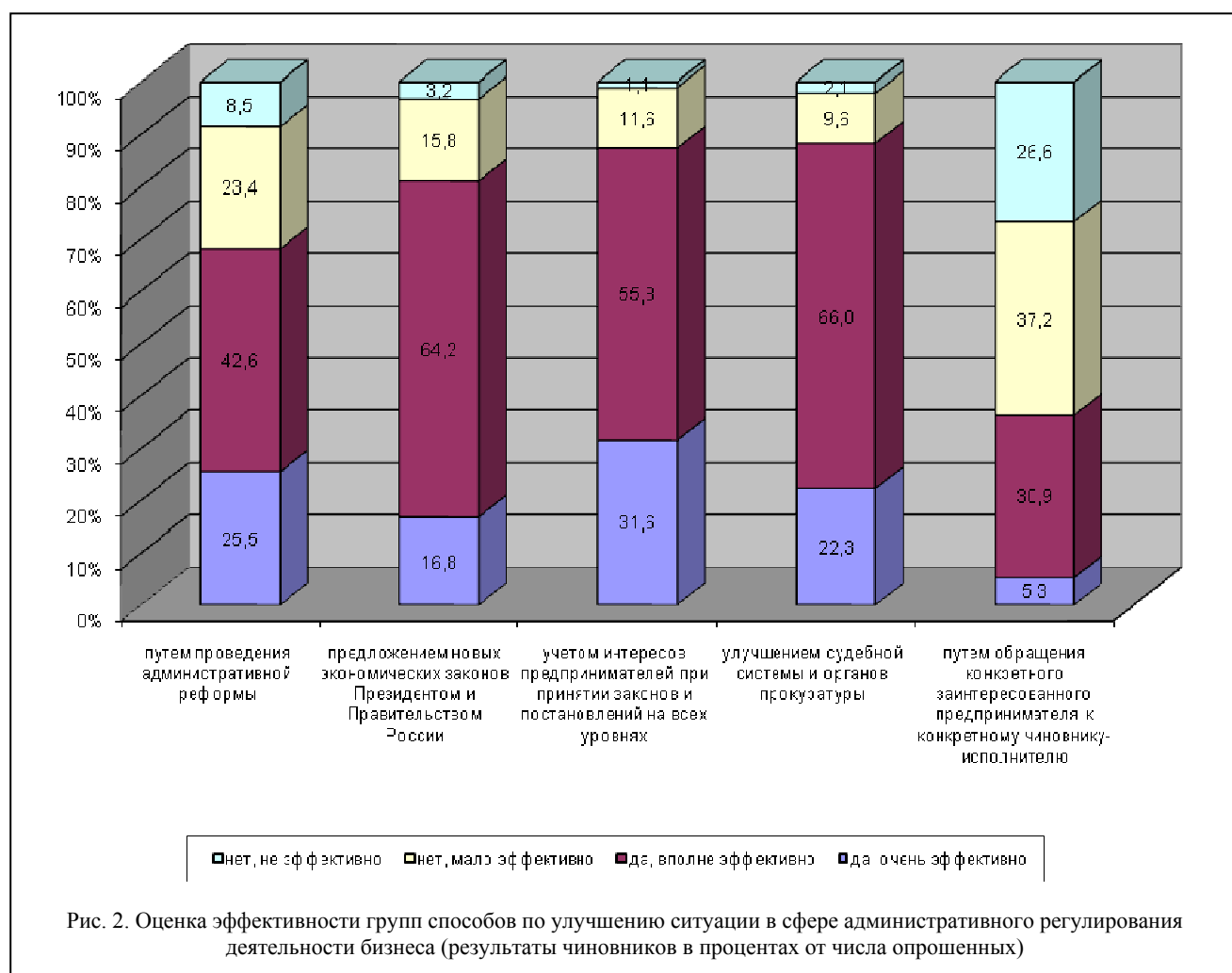
Предприниматели много более полагаются на исполнительную власть (52,9 % от числа опрошенных) нежели представители административного сообщества (41,5 %), что подтверждает наличие проблем, связанных именно с реализацией федерального и регионального законодательства, а также с подзаконными актами исполнительных органов власти. Законодательные органы власти приемлемы для решения проблем бизнеса, по мнению 55,3 % от опрошенных респондентов-чиновников. При этом отдельно стоит отметить тот факт, что лишь 3,2 % представителей административного сообщества считают, что предпринимателям уместно защищать свои интересы в судебном порядке, в то время как предприниматели во многом полагаются именно на эту ветвь власти (30,0 % опрошенных предпринимателей).

Существенным отличием является также то, что 17,1 % опрошенных предпринимателей выбрали законодательную власть, несмотря на то,

что именно она является представительной, то есть должна осуществлять также реализацию интересов предпринимателей как социальной группы. Чиновники полагаются на законодателя, формулирующего государственную политику в области регулирования экономической деятельности, и способного учитывать интересы предпринимателей по причине своего особого генезиса¹ и функционирования, даже несмотря на отсутствие законодательного регулирования лоббизма, то весьма показательным является факт того, что многие чиновники (41,5 %) и большинство предпринимателей (52,9 %) указывают на исполнительную власть. Защита же собственных интересов предпринимателей в органах исполнительной власти во всех так и не принятых редакциях законодательства о коррупции именуется именно этим термином с явной негативной окраской. При всей действенности лоббизма даже объединения предпринимателей и крупный бизнес могут лишь заявить о своей позиции в администрациях и ведомствах различного уровня и не более, иное – запрещено уголовным законодательством РФ. Сознывая это и выбирая подобный вариант ответов, респонденты дают понять, что существенным фактором в реализации администрирования бизнеса остается личность того или иного чиновника.

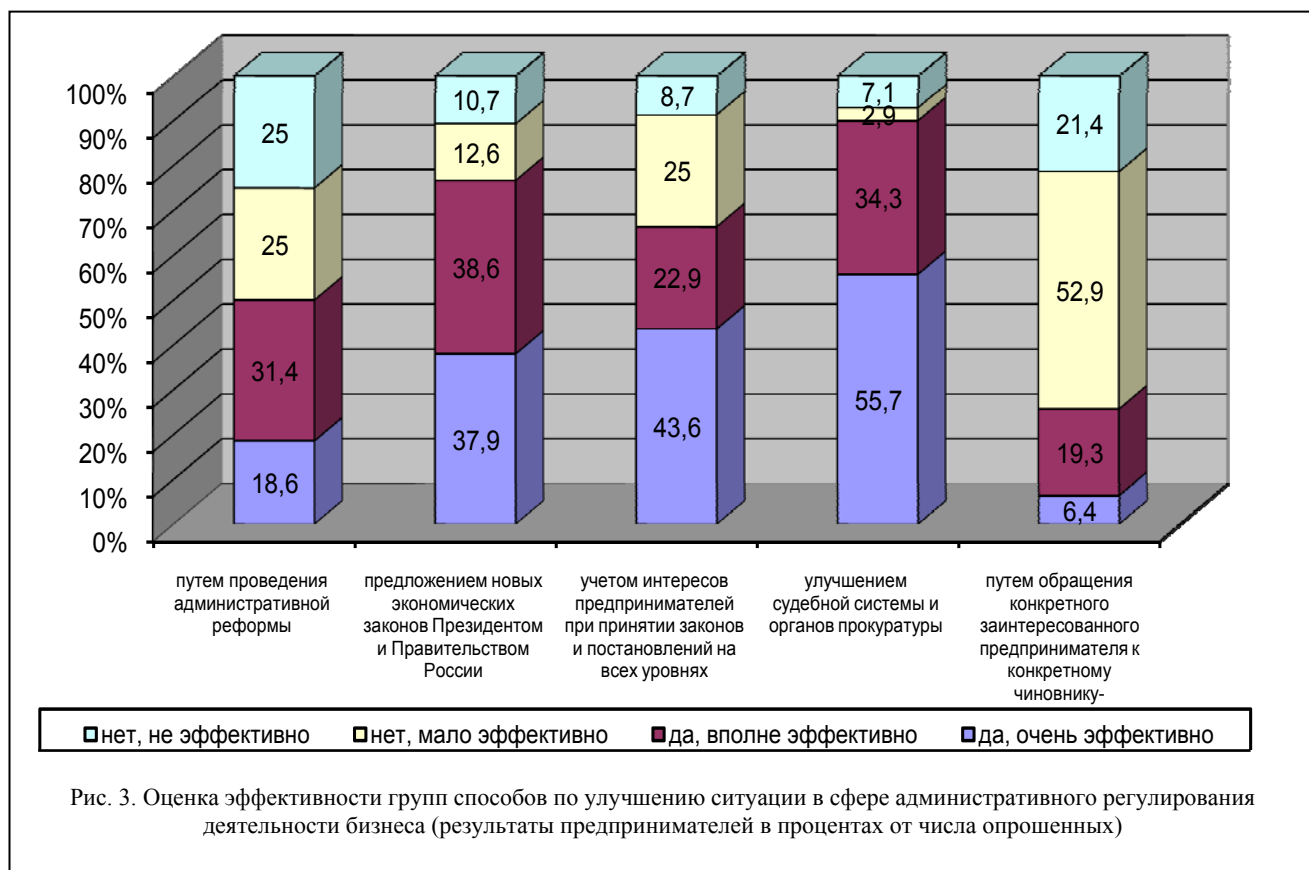
Для возникновения административных барьеров кроме пробелов и двусмысленностей в нормативных актах необходима и личная заинтересованность в получении административной ренты их субъекта, которого Крючкова именуется «Б-актором» [Крючкова, П. Снятие административных барьеров в экономике (условия и возможности глобальной институциональной трансформации) // Вопросы экономики. – 2003. – №11. – С. 65–77]. Таким образом, предприниматели констатируют наличие «барьерогенной» среды в сфере регулирования деятельности бизнеса. Определенный оптимизм внушает большее доверие (нежели у чиновников) предпринимателей к судебной системе, к которой для защиты своих интересов готовы прибегнуть 30,0 % респондентов.

¹ Представители предпринимателей на легальных основаниях могут избираться в состав законодательных органов и, следовательно, лоббировать их интересы (что наиболее заметно в первом и втором созывах Законодательного Собрания Российской Федерации, в которых предприниматели обладали собственными фракциями; в городском совете г. Волгограда в числе предпринимателей-депутатов на данный момент состоит в недавнем прошлом председатель Волгоградского отделения ОО предпринимателей «ОПОРА РОССИИ»).

В целом ожидаемый результат наблюдается в ответах респондентов на вопрос об эффективности тех или иных групп способов по улучшению ситуации в области административного регулирования деятельности предпринимателей. Несколько странным, на первый взгляд, является результат среди ответов респондентов-чиновников по пункту «административная реформа» (рис. 2), тем более, что пункт в анкете был сформулирован следующим образом: «путем проведения административной реформы (принятием жестких регламентов деятельности чиновников, повышением их заработной платы, улучшением структуры органов власти и так далее)». Несмотря на кажущуюся непосредственную заинтересованность представителей административного сообщества в ее проведении, личную заинтересованность всякого его представителя, результаты ниже чем по осталь-

ным группам мер (исключение составляет последний пункт, на котором мы остановимся ниже). Это может объясняться двумя основными причинами. Во-первых, чиновники и так чувствуют себя весьма защищенными как в социальном, так и в профессиональном плане, потому всякое даже потенциальное изменение воспринимается ими настороженно. Во-вторых, административная реформа проводится еще со времени нахождения у власти первого Президента России, потому ее цели и эффективность даже при наличии оформленной и принятой концепции реформы весьма туманны. К этому следует прибавить, что ясного негативного результата в отношении к реформе административного корпуса ожидать не приходится – согласно известному закону Паркинсона, ухудшения положения чиновников не последует ни при каких обстоятельствах.

В отношении проведения административной реформы результат опроса предпринимателей вполне ясен – предприниматели совсем не чувствуют результатов реформы и еще меньше нежели первая группа знакомы с ее результатами. Как положительные, так и отрицательные оценки равны, что позволяет с полным основанием отметить понятную индифферентность в данном пункте. Интересным представляется заметная разница в отношении оценки второго и третьего способов.

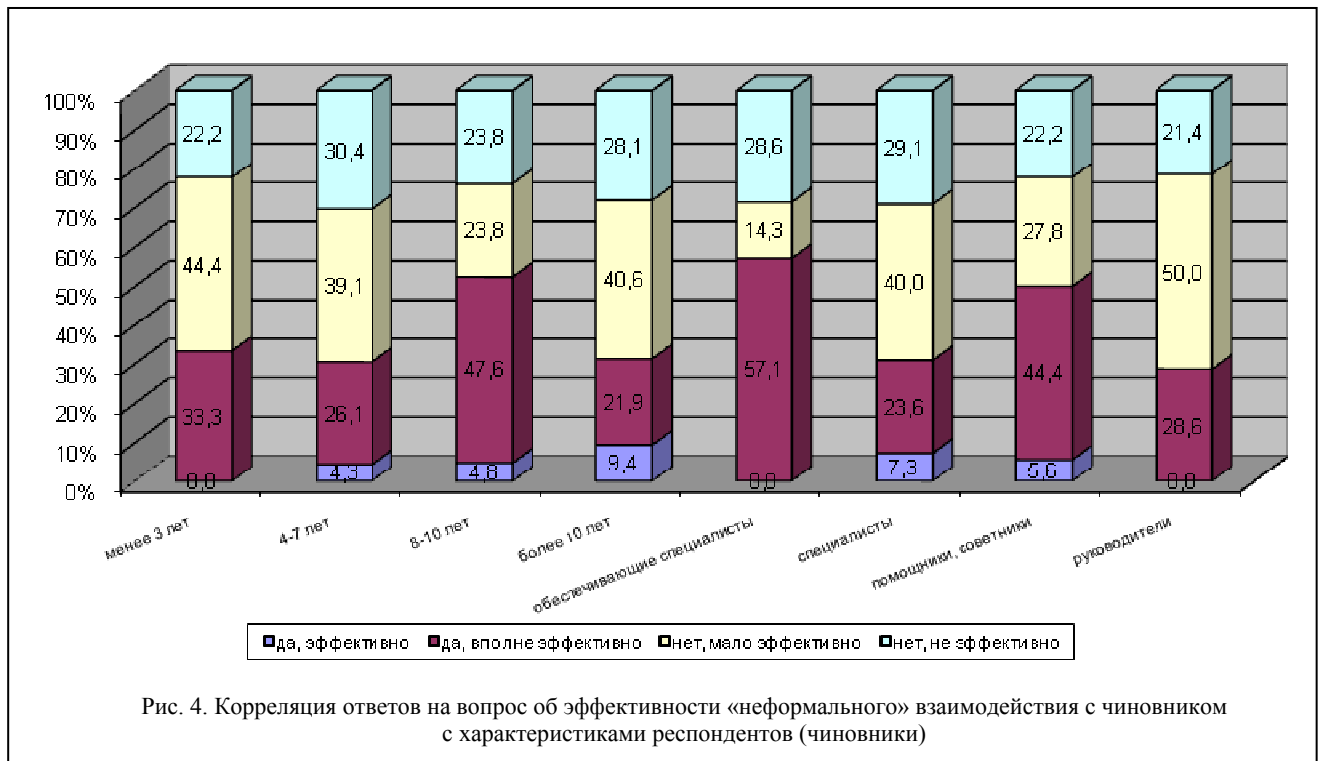
С одной стороны, предприниматели ждут от федеральных властей законодательных мер по улучшению ситуации (процент положительных ответов почти трехкратно превосходит отрицательные), с другой стороны, наблюдается изрядная доля скептицизма в отношении того, что интересы предпринимателей при создании нормативных актов, регулирующих их деятельность, будут учитываться, несмотря на то, что доля более позитивного ответа «да, эффективно» здесь выше (43,6 %), чем в предыдущем пункте (37,9 %). Значительная часть респондентов¹ надеется, что высшая исполнительная и политическая власть самостоятельно найдет решение проблемы без

консультаций с предпринимателями и их общественными объединениями. То есть предприниматели слабо надеются, что их позиция действительно будет учтена при разработке нового законодательства.

Также на рис. 1 и рис. 2 показано отрицательное отношение обеих групп респондентов к последнему пункту. Коррупция, о которой задан вопрос, является, по мнению большинства респондентов в обеих группах, не эффективным способом улучшения положения в сфере администрирования предпринимательской деятельности.

Особенное внимание привлекает то, что с увеличением стажа предпринимателя и чиновника оценки изменяются различным образом. У чиновников растет уверенность, что для предпринимателей это действенный способ в максимально благополучном для административной карьеры состоянии (когда они уже могут сказать все и еще могут ничего не опасаться), а у предпринимателей, напротив, на заре профессиональной деятельности они более склонны оценивать коррупцию как приемлемый вариант решения проблем своего бизнеса.

¹ Именно 75 % от выбравших ответ «да, эффективно» и «да, весьма эффективно» в пункте «предложение новых экономических законов Президентом и Правительством» выбрали в пункте «учетом интересов предпринимателей...» отрицательные ответы.

Приведенные выше результаты социологического исследования свидетельствуют о росте потенциала преодоления негативных административных барьеров законными способами (к примеру, обращениями в суды). Но основной проблемой эф-

фективного и легального взаимодействия власти и бизнеса в поле государственного регулирования экономики остается отсутствие институционализации интересов предпринимателей в виде общественных или политических объединений (партий).

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 316.61

ЖИЗНЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ КАК НЕПРЕРЫВНОЕ ОБУЧЕНИЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ «ТЕОРИИ КАТАСТРОФ»

Д. В. Евдокимцев

Статья посвящена исследованию процессов производства информации и разрушения дисфункциональных описаний в философии как особой репрезентативной системе. Информациогенез рассматривается как эффект различения и упорядочения различий, с одной стороны, и игнорирования – с другой. Современный катастрофический дискурс трактуется как симптом неадекватности современных ментальных моделей.

Ключевые слова: генезис информации, дифференциация, умственные клише, катастрофы, реструктуризация в реальность.

A LIFE OF SOCIO-CULTURAL SYSTEMS AS A CONTINUOUS LEARNING AND THE HEURISTIC POTENTIALITY OF «CATASTROPHE THEORY»

D. V. Evdokimtsev

The author has researched and analyzed how information is 'produced', and how dysfunctional descriptions are 'destroyed' in philosophy as a distinct system of representation. In its genesis, information received by the human mind, has two fold effects. On one hand it has a differentiation effect, which includes the process of indexation of these differences by the mind. On the other hand, it has a neutral effect as these differences are ignored. The current catastrophic discourse is treated as a symptom of inadequacy in the modern mental models.

Key words: genesis of information, differentiation, mental cliché, catastrophe, restructuring of reality.

В истории гуманитарной культуры было выработано множество внешне разрозненных концепций, нацеленных на осмысление сущности кризисов и катастроф на языке религии, философии, психологии, психотерапии, педагогики, социологии и междисциплинарных исследований. Глубинное обобщение этих знаний требует солидных специальных исследований, поэтому в данной статье мы попытаемся представить лишь первичную систематизацию самых общих философских представлений из этого огромного корпуса идей, которые условно можно отнести к гуманитарным «теориям катастроф» и «непрерывного обучения».

С этих позиций утверждается, что социокультурные системы, к которым можно отнести индивидов, семьи, организации, государства, народы, нации и целые цивилизации, находятся в процессе непрерывного обучения. В данном контексте обучение понимается не по формальным признакам, а именно как корректирующий опыт, самокоррекция, перестройка внутренней среды и изменения структуры связей с внешней средой. Соответственно, если такой качественной

трансформации не происходит, то обучение нельзя считать состоявшимся [1].

Индивидуальное и коллективное обучение может происходить в самых разнообразных формах: актуализация социально-привлекательных целей и сценариев развития, миметическое подражание большинства носителям уникальных компетенций, создание позитивных и негативных прецедентов, обучающих многих на примере единиц, формирование определенного социального климата, социальной моды на семейные, экологические ценности, драматизация вредных последствий социальной инертности как «необученности». Однако самым мощным, равно как и самым болезненным фактором социокультурного обучения является «катастрофа», понимаемая в широком смысле: как кризис индивидуального или коллективного сознания, связанный с потерями времени, возможностей, психической и социальной энергии членов общества; как деградация прежней системы, которая может сопровождаться трагическими последствиями, человеческими и материальными жертвами. Очевидно, что громоздкие социокультурные системы (общество в целом,

бюрократический аппарат и т.п.) отличаются особой инертностью, застойностью внутренних и внешних связей, поэтому «учатся» крайне медленно и чаще всего лишь тогда, когда «катастрофа» сужает «воронку возможностей» и «заставляет» предпринимать меры по предотвращению их полной дезорганизации.

Таким образом, и для семейной психотерапии, и для применения системного подхода в политике, и в экономике неудачи отдельного субъекта или коллектива (организации, партии, общества) являются не следствием неправоты и незрелости социального окружения, а результатом недостатка креативности, способности к комплексному видению, то есть дефициту «системной мудрости» самого этого индивидуального или коллективного субъекта. В холистической системе координат личная или коллективная катастрофа предстает именно как реакция среды на ошибочные модели поведения субъекта, служит показателем дисфункциональности тех «металлических карт», которыми он руководствуется [2].

В данном идейном контексте особенно актуальной становится задача проактивного, а не реактивного предупреждения катастроф, точнее способность к упреждающему обучению, самокоррекции, позволяющей избежать трагических последствий или реагировать на стадии появления первых симптомов кризиса. Выработка этих качеств у людей и организаций требует уточнения метафор и моделей обучающих процессов. Одной из таких метафор являются «дедуктивно-индуктивные клещи», символизирующие настроенность восприятия на избирательное схватывание тех или иных процессов во внутренней и внешней среде.

Согласно Ж. Бодрийяру и Г. Бейтсону, «производство» и «реструктуризация» реальности индивидуального или коллективного субъекта возникает в результате индуктивно-дедуктивной циркуляции информации между сознанием и средой. В ходе первоначального обучения у человека или организации из опыта индуктивно складывается некоторая ментальная карта, которая обладает качеством неполноты в силу неспособности отдельной части системы воспринимать всю систему социальных и планетарных связей в целом. Однако эта частичная системная «слепота» локального сознания по понятным причинам не замечается самим индивидуальным или коллективным субъектом, который по причине стремления к экономии энергии дедуктивно проецирует сложившийся ментальный шаблон на внешнюю среду, пытаясь втиснуть всегда более сложную комбинаторику процессов в «пазы» своих представлений. Поскольку внешняя среда никогда полностью не вписыва-

ется в границы локальных представлений человека или коллектива, он снова индуктивно из опыта корректирует первоначальный паттерн культуры и этот символический обмен чаще всего функционирует циклически и постоянно [2; 3].

Собственно креативное сознание во многом функционирует по принципу «карта – не есть территория», то есть описание ситуации – не есть сама ситуация [2]. Иными словами, креативное сознание может создавать бесконечное количество описаний одной и той же ситуации, выбирая из них наиболее перспективные, ресурсные, развивающие, адаптивные сценарии. Таким образом, суть информациогенеза как производства личной, профессиональной, научной, управленческой информации заключается в соотношении различения и игнорирования; то, что человек или организация распознали из возможного и полного, стало информацией; то, что проигнорировали, превратилось в упущенные возможности. В этом идейном русле можно констатировать дефицитную природу личной или производственной информации; это означает, что в существующей информации о чем-либо с точки зрения обучения для субъекта главным может быть не то, что в информации присутствует, а то, что в ней отсутствует, то, чего недостает до более полного описания ситуации.

В случае, если человек и организация являются чувствительными к внешней и внутренней динамике, то обучение осуществляется постоянно, живая система улавливает симптоматику тревожных процессов, корректирует свои представления на стадии первых тревожных сигналов среды, поэтому катастрофы удается избежать. Если восприятие человека или организации является косным, застылым, то обучения не происходит, несоответствия между представлениями и средой накапливаются, а когда они достигают критической степени, собственно, и происходит катастрофа [2]. Иными словами, информационная природа катастрофы проявляется в разрыве между представлениями и реальностью, замыслом и фактами, проектом и его результатами, а затем уже этот диссонанс порождает человеческие, временные, материальные потери для личности, организации или крупного сообщества.

Вместе с тем, несмотря на драматизм или даже трагизм переживания кризиса или катастрофы, они могут быть необходимы, если возможности упреждающего обучения индивида и организации уже упущены, а дальнейшее нарастание «пропасти» между их представлениями и реальностью приведет к еще более печальным последствиям. В ситуации, когда личность или организация могут мировоззренчески ассимилировать

самые драматические или трагические события в качестве мобилизующих вызовов, шансов своего обучения, если удается интерпретировать неудачу, поражение, потерю как стимул для роста, развития, последующей компенсации, живая система выходит с честью из проблемной ситуации, становится мудрее и сильнее. Если кризис или катастрофа происходит слишком поздно и в наиболее тяжелых для них формах, то человеку и организации гораздо сложнее перестроиться из-за инертности, упущенного времени, сужения «коридора» возможностей.

С позиций холистического, системного мышления и концепции непрерывного обучения неожиданную трактовку приобретает феномен социального зла. Если социальное зло исходит от какого-либо субъекта, это является показателем его «необученности», а если социальное зло затрагивает человека или организацию, это парадоксальным образом говорит об их недостаточной обученности и является потенциальным стимулирующим раздражителем для обучения и преодоления напастей.

Ускорение темпов индивидуального и коллективного обучения связано с технократическим вектором развития человеческой цивилизации; стремление технократического сознания модернизировать внутреннюю и внешнюю среду посредством изолированного набора социальных и материальных технологий приводит к интенсификации обменов энергией, информацией, материальными ценностями между внутренней и внешней средой. В результате сокращается время и пространство между замыслом и последствиями попыток его реализации; если до бурного развития технологий люди и организации могли ошибаться, а последствия их ошибок могли сказываться уже на их продолжателях, то в технократическую эпоху за счет усиления интенсивности информационных и материальных обменов субъект уже вскоре сталкивается с обратными связями, ограничительными либо поощрительными реакциями среды. В этой динамике именно обратные связи в виде информации, фактов, событий заставляют человека или организацию постоянно привносить коррективы в паттерны культуры, в противном случае снова углубляются предшествующие катастрофе противоречия между представлениями и реальностью.

Принципиальным остается вопрос о стратегических и тактических целях обучения индивидов и организаций. В рамках рассматриваемого подхода промежуточные и конечные цели этого процесса связаны с тем, что люди и сообщества постоянно «учатся» с большим или меньшим успехом ради поиска блага, приближения к своему оптимуму. Конечно, определить в полной мере оптимум, когда живые системы еще находятся

в процессе обучения, не представляется возможным, однако весьма условно могут быть обозначены некоторые общие признаки, сопутствующие такому приближению к оптимальному состоянию индивидуального или коллективного субъекта: во-первых оптимум не тождественен максимуму, это некое соотношение качественных и количественных показателей. Во-вторых, косвенным показателем нахождения в зоне относительно оптимума является соответствие представлений и реальности, проекта и результата. В-третьих, относительным индикатором благополучия может быть отсутствие в жизнедеятельности субъекта тяжелых кризисов и катастроф. В-четвертых, в случае догоняющего обучения движение к оптимуму может характеризоваться не только позитивными, но и болезненными эффектами, как, например, дискомфортным и неприятным может быть социальное «лечение» субъекта, но приятным является последующее «исцеление» [4].

Одним из самых любопытных аспектов обучения людей, организаций и культур является вопрос о способах репрезентации реальности и ее последствий для ориентирования живой системы в окружающей среде. Отталкиваясь от идей А. А. Ухтомского, А. Н. Леонтьева и В. В. Налимова, можно утверждать, что разновекторность и многовариантность обучения в определенной степени связаны с преобладанием в разных индивидуальных и коллективных сознаниях тех или иных доминант. Это означает, что в каждой живой системе складывается своеобразная конфигурация каналов забора чувственных данных (зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных, вкусовых). Затем эти данные подвергаются когнитивной переработке и в результате сортировки, классификации, типологизации, категоризации преобразуются в языковые представления [5; 6; 7].

Есть основания полагать, что в современной цивилизации превалирует визуальная и слуховая (речевая) система репрезентации реальности; благодаря этому люди опосредуют реальность в образах, идеях (с греч. *видах*). Последнее, в свою очередь, имеет как достоинства, так и недостатки: с одной стороны, «зрительное» восприятие формирует четко структурированную среду и побуждает к активным действиям; с другой стороны, зрительные коды обозначают то, что уже стало, присутствует, но остаются менее восприимчивыми к «невидимой» сфере возможного, вероятностного. К тому же, визуальные опосредования инерционны, так как возникший в прошлом, удачно репрезентирующий ситуацию образ затем механически проецируется на качественно новые условия и процессы, которым он часто уже не соответствует [8]. Цивилизационный акцент на развитии слуховой

(речевой) репрезентации способствует не только передаче ценной информации, но и рассудочному кодированию восприятия, превращая восприятие в косное и застылое [9]. С этими факторами в значительной степени связана проблема ограниченной креативности современной культуры.

Вместе с тем в целом ряде «незападных» культур и в качестве маргинальных течений внутри западного сознания сложились радикально альтернативные доминанты восприятия, в которых большее внимание уделяется переработке и категоризации невизуальных данных. Порождаемые этими культурами паттерны не характеризуются четкой определенностью, зато отличаются динамичностью, интуитивностью, чувствительностью к возможным, вероятностным сценариям. Представляется, что в будущем коллективное обучение неминуемо придет к необходимости сложного сочетания или поочередного применения рассудочных (западных) и интуитивных (восточных) способов репрезентации реальности, что позволит индивидуальным и коллективным субъектам соединить

организованность и гибкость, жизнеспособность и восприимчивость.

Библиографический список

1. *Нардонэ, Дж.* Искусство быстрых изменений. Краткосрочная стратегическая терапия [Текст] / Дж. Нардонэ, П. Вацлавик. – М., 2006.
2. *Бейтсон, Г.* Разум и природа: Неизбежное единство [Текст] / Г. Бейтсон. – М., 2007.
3. *Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М., 2009.
4. *Платон* Горгий [Текст] // Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 1. – М., 1993.
5. *Ухтомский, А. А.* Доминанта [Текст] / А. А. Ухтомский. – СПб., 2002.
6. *Леонтьев, А. Н.* Образ мира [Текст] / А. Н. Леонтьев // Избр. психолог. произведения – М., 1983.
7. *Верильо, П.* Машина зрения [Текст] / П. Верильо. – М., 2004.
8. *Деррида, Ж.* О грамматики [Текст] / Ж. Деррида. – М., 2000.
9. *Налимов, В. В.* Спонтанность сознания [Текст] / В. В. Налимов. – М., 2007.

УДК 316.334.4

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ УБИЙСТВО

В. В. Крутова, Е. С. Алтунина

Разделение преступности на основе гендерного подхода имеет смысл, так как количественное и качественное содержание женской преступности имеет свои особенности и отличия от преступности мужчин. Проведенное исследование показало, что существуют различия между мужчинами и женщинами, совершившими убийство в индивидуально-психологических особенностях, их образе жизни, а также мотивах совершения преступления.

Ключевые слова: личность преступника, мотив преступления, социальная ситуация.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MEN AND THE WOMEN WHO HAVE MADE MURDER

V. V. Krutova, E. S. Altunina

Division of criminality on the basis of the gender approach makes sense, as the quantitative and qualitative maintenance of female criminality has the features and differences from criminality of men. The conducted research has shown that there are distinctions between men and the women who have made murder in individually-psychological features, their way of life, and also motives of commission of crime.

Key words: offender, the motive for the crime, the social situation.

Личность преступника, совершившего убийство, относится к числу ведущих и вместе с тем наиболее сложных проблем ряда наук, которая в своей многогранности практически не имеет пределов исследования. В настоящее время проблема личности преступника приобретает особую актуальность и значимость в связи с тем, что в последние годы наблюдается количественный рост лиц, совершивших преступления, которые

все чаще носят агрессивный оттенок, то есть несут в себе отпечаток жестокости, озлобленности и особой дерзости, а это непосредственно связано с личностными качествами. Исследование личности преступника для практики необходимо в целях разработки возможных путей, форм, способов, методов воздействия на этих людей.

Личность преступника можно охарактеризовать как совокупность социально значимых осо-

бенностей, признаков, связей и отношений, которые характеризуют человека, виновного в нарушении уголовного закона, в соединении с другими (неличностными) условиями и обстоятельствами, которые влияют на ее преступное поведение. На сегодняшний день имеются типологии личности преступников, в основе которых лежат доминирующие позиции человека, его побуждения, мотивы, цели, позволяющие классифицировать их на отдельные подгруппы. Первое место в системе преступлений против личности занимают криминальные деяния против здоровья и жизни – убийства, характеризующиеся как виновные противоправные умышленные посягательства на жизнь другого человека, имеющие насильственный характер и непосредственно приведенные в исполнения.

Рассмотрены индивидуально-психологические особенности лиц, совершающих криминальные деяния против здоровья и жизни. Среди убийц имеется значительное число лиц, которые обладают однородными психологическими чертами, такими, как импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность к межличностным взаимодействиям, отчужденность, плохая социальная приспособляемость. Кроме того, важное место в системе совершения преступления

занимают не только особенности личности преступника, но и социальная ситуация, в которой произошло преступление. Выделено, что в ряде случаев она в процессе длительного специфического социального взаимодействия накладывает относительно стойкий отпечаток на личность и порождает не отдельные преступные акты, а устойчивую противоправную ориентацию, которая проявляется в комплексе правонарушений. Такая личность способна совершать преступления даже при меняющихся условиях, если не изменилась она сама, приспособлявая при необходимости для себя среду и преодолевая возникающие препятствия.

Разделение преступности на основе гендерного подхода имеет смысл, так как количественное и качественное содержание женской преступности имеет свои особенности и отличия от преступности мужчин.

Нами было проведено исследование, направленное на изучение личности лиц, совершивших убийство. Исследование показало, что существуют различия между мужчинами и женщинами, совершившими преступление в индивидуально-психологических особенностях, их образе жизни, а также мотивах совершения преступления (табл. 1).

Таблица 1

Различия в социально-демографических особенностях, в %

Испытуемые	Количество человек	Возраст	Воспитание		Образование				Семейное положение			Род занятий	
			Полная семья	Неполная семья	Неполное среднее	Полное среднее	Среднее специальное	Высшее	Замужем Женат	Незамужем Холост	Вдова Вдовец	Работа/учеба	Безработный
Общее кол-во	70	18–68	67,2	32,8	31,4	18,5	38,5	11,6	40	58,5	1,5	72,5	27,5
Женщины	13	18–68	20,5	22,5	14,4	7,4	23,1	9,3	21,7	26,5	1,5	37,5	12,5
Мужчины	57	18–58	46,7	10,3	17	11,1	15,4	5,3	18,3	32	0	35	15

Большинство мужчин, обвиняемых в совершении убийства, воспитывались в полных семьях,

имеют неполное среднее образование, не состояли в браке, преобладающим мотивом совершения

убийства являлась агрессия. В отличие от них большинство женщин, обвиняемых в совершении преступления, воспитывались в неполных семьях, имеют среднее специальное образование, преобладающим мотивом совершения убийства являлся аффект. Незамужних женщин оказалось больше, чем холостых мужчин. Уровень обра-

зования в женской группе оказался выше, чем в мужской.

Нами были выделены факторы, влияющие на отношения испытуемого с окружающей средой. Все факторы были разделили на две группы: благоприятные и неблагоприятные. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные факторы, влияющие на отношения с окружающей средой, в %

Неблагоприятные факторы	Общее кол-во испытуемых	Мужчины	Женщины	Благоприятные факторы	Общее кол-во испытуемых	Мужчины	Женщины
Развод родителей	19,6	12,5	7,1	Занятие спортом	3,6	3,6	0
Отсутствие теплых эмоциональных отношений и заботы в семье	16	8,9	7,1	Рождение и воспитание детей	66,3	30,6	35,7
Аморальное поведение родителей: пьянство, совершение преступлений	20,8	12,5	8,3	Благоприятная атмосфера в семье	8,9	8,9	0
Конфликты в учебных заведениях (с учителями, друзьями)	5,6	5,6	0	Наличие друзей	57	42,8	14,2
Болезни	7,1	7,1	0				
Несчастье в семье	10,7	10,7	0				

Из таблицы видно, что количество неблагоприятных факторов оказалось больше, чем благоприятных.

19,6 % испытуемых пережили в детском возрасте развод родителей. Показатели в женской группе по данному фактору составляют 7,14 %, в мужской – 12,5 %.

20,8 % испытуемых (12,5 % мужчин и 8,3 % женщин) воспитывались в семьях, в которых родители демонстрировали пренебрежение к нравственным и правовым запретам, образцам противоправного поведения (постоянно пьянствуют, совершают преступные деяния).

16 % испытуемых (8,9 % мужчин и 7,1 % женщин) указали на отсутствие теплых эмоциональных отношений и заботы в семье. В то же время 8,9 % мужчин отметили наличие благоприятной атмосферы в семье. Можно предположить, что благоприятная атмосфера в семье – прочные, теплые эмоциональные контакты, уважительные отношения к детям – способствуют формированию у них таких качеств, как доброжелательность, внимательность, способность к сопереживанию, самостоятельность, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации. Напротив, недостаток тепла, ласки, заботы между членами семьи нередко вызывают эмоциональ-

ный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность личности. Следствием этого может быть совершение аморальных и противоправных проступков.

10,7 % испытуемых пережили несчастье в семье (смерть отца, матери, сестер или братьев). Среди женщин данный фактор не обнаружен. 7,1 % испытуемых в детском возрасте подвергались болезням, которые влияли на их взаимоотношения в школе, с друзьями, в результате чего им приходилось выслушивать оскорбления со стороны окружающих, бросать посещение учебных заведений, терять друзей. Среди женщин данный фактор не выявлен. 66,3 % испытуемых (30,6 % мужчин и 35,7 % женщин) имеют и воспитывают детей. Среди данных респондентов многие воспитывают двух и более детей. 57 % респондентов (42,8 % мужчин и 14,2 % женщин) указали, что имеют много друзей. Показатели благоприятных и неблагоприятных факторов в мужской группе оказались выше, чем в женской группе.

Из результатов таблицы мы можем предположить, что такие неблагоприятные факторы, как развод родителей, отсутствие теплых эмоциональных отношений и заботы в семье, аморальное поведение родителей, конфликты в учебных заведениях, отсутствие друзей, болезни, несчастье

в семье могли способствовать порождению совершения убийства. Во-первых, они создавали неблагоприятные условия для формирования личности в семье, школе, иных учебных, а также трудовых коллективах, неформальном общении;

во-вторых, они образовывали внешние условия, которые могли способствовать совершению убийства в дальнейшем.

У испытуемых было выявлено наличие судимости до совершения убийства (табл. 3).

Таблица 3

Показатели судимости до совершения преступления, в %

Причина судимости	Количество испытуемых	Мужчины	женщины
Кража	5,7	5,7	0
Хулиганство	1,4	1,4	0
Убийство по неосторожности (в результате драки)	2,8	2,8	0

Из табл. 3 видно, что среди испытуемых, обвиняемых в совершении убийства, есть люди, имеющие уже судимость. Среди причин судимости до совершения очередного преступления были кража (5,7 %), хулиганство (1,4 %) и убийство по неосторожности (2,8 %).

Сравнивая полученные результаты мужчин и женщин, мы видим, что среди лиц женского пола наличие ранней судимости не обнаружено.

Анализируя данные, полученные в женской группе, выделим, что большинство убийств было совершено по мотиву – аффект (10,8 %). В мужской группе данный мотив имеют 17,6 % испытуемых.

В мужской группе преобладающим мотивом совершения убийства является агрессивная самореализация, идеи национальной вражды и ненависти (27,5 %). Женщин, совершивших убийства по данному мотиву, выявлено 2,9 %.

Среди женской группы мотивы – самоутверждение, неприязнь, совершение убийства по неосторожности, убийство по найму не выявлены.

Исследование индивидуально-психологических особенностей лиц, совершивших убийство, показало, что для мужчин выраженными являются экзальтированный, циклотимный и демонстративный типы акцентуаций личности. В отличие от них для женщин, обвиняемых в совершении убийства, среди акцентуированных типов личности характерны гипертимный, застревающий, эмотивный и возбудимый.

Мужчины более склонны к непостоянству, уклоняются от выполнения своих обязанностей, игнорируют общепризнанные правила, не прилагают усилий к соблюдению общественных требований и культурных норм, пренебрежительно относятся к моральным ценностям, ради собственной выгоды способны на нечестность и ложь, в отличие от женщин. Мужчины более равнодушны к похвале и наказаниям. При снижении духовных интересов витальные влечения усилены. Их

отличает большая любовь к чувственным наслаждениям и удовольствиям. Тяга к наслаждениям и острым ощущениям сильнее всяких задержек и ограничений. Они стремятся к немедленному, безотлагательному удовлетворению своих желаний, не считаясь с обстоятельствами и желаниями окружающих. Такие лица всего боятся, избегают рискованных ситуаций, неожиданные события встречают с беспокойством, от любых перемен ждут только неприятностей. При необходимости принять решение либо чрезмерно колеблются, либо подолгу оттягивают и не приступают к его выполнению. В отличие от них женщины смелы, решительны, склонны к риску, способны не теряться при столкновении с незнакомыми вещами и обстоятельствами. Решения принимают быстро и незамедлительно приступают к их осуществлению, не умеют терпеливо ждать, не переносят оттяжек и колебаний, двойственности. В коллективе держатся свободно, независимо, даже несколько нагло, позволяют себе вольности, любят во все вмешиваться, быть всегда на виду.

Мужчины в отличие от женщин в общении более застенчивы, скованны. Широкому общению предпочитают узкий круг старых, проверенных друзей. Для мужчин, обвиняемых в совершении преступления, характерны: чувство вины, потребность в независимости и стремление к ней, ощущение утраты личностной позиции, враждебность, отчужденность, торможение, регрессия, напряжение и тревожность. Преобладает потребность в физической силе, ловкости, храбрости как в компенсации. Наблюдается наличие неудовлетворенных, остро осознаваемых потребностей. Преобладает стремление к самоутверждению, чрезмерная озабоченность мнением окружающих о себе, трудности в установлении социальных контактов. В отличие от них для женщин, обвиняемых в совершении преступления, характерны: ощущение утраты личностной позиции, вытесненная агрессия, скованность, зависимость, лич-

ностная неуверенность, эмоциональная и поведенческая неустойчивость, импульсивность, негативизм, готовность к контактам. Наблюдается изоляция и стремление укрепить свое «Я» против беспоконного мира. Наблюдается поиск надежного положения в своем кругу, готовность к контактам.

У мужчин преобладает тенденция к агрессивному поведению и завышенный уровень самооценки. Для женщин характерен «адекватный» уровень самооценки, а также преобладает стремление не воспринимать реальные связи и отношения, подменять их мечтами.

Библиографический список

1. Дулов, А. В. Судебная психология [Текст] / А. В. Дулов. – Минск : Юристъ, 1995. – 773 с.
2. Закалюк, А. П. Факторы, обуславливающие особую жестокость [Текст] / А. П. Закалюк. – СПб.: Питер, 2002. – 865 с.
3. Игошев, К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения [Текст] / К. Е. Игошев. – Горький: Юристъ, 1994. – 712 с.
4. Шиханцов, Г. Г. Психологические особенности (черты) личности преступника [Текст] / Г. Г. Шиханцов. – М.: Юрист, 1998. – 592 с.

УДК 172.1

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И МЕХАНИЗМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

А. Ю. Клейтман, А. Л. Клейтман

В статье исследуется, как на современном этапе развития культуры историческая память определяет формирование идентичности отдельных индивидуумов и социальных групп.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, память исследований, идентичность.

**HISTORICAL MEMORY AND THE MECHANISMS
OF SOCIO-CULTURAL SUCCESSION**

A. Y. Kleytman, A. L. Kleytman

The authors investigate how historical memory determines formation of identity of the individuals and the social groups in the modern culture.

Keywords: historical memory, cultural memory, memory-studies, identity.

Специфической особенностью современного этапа культурного развития является непрерывное усложнение и ускорение социокультурной динамики, а также трансформация традиционных механизмов исторической преемственности и воспроизводства культурного целого. Ускорение хода истории, постоянное сгущение плотности культурных инноваций меняют способ восприятия времени в рамках современной культуры и одновременно с этим ставят под сомнение традиционный механизм обретения субъективной самотождественности личности. Процесс ускоряющейся культурной динамики с необходимостью сопровождается глобальной трансформацией привычных структур жизненного мира, становящихся все более неконгруэнтными по отношению к субъекту. Одновременно с увеличением технических возможностей для аккумуляции предыдущего опыта и увеличением скорости устаревания настоящего возрастает и необходимость селекции достойных архивации элементов прошлого, их

структурирования и иерархизации. В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о причинах отбора и сохранения в культуре определенных ценностей, представлений и норм и забвения других.

Проблематике механизмов культурной коммеморации в последние десятилетия уделяется все большее внимание как в отечественном философско-гуманитарном познании, так и в рамках зарубежных «memory-studies». Представляется справедливым утверждение, согласно которому тема памяти (социальной, исторической, памяти социальных групп и институтов и др.) и различных мнемонических модусов в конце XX в. заняла место, принадлежавшее в XIX в. теме человеческой души. На наш взгляд, проблема соотношения исторической памяти и механизмов социокультурной преемственности и динамики приобретает особую актуальность именно в переходные, кризисные эпохи, сопровождающиеся существенной трансформацией пред-

ставлений о человеке, его прошлом, настоящем и будущем.

А. И. Макаров связывает возрастающую актуальность проблематики надындивидуальной памяти с поиском ориентации субъекта в условиях рушащихся символических универсумов. «Образы социальной памяти более устойчивы во времени, чем образы индивидуальной памяти. Поэтому коллективный характер воспоминания выступает эквивалентом всеобщности образа и опыта, объективности знания... Историческое событие – это такое воспоминание, которое способно внести смысл в наличную действительность для членов коллектива» [3. С. 7].

В отличие от актуальной бесконечности социальной памяти, пространство памяти культуры ограничено. Именно поэтому пополнение исторической памяти, запоминание нового возможно лишь на основе забвения старого, освобождения ресурсов. В рамках культурной памяти как сложной органической и в то же время системной целостности важное значение имеют не только отдельные ее элементы, т. е. разделяемые культурным сообществом воспоминания, но и многочисленные связи между ними. Если в классической культуре обновление памяти происходило постепенно и новые элементы, приходящие на смену «устаревшим», неактуальным, успевали «врасти», вписаться в ее структуру, не разрушая общего облика «мнемонического ландшафта», единства памяти культуры, то в эпоху многократного ускорения хода истории (и соответственно памяти), интервал между «запоминаниями» постоянно сокращается в силу моментального устаревания настоящего, превращающегося в прошедшее. В результате этого процесса происходит изменение культурного метаболизма: процесс воспроизводства памяти трансформируется и традиционная память как «экран», в терминологии А. Моля, приобретает характер «мозаики», «войлока». Мозаика отличается от системы тем, что не имеет единой структуры, объединяющей элементы в системную целостность. Мозаичная культура, по словам А. Моля, складывается из «разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или по ассоциации идей... Она состоит из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни единого общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью» [4. С. 45].

Целью и наивысшей ценностью в этих условиях становится тотальная архивация, стремление

«вспомнить все», запоминание без отбора, а также негация забвения. Память разрастается и поглощает все вокруг себя. Так как все запомнить невозможно, запоминанию подвергаются только формы, имена, ярлыки. Память сближается с идеологией и приобретает искусственный, сконструированный, манипулятивный характер. В такой культуре важна не преданность конкретным ценностям и идеалам прошлого, воспроизводимым в настоящем и продуцируемым в будущем, а умение «пользоваться» памятью, жонглировать именами, переструктурировать воспоминания, растворяться в отсутствии логики и последовательности – содержание памяти культуры и соответственно индивида, перестает структурироваться по иерархии и ценностно-смысловой нагруженности на более или менее значимое, а начинает выстраиваться в случайном порядке, по ассоциативному принципу, по алфавиту, личным предпочтениям, условиям запоминания, по внешнему сходству и т. п.

Ускорение темпа исторических изменений влечет за собой фрагментацию целостного восприятия времени и увеличивает значимость случайностей и единичных явлений. «С одной стороны, невероятное ускорение истории погружает все и вся – и все скорее и скорее – в область окончательно минувшего. Это ускорение заражает лихорадкой сохранения следов и остатков, оно порождает сомнение перед лицом разрушения, навязчивое желание накопления, которым питается гипертрофия институций памяти: архивов, музеев, библиотек, коллекций, цифровых массивов акций, банковских данных, хронологий и репертуаров, всего того, в чем не следует более видеть отходы нашей цивилизации и свалку истории, но, напротив, зеркало нашей идентичности и хранилище правды о нас, ждущей расшифровки» [9. Р. 119].

По мысли французского антрополога Р. Бастиды, человек как субъект памяти обращается к прошлому по принципу «сетей комплементарности» (complementarity networks): любая социальная группа организуется и поддерживается на основе отношений обмена – информацией, ценностями, воспоминаниями [10]. Индивидуальный вклад каждого члена группы неодинаков и занимает определенное положение в структуре социума. Включенность индивидуальных воспоминаний в общий контекст памяти группы (в самом широком смысле) придает им осмысленность и форму, так же как использование языка в качестве интерсубъективной системы знаков позволяет зафиксировать континуальность и хаотичность процесса внеязыкового восприятия окружающего

мира. По словам М. Хальбвакса, «люди совместно мыслят посредством речи», «прежде чем вызвать в памяти воспоминания, мы их проговариваем; реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций» [6. С. 87, 326]. Различные конвенциональные системы по отношению к субъекту выполняют роль априорных форм, предзаданных и абсолютных, но при этом они также видоизменяются и трансформируются в соответствии с потребностями группы. Поскольку же индивидуальные воспоминания строятся в зависимости от этих конвенций, они и «перезаписываются вместе с эволюцией коллективной памяти» [Там же. С. 325]. Следовательно, любая форма коллективной истории – это «некая согласованная и постоянно обновляемая версия прошлого. Содержанием памяти являются не события прошлого, а их конвенциональные и упрощенные образы: они конвенциональны, потому что образ должен иметь смысл для всей группы, а упрощены, потому что для того, чтобы иметь общий смысл и возможность передачи, сложность образа должна быть сведена к возможному минимуму» [5. С. 34–35].

Представляется продуктивным метафорическое соотнесение индивидуальной и культурной памяти по принципу «голограммы»: каждый осколок голографической пластины содержит цельный образ общей картины с теми или иными вариациями и отклонениями. При этом культурная память не является механическим соединением всех индивидуальных памятей, их общим знаменателем, а складывается параллельно с ними в качестве условия формирования «коннективной структуры» (Ассман) внутри культурной общности, целостности социума.

В результате социальной коммуникации происходит органичное переплетение памятей отдельных индивидов и социальных групп в единый культурный контекст. Индивидуальные памяти взаимодополняют друг друга, будучи основанными на схожих представлениях об общем прошлом. В процессе инкультурации (в ходе образования, заучивания системы исторических фактов, последовательности событий прошлого, «рамки» коллективной памяти) происходит процесс интериоризации, индивидуального «вхождения в память», задается матрица для формирования персональной идентичности. Таким образом, важнейшим условием стабильности культурного целого является гармония в соотношении между различными уровнями и модусами памяти культуры (индивидуальной, групповой, коллективной).

Коллективная память предоставляет индивидуальной общую схему, форму, легитимирующую отдельные автобиографические воспоминания. Круг памяти – коллективная и индивидуальная памяти невозможны друг без друга, только в их взаимопроникновении можно найти источник для подлинного самопознания и осмысления прошлого и настоящего. По отдельности эти виды памяти выглядят как содержание без структуры и структура без содержания: «Коллективные воспоминания накладываются на воспоминания индивидуальные, обеспечивая нам гораздо более удобный и надежный контроль над последними; но для этого необходимо, чтобы уже существовали личные воспоминания. Иначе наша память действовала бы впустую» [7. С. 12]. С течением жизни человек как бы последовательно меняет, примеряет к себе различные структуры, рамки видения мира и вписывает в них свои индивидуальные воспоминания, заново решая для себя вопрос о собственной актуальной идентичности.

Прогресс цивилизации, влекущий за собой постоянный рост количества устаревшего, сданного в архив, одновременно является причиной нарастания музеефикации современной культуры, когда она сама становится музеем, превращаясь в «кладбище культурных архивов» (Б. Гройс). Память культуры в этих условиях вырождается, поглощает все вокруг себя, превращаясь в процесс хаотического и тотального архивирования. Культура тонет в памяти, сохранение, судорожное удержание настоящего становится основной ценностью и целью культурного развития. По мере «исчезновения» настоящего, все быстрее становящегося не пережитым, не осмысленным прошлым, возрастает роль памяти, сопровождающей процесс отчуждения истории от человека, не способного более влиять на события настоящего и будущего, принимать в них участие. По словам М. Ямпольского, современный человек «стоит на обочине истории, не зная, как в нее вступить, ведь она всегда являет ему себя как уже минувшее, как прошлое. В этой ситуации память оказывается единственной возможностью «подключения» прошлого к настоящему, единственным инструментом актуализации истории. Но действует она в этой актуализации как принципиально антиисторическая сила... речь идет о превращении живого настоящего в пробудитель воспоминания о прошлом. Речь идет о ностальгии, пронизывающей современность» [8. С. 211].

По мнению ряда исследователей, свойственный современной массовой культуре интерес к прошлому является одним из факторов нисхо-

дящей коллективной идентификации: «Массовое обращение к искусственному прошлому не проходит даром. Дело не в самом усилении традиционализма, а в том, что он представляет собой одну из версий общественной примитивизации, понижающей структуры идентичности» [1. С. 9]. Иллюзия сохранения преемственности, коллекционирование имен, расцвет ложных воспоминаний, – обожествленное прошлое превращается в собрание исторических анекдотов и курьезов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что такая обращенность в прошлое сопровождается практически полным отсутствием к нему интереса, утратой осознания его осмысленности и ценности.

По мере устаревания прошлого, стремительно теряющего свою ценность, к нему все больше возрастает интерес. Этот интерес вызван именно процессом постепенного исчезновения прошлого, уже перешедшего за грань небытия. Именно неуловимый флер потусторонности, дыхание смерти привлекают внимание современников к паровым двигателям, соломенным крышам, транзисторам и глиняным горшкам. Приближающаяся неизбежность распада и придает очарование уходящему. Коллекционирование грампластинок отнюдь не означает отказа от лазерных дисков, восстановление ретро-автомобилей ограничивается, как правило, внешними характеристиками, вполне сочетаясь с современными представлениями о скорости и комфорте передвижения. Утраченное компенсируется интересом к его истории. «Когда вещи перестают быть полезными, ими восхищаются только потому, что они старые. Их сохранение придает вещам своеобразную генеалогию, помещает их в определенный темпоральный контекст, компенсирует им ту долговременность, которой мы их лишили, избавившись от них так быстро» [2. С. 600].

По словам Д. Лоуэнталь, превращение прошлого в «чужую страну» делает невозможным его воплощение в творческих актах и усилия сосредотачиваются на консервации его фрагментов: «Чем менее целостна роль прошлого в нашей жизни, тем более настоятельна потребность в сохранении его реликтов... они уже не принадлежат действительному миру, не стимулируют вдохновение художников и архитекторов на новое творчество. Они уже не составляют части живого прошлого, но больше мы ценим его следы или же пытаемся приспособить их для нынешних целей. А поскольку существовавшие ранее способы реакции на прошлое для нас теперь закрыты, поскольку большая часть сохранившегося прошлого принадлежит

чужой для нас стране, именно сохранение стало основным – часто единственным – способом обращения к нашему наследию» [2. С. 579].

Свойственная культуре постмодерна ценностная рядоположенность «всего со всем», одновременность всего, в сочетании с массовым пассажем и «ностальгической революцией» вызывают к жизни ситуацию «затопления» эклектичным нагромождением обломков прошлого. По словам Лорена Эйсли, «кажется, будто мы живем посреди бессмысленной мозаики фрагментов. От черепов обезьян до храмов майя, мы созерцаем разнообразные обломки времени, подобно осматривающим достопримечательности туристам, которым все эти величественные фрагменты, разрушенные ворота и затонувшие галереи не говорят ровным счетом ничего» [11. Р. 6]. На наш взгляд, именно «туристическое» отношение к прошлому является наиболее точной характеристикой описываемой культурной ситуации. Равнодушная всеядность, произвольно отбирающая одни элементы исторического прошлого и отбрасывающая другие, ведет к превращению истории в «зрелище» и утраты подлинного интереса к прошлому.

Искусственно продуцируемая мультимедийность и коммуникативная интерактивность технологически ориентированной цивилизации способствует превращению процесса поиска источника культурной легитимации настоящего, персональной и общекультурной самоидентичности в бессмысленную погоню за призраками прошлого. Невозможность культуры эпохи «пост» укорениться в настоящем вынуждает ее к постоянному и превращенному в самоцель укоренению во все более удаляющемся прошлом. Переосмысление природы исторической памяти, понимание ее роли в процессе формирования культурной преемственности способно, на наш взгляд, стать основой подлинного понимания экзистенциальной природы и темпоральности человеческого бытия.

Библиографический список

1. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. [Текст] / Л. Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
2. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна [Текст] / Д. Лоуэнталь. – СПб.: Владимир Даль, 2004.
3. Макаров, А. И. Социальная память и проблема реальности [Текст] / А. И. Макаров // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». – 2009. – № 3(37).
4. Моль, А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль. – М., 1973.

5. *Репина, Л. П.* Память и историописание [Текст] / Л. П. Репина // История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени; под ред. Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006.

6. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти [Текст] / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007.

7. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память [Текст] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2–3.

8. *Ямпольский, М.* Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти [Текст] / М. Ямпольский // НЛО. – 2007. – №3.

9. *Anderson, P.* La Pensée tiède, suivi de La Pensée réchauffée, réponse de Pierre Nora [Text] / P. Anderson. – Paris: Le Seuil, 2005.

10. *Bastide, R.* Applied anthropology [Text] / R. Bastide. – London, 1971.

11. The Imagined Past. History and Nostalgia [Text] / ed. by C. Shawand, M. Chase. – Manchester; New York, 1989.

УДК 930.1

МОДЕРНИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

А. Ф. Поломошнов, П. А. Поломошнов

В статье рассматривается проблема отражения процессов модернизации в контексте философско-исторических концепций. Исследуются альтернативные интерпретации модернизации европейской цивилизации и дается авторская версия смысла и основных стадий модернизации.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, философско-исторический смысл, западная цивилизация.

MODERNIZATION IN VIEW OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY

A. F. Polomoshnov, P. A. Polomoshnov

The article touches upon the problem of reflection of the modernization process in the context of philosophical and historical concepts. Alternative interpretations of the modernization of European civilization are investigated. The author gives his personal version of the meaning and the main stages of modernization.

Keywords: modernization, industrialization, philosophical and historical significance, the western civilization.

В качестве самосознания общества философия истории изменяет его, воздействует на его развитие. Будучи продуктом существующего общества, философия выступает против него и преобразует его. В результате мир становится философским. При этом сама философия преодолевает свою абстрактность и становится мирской. Причем, воплощаясь в социальной реальности, она исправляет свои теоретические ошибки. «В то время как философия в качестве воли выступает против мира явлений, система низводится до абстрактной целостности, т. е. она становится одной стороной мира, которой противостоит другая его сторона. Отношение философской системы к миру есть отношение рефлексии. Одушевленная стремлением осуществить себя, она вступает в напряженное отношение к остальному. Внутренняя самодовлетворенность и замкнутость нарушены. То, что было внутренним светом, превращается в пожирающее пламя, обращенное наружу. Таким образом, в результате получается, что в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской, что ее осуществление есть вместе с тем ее потеря, что то, против чего она борется, и есть ее собственный внутренний

недостаток, что именно в борьбе она сама впадает в те ошибки, против которых она борется, и что, лишь впадая в эти ошибки, она уничтожает их. То, что выступает против нее и против чего она борется, является всегда тем же, что и она сама, только с обратным знаком» [5. С. 77–78].

Естественно, что сложность социальных процессов и неоднородность социальной структуры ведут к плюрализму философского сознания, конкуренции альтернативных социальных идеалов и философских моделей отношения к действительности. Таким образом, философское видение происходящих в развитии общества процессов зависит от объективного и субъективного позиционирования мыслителя по отношению к обществу, как объекту философского осмысления. Под объективным позиционированием мы имеем в виду принадлежность философа к конкретной социально-исторической, культурной среде. Под субъективным позиционированием мы имеем в виду осознание философом своей социально-культурной исторической идентичности или принадлежности, сознательное определение отношения к наличной социально-культурной среде.

Конкуренция философских парадигм социальной реконструкции существующего общества как процесс, является, во-первых, поиском, путем к конкретно-исторической, всемирной истине и к высшей последней истине всемирной истории. Во-вторых, именно эта конкуренция является идейным базисом практического исторического движения человечества, поскольку человечество действует целесообразно и сознательно, творчески преобразует не только природный мир, но и социальную систему.

Каков же смысл модернизации в свете философии истории? Смысл модернизации естественно по-разному интерпретируется в контексте альтернативных философско-исторических парадигм и в различной временной перспективе. Если говорить о мыслителях XIX – начала XX вв., то нам кажется достаточно репрезентативной альтернатива концепций модернизации К. Маркса и М. Вебера.

К. Маркс при анализе модернизации XIX в. сделал акцент на изменении способа производства. Для него смысл модернизации заключался в завершении перехода от феодального способа производства к капиталистическому, к установлению мирового господства капиталистического способа производства. Главными его чертами, по Марксу, являются, во-первых, динамизм, во-вторых неразрешимые внутренние социальные противоречия, предельно обнаженные и обостренные, доведенные до логического предела именно в этом способе производства.

Динамизм капиталистического способа производства имеет две стороны. Первая – постоянные научно-промышленные перевороты в развитии производительных сил. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» [4. С. 427].

Вторая сторона динамизма – движение капитализма по миру, превращение его в мировую экономическую систему. «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продукции гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду она должна внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи ... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации ... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называе-

мую цивилизацию, т. е. становится буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию» [4. С. 427–428]. Втягивая весь мир в орбиту своей деятельности, буржуазия создает всемирный рынок, т. е. единую мировую экономическую систему.

Основные противоречия, порождаемые капиталистическим способом производства – противоречия между двумя основными общественными классами: пролетариями и капиталистами. Во-вторых, это противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Динамизм капиталистического способа производства постоянно обостряет эти противоречия. Обе эти основные черты ведут капитализм к неизбежной гибели, к революции, к преобразованию общества. К. Маркс, иронизируя по поводу своей современности, пишет: «Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями» [4. С. 429].

XIX в. Маркс рассматривал, по крайней мере, как эпоху не только завершения мировой победы капиталистического способа производства, но и как эпоху впадения капитализма в непрерывный системный кризис и эпоху начала социалистического преобразования общества, эпоху начала социалистической революции. Естественно, что марксизм рассматривает переход от феодализма к капитализму как длительный процесс, начавшийся еще в эпоху Возрождения и окончательно завершившийся в Западной Европе в XIX в. Кроме того, марксизм, уделяя главное внимание модернизации способа производства, подчеркивая, что в ее основе лежит промышленная революция (пар и машины), отмечает и анализирует сложные взаимосвязи экономической модернизации с политической, юридической и идеологической модернизацией. Марксизм рассматривает капиталистическую модернизацию как целостный процесс смены одного типа экономической общественной формации другим.

М. Вебер при рассмотрении модернизации делает акцент на изменении типа хозяйственной и политической деятельности и, прежде всего сознания личности, как субъекта хозяйственной и политической деятельности. Он в своих трудах описывает различие традиционного и современного общества. Прежде всего, это различие в эко-

номическом поведении, обусловленном определенным типом экономического мышления. «Духу капитализма» как хозяйственной этике современного западного общества М. Вебер противопоставляет этику «традиционализма». В. П. Макаренко один из первых отечественных исследователей теории М. Вебера отмечает: «Дух капитализма – это система мотиваций индивида. В ее состав входят:

1. Позитивная моральная санкция накопления капитала и денег. Это накопление рассматривается не как средство удовлетворения других потребностей, а как цель сама по себе.

2. Аскетизм, который выражается не только в стремлении ограничить до предела расходы, но и в культивировании такого образа жизни, который воспитывает аскетическую личность.

3. Обязанность максимального проявления своих возможностей в избранной профессии. Эта обязанность объединяет капиталиста и рабочего.

4. Специфические добродетели (трудолюбие, верность слову, трезвость, исключение азартных игр и разврата, тщательность, честность), которые обуславливают доверие и кредит в хозяйственных отношениях индивидов» [3. С. 43]. Хозяйственная этика «традиционализма» основана на других ценностях: 1) человек хочет меньше работать и больше зарабатывать, в труде ищет максимальной выгоды для себя, но прилагает минимум усилий; 2) сознательное или бессознательное нежелание вводить новшества в процесс труда; 3) работа только ради заработка или выживания; 4) ориентация на различные нетрудовые способы получения дохода.

Из различия хозяйственной этики вытекает и различие экономического поведения индивидов в западном современном обществе и в традиционном обществе. В. П. Макаренко пишет: «Для традиционализма присущи: торговля валютой и ростовщичество; финансирование революций, войн, партийной борьбы и других политических предприятий в надежде на большие доходы в будущем; торговля с политическими организациями и государством; колониализм и фиск с опорой на власть, в результате чего государство получает доходы посредством принудительного труда, налогов и торговли.

Капитализм базируется на рациональном планировании и калькуляции и возникает тогда, когда люди стремятся к прибыли на основе постоянных операций на рынке обмена, который свободен и подчинен только правовым предписаниям; постоянной производственной деятель-

ности, базирующейся на учете капитала; финансовых операций» [3. С. 40–41]. Смысл «модернизации» экономического поведения М. Вебер видит в переходе от традиционного способа экономического действия к современному «рациональному».

Вебер анализирует также модернизацию политического поведения руководителей или типа господства, способа осуществления власти. Ее он также рассматривает как переход от традиционных нерациональных способов господства или управления к современным, рациональным.

К докапиталистическим нерациональным способам политического управления или господства Вебер относил «традиционное господство» и «харизматическое господство». Традиционное господство характеризуется абсолютной властью правителя, основанной на традиции. Причем в области, не урегулированной традицией, эта власть пользуется полной свободой, поэтому традиционное господство, по мнению М. Вебера, «... распадается на две сферы: связанную и подчиненную требованиям традиции и сферу свободного решения, милости и произвола» (Цит. по [3. С. 167]). Харизматическое господство связано с подчинением правителю не в силу формального права или традиции, а в силу присущих ему сверхъестественных, необыкновенных свойств (харизмы).

Рационализация господства или способа осуществления политической власти связана с переходом к «легальному» типу господства, при котором власть основана на юридическом законе, на основе убеждения граждан в правомочности законов и соответствующего послушания законам. Важным моментом легального господства является монополизация правительством или государством законодательной, исполнительной и судебной власти, создание государственного аппарата управления, который Вебер называет «бюрократией». Вебер рассматривает бюрократию как рациональный способ управления. В. П. Макаренко, характеризуя бюрократию, полагает, что «идеальный тип бюрократии включает следующие свойства: управленческая деятельность осуществляется постоянно; установлена сфера власти и компетенция каждого уровня и индивида в аппарате управления; иерархия образует основной принцип контроля за чиновником; последний отделен от собственности на средства управления, а должность отделена от индивида, выполняющего административные функции; управленческая деятельность становится особой профессией; существует система образования по

подготовке чиновников; управленческие функции документируются; в управлении господствует принцип безличности» [3. С. 212].

В основе как «экономической», так и «политической» модернизации у Вебера лежит первоначальная трансформация сознания личности, изменяющая характер ее экономического и политического действия или поведения. Общий смысл модернизации, по Веберу, состоит в переходе от традиционного «иррационального» типа поведения (экономического и политического действия) к современному рациональному типу. В. П. Макаренко считает, что «Вебер связывал рациональность прежде всего со свободой индивида, характерной для социальной и интеллектуальной атмосферы капитализма. Рационализация различных сфер культуры толковалась им как воплощение разума и свободы» [3. С. 119]. Правда, М. Вебер не идеализирует эту рациональность или этот западный капиталистический рациональный способ экономического и политического действия.

В современном западном рациональном способе экономического поведения М. Вебер выделяет два типа экономической рациональности экономического действия: формальную и субстанциональную рациональность. Формальная рациональность экономического действия выражается в погоне за прибылью ради прибыли, пренебрегающей интересами потребителей товаров и общества в целом. Субстанциональная рациональность экономического действия выражается в ориентации поведения предпринимателя на обеспечение товарами и услугами населения при соблюдении норм честного предпринимательства.

В политическом рациональном действии М. Вебер также различает формальную и материальную рациональность. Выражением иррационального момента внутри в целом рационального легального господства является, по Веберу, «материальная» рациональность, которая выражается в стремлении отдельных социальных групп или личностей использовать механизмы бюрократии и правового государства для реализации своих личных, корыстных целей и интересов. Формальная же политическая рациональность обеспечивает «нейтральность» и эффективное функционирование бюрократического механизма и четкое выполнение правовых норм и процедур.

В XX в., когда модернизация, как переход от традиционного к современному, научно-индустриальному обществу, в основном была завершена, когда обнажились противоречия нового, современного общества, когда выяснилось, что важнейшей чертой этого общества является не-

стабильность, перманентная модернизация, смысл модернизации был подвергнут переоценке и дальнейшему философскому анализу. Так, Шпенглер, Сорокин, Тойнби со своими теориями локальных цивилизаций, обреченных на гибель, в общем, не смотря на различия их концепций, оценили западную индустриальную цивилизацию как находящуюся на вершине или последней стадии органического развития, за которой, согласно их видению истории, неизбежно последует гибель.

Комплексный подход к анализу модернизации XIX в. и последующей модернизации XX в., попытка осуществить Э. Тоффлер, используя методологическую метафору столкновения волн: традиционного и индустриального типа цивилизаций. Эта метафора позволяет Тоффлеру увидеть глубинную суть цивилизационного перехода от традиционного общества к индустриальному, хотя и не способна всесторонне передать все содержание этого процесса.

Переход от традиционного общества к индустриальному Тоффлер анализирует путем сравнения их по целому ряду признаков: 1) техносфера; 2) социосфера; 3) инфосфера; 4) сфера власти; 5) культурный код, 6) суперидеология.

В качестве интегральной характеристики индустриальной цивилизации Тоффлер выделяет ее «культурный код». «У каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующих поведение миллионов» [6. С. 92–93]. Вот эти принципы: 1) стандартизация; 2) специализация; 3) синхронизация; 4) концентрация; 5) максимизация; 6) централизация. При характеристике этих универсальных принципов деятельности Тоффлер фактически описывает особенности организации экономической деятельности в условиях промышленного производства с высоким уровнем разделения труда, его специализацией и ориентацией на массовое производство и максимальную прибыль, т. е. экспансионистско-индустриальный способ ведения хозяйственной деятельности.

Вторым важным интегральным признаком индустриальной цивилизации, по Тоффлеру, является новая картина мира, новый тип сознания или менталитета, который он называет «**индуст-реальность**». «Индуст-реальность была сводчатой конфигурацией идей и представлений, с помощью которой дети индустриализма были обу-

чены понимать свой мир. Это была кипа предпосылок, используемых цивилизацией второй волны, ее учеными, деловыми людьми, государственными деятелями, философами и пропагандистами» [6. С. 174]. В основе менталитета индустриальности, по мнению Тоффлера, лежат три идеи, определяющие отношение человека индустриального общества к природе, к человеку и к обществу. «Эти три ключевых положения цивилизации Второй волны – война с природой, значение эволюции и принцип прогресса» [6. С. 180]. Война с природой выражает экспансионистско-потребительское отношение человека к природе, как к объекту покорения и эксплуатации в интересах человека. Значение эволюции состоит в принципе социал-дарвинизма, который распространяет на общество идею естественного отбора и борьбы народов за существование. Под идеей прогресса имеется в виду общее убеждение в том, что история идет от худшего к лучшему. В описании Тоффлера под менталитетом индустриальности мы видим своеобразную смесь идей агрессивного капитализма. Но выдавать его за общий менталитет эпохи индустриализма вряд ли корректно.

В структуру менталитета индустриальности Тоффлер включает еще четыре принципа, характеризующих понимание времени, пространства, причинности и материи. В целом все эти принципы выражают философию механического материализма и основанные на ней общие поведенческие установки. Это линейное пространство и время, и установка сознания на максимально точное их измерение, и максимально полное, интенсивное производственное использование. Это атомистический механистический материализм, проявляющийся в поведении людей в форме эгоистического социального индивидуализма или атомизма. Это, наконец, механический детерминизм с его установкой на сугубо технологические способы решения всех проблем.

Тоффлер не просто выделяет характерные признаки индустриальной цивилизации, но и анализирует внутренние противоречия и конфликты, характерные для индустриальной цивилизации. Он отмечает: «На одном уровне индустриальная революция создала замечательно интегрированную социальную систему со своими особыми технологиями, со своими собственными социальными институтами и своими собственными информационными каналами, причем все они хорошо подогнаны друг к другу. Однако на другом уровне она разрушила лежащее в ее основе единство общества, создавая стиль жизни, полный экономи-

ческой напряженности, социальных конфликтов и психологического нездоровья» [6. С. 78].

Причиной напряженности, конфликтов и даже психологического нездоровья личности является, по Тоффлеру, в индустриальном обществе отделение производства от потребления, переход к рыночной экономике. «...Индустриализм разрушил единство производства и потребления и отделил производителя от потребителя» [6. С. 82]. В результате рынок стал центральным элементом индустриальной экономической системы и привел к ряду противоречивых последствий. Во-первых, возникло главное противоречие индустриализма между производителем и потребителем. Во-вторых, возникла ориентация экономики на прибыль и безудержный рост. «Коммерческие ценности стали главными, экономический рост, определяемый размерами рынка, стал первоочередной целью всех правительств» [6. С. 83–84]. Произошла под влиянием рыночных отношений всеобщая дегуманизация социальных отношений и духовной культуры. Все стало предметом купли-продажи. Установка на безудержное и бесконечное личное обогащение и потребление стала доминирующей в индустриальном обществе. «Не только политика, но и культура тоже сформирована этим расщеплением, ибо она создала самую жадную, думающую только о деньгах, коммерциализированную и расчетливую цивилизацию ... Личные отношения, семейные связи, любовь, дружба, связь с соседями и земляками, – все пропиталось духом коммерческого своекорыстия» [6. С. 85]. Все стало предметом купли-продажи, все стало рассматриваться и оцениваться только с точки зрения рыночной, коммерческой стоимости. «В таком обществе, независимо от его политической структуры, покупаются и продаются, являются предметами торговли и обмена не только продукты труда, но и сам труд, идеи, искусство, а также и душа человека» [6. С. 86]. По этому поводу нельзя не заметить, что Тоффлер совершенно верно констатирует или описывает внешние феноменальные негативные проявления индустриального рыночного общества, но умалчивает или, точнее, подменяет истинную причину этих негативных проявлений: капиталистическую частную собственность и противоречие между общественным характером промышленного производства и частным способом присвоения.

Заканчивая рассмотрение анализа Тоффлером процесса капиталистической модернизации, мы должны заметить, что он совершенно правильно рассматривает модернизацию, во-первых, как процесс системных преобразований обще-

ства, во-вторых, как мировой процесс, а не трансформацию какой-то отдельной национально-государственной системы. Фактически он выделяет три модернизации. Первая – переход от первобытного общества к аграрной цивилизации. Вторая – переход от аграрной цивилизации к индустриальной. Третья – переход от индустриальной цивилизации к цивилизации постмодерна, «постиндустриальной». И каждая из этих модернизаций представляет собой столкновение, конфликт цивилизаций, движущийся по планете, как волна изменений. Модернизация XVII–XIX вв. рассматривается Тоффлером как столкновение Первой и Второй волны. Модернизация XX в., по Тоффлеру, – столкновение уже обществ Второй и Третьей волны.

В целом Тоффлер дает скорее внешнее, феноменальное описание, а не философский анализ исторического смысла модернизации, поскольку, намеренно или не намеренно, избегает оценки этого исторического явления с позиции определенных социально-политических идеалов и ценностей.

Пытаясь преодолеть в поисках смысла модернизации внешнюю описательность, мы должны выявить интегральные черты традиционного и современного общества. Они связаны с характеристикой доминирующего типа отношения человека к природе, доминирующего типа поведения и массового сознания, доминирующего типа социальных связей или отношений. Важны также интегральные характеристики международных отношений (лидерство определенного народа или типа цивилизации, отношения между народами), доминирующего типа отношения личности и общества (гуманистический смысл модернизации). Наконец, должна быть установлена базовая ценность или двигатель цивилизации и ее фундаментальная цель.

Не претендуя на истину в последней инстанции, мы постараемся указать основные интегральные характеристики индустриального общества по вышеуказанным критериям. При этом следует заметить, что выделяемые здесь интегральные признаки индустриального общества существенно меняются при переходе его в постиндустриальное.

Капиталистическая научно-индустриальная цивилизация демонстрирует экспансионистско-потребительское **отношение к природе**. Она рассматривает природу как неисчерпаемый источник ресурсов для производства и потребления. Причем ее технологии основаны на переработке природных, в основном невозобновимых, ресурсов

на основе технологий с очень низким КПД. В результате чего большая часть их превращается в промышленные и бытовые отходы, загрязняющие среду. Природа рассматривается как объект хищнической эксплуатации.

Доминирующий тип социальных связей индустриальной цивилизации – классовый антагонизм, эксплуатация и классовая борьба, порождаемые частной собственностью. А также частная капиталистическая собственность порождает социальный атомизм и эгоизм в отношениях между людьми и между личностью и обществом.

Отношения личности и общества в научно-индустриальной цивилизации характеризуются дегуманизацией, в основе которой лежит универсальное отчуждение личности. Базовой формой отчуждения является отчуждение производителя от средств производства, которое составляет основу капиталистического способа производства. Это базовое отчуждение затем порождает следующие его формы: отчуждение труда от самого трудящегося, отчуждение людей друг от друга, как экономических конкурентов (классовая борьба), политическое отчуждение (отделение населения от бюрократизированного политического механизма власти), духовное отчуждение (отделение трудящегося населения от духовного производства и духовных ценностей, идеология потребительства).

Интегральная черта научно-индустриальной цивилизации, характеризующая **международные отношения** – это мировая система империализма и капиталистической эксплуатации. Эта система основана на мировом капиталистическом рынке и внешнеполитической и экономической экспансии передовых стран с целью экономической эксплуатации отсталых стран, на разделении мира между ведущими индустриальными державами и конфликтах между ними по поводу политического раздела мира и экономического раздела мирового рынка.

Базовая ценность и ведущий фактор динамики индустриальной цивилизации, характеризующий менталитет и способ развития научно-индустриальной цивилизации – научно-технический прогресс, подчиненный интересам прибыли и потребления. Индустриальной цивилизации присуща своего рода научно-техническая зависимость или наркомания, со всеми последствиями и проявлениями этого заболевания.

Доминирующий тип поведения, культивируемый научно-индустриальной цивилизацией – стандартизация, потребительство и эгоизм.

Доминирующий тип сознания – технократическое, сциентистское, эгоистическое потребительское сознание.

Если суммировать все эти интегральные характеристики, то мы приходим к такой фундаментальной особенности современной цивилизации, как прогрессивная **нестабильность**. Научно-индустриальная цивилизация находится в постоянном и все ускоряющемся беге, и что парадоксально, в беге без определенной цели, в развитии во имя развития. Цивилизация, не имеющая идеалов, устремлена в никуда, а точнее к пропасти глобальной экологической и цивилизационной катастрофы. По этому поводу В. Н. Дубровин, А. Н. Ерыгин пишут: «...совершенно очевидно, что сама **сциентистская эпоха** истории – с ее индустриализацией и модернизацией, с решительным преобразованием всех сторон человеческой жизни, с ее глобализацией и информатизацией, уже почти ставших самостоятельными реальностями «постмодерного» мира – создала фактически новый цивилизационно-исторический способ существования и развития, существенно отличающийся от прежних вариантов. Главное: мы перешли из **стабильного** мира в мир **нестабильности**» [2. С. 5].

Для постижения смысла модернизации мы должны также рассмотреть ее этапы. В модернизации, понимаемой как глобальный переход человечества от традиционного к современному обществу, следует выделять как минимум четыре этапа. Первые три этапа можно рассматривать как подготовительные по отношению к главному, четвертому.

Первый этап – Возрождение (эпоха Возрождения). Здесь модернизация началась в сфере идеологической и выразилась в смене традиционного сознания – с его подчинением личности сословной коллективности и высшему авторитету бога новым, современным сознанием – с его приоритетом личности и свободы человеческой деятельности. Эмансипация личности привела к формированию новой принципиальной установки сознания и поведения – мы назовем ее антропоцентрической открытой установкой, в противовес прежней теоцентрической, закрытой. Освобожденный от подчинения внешним ограничениям, накладываемым религией и сословной моралью, человек стал центром вселенной, и мир стал полем его творческой деятельности. Конечно, сначала, эта установка сознания сформировалась в сознании лишь небольшой части просвещенного общества. Но постепенно она проникала в массовое сознание и изменяла поведение людей, и по-

литическое и экономическое. Эту стадию модернизации мы назовем идеологической или **психологической модернизацией**, поскольку она освободила сознание личности от традиционного типа мышления и традиционных установок поведения.

Второй этап модернизации связан с рождением в Новое время опытно-экспериментальной науки, и на ее основе сциентистского отношения к реальности, сциентистского типа сознания и поведения. Это сциентистское сознание ярче всего выразил Ф. Бэкон. Сциентистское сознание содержит две принципиальных поведенческих установки или принципа: 1) человек должен стать хозяином природы, приобрести власть над ней, преобразовать ее в своих интересах; 2) основное средство покорения природы – наука. Но наука не умозрительно-созерцательная, а опытно-прикладная, т. е. опирающаяся на опыт и эксперимент и ориентированная на технологические приложения. Ф. Бэкон утверждает, что «собственная и конечная цель истинной естественной философии – это власть над природными вещами, телами, лечебными средствами, машинами и бесконечным множеством других вещей» [1. С. 293]. Сциентистская установка сознания – ориентация на власть над природой. «Власть же человека над вещами заключается в одних лишь искусствах и науках» [1. С. 78]. Власть выражается в преобразовании природы. «Дело и цель человеческого могущества в том, чтобы производить и сообщать данному телу новую природу» [1. С. 80]. Главным орудием власти над природой является опыт, ориентированный на технологические, практические приложения науки. Ученый утверждает: «...пути к человеческому могуществу и знанию ближайшим образом переплетены один с другим и едва ли не одни и те же» [1. С. 81].

Сциентистское сознание, рассматривающее науку, как орудие преобразования мира в целях человека стала своеобразным продуктом и продолжением развития антропоцентрической установки сознания, сформировавшейся в эпоху Возрождения. Если мир – поле творческой деятельности человека, то наука – орудие такой деятельности. Мир существует для человека и человек должен использовать его в своих интересах. Важным моментом сциентистского сознания является технократическое, потребительское отношение к природе, и акцент делается на техническом преобразовании природы. На втором этапе модернизации изменения происходили в основном в узком кругу философов и ученых. Этот этап модернизации мы назовем поэтому **философской**

модернизацией. Но постепенно через практические приложения науки и через педагогическую систему сциентистско-технократическое сознание проникало в неширокие пока еще слои образованного населения.

Третий этап модернизации связан с эпохой Просвещения. Здесь произошла, во-первых, количественная экспансия нового сциентистско-технократического сознания, выступившего под знаменем «Разума», т. е. произошло внедрение этого сознания действительно в массовое сознание. Но главное изменение было связано с политической модернизацией – сменой политической формы традиционного общества – абсолютной монархии – многообразием политических систем. Поэтому этот этап модернизации лучше всего назвать **политической модернизацией**. Однако смена политической системы не стала завершением модернизации, ибо в экономическом плане европейское общество еще оставалось, по сути, в рамках традиционной аграрной экономики. Отсутствие промышленности, основанной на качественно новой энергетике паровых и электрических двигателей, оставляло в целом экономическую систему европейских стран, несмотря на развитие мануфактур, на применение станков и механизмов, на развитие мировой торговли, в рамках традиционной, аграрной экономики.

Таким образом, мы видим, что к XIX в. модернизации в сфере идеологической и политической совершились, изменили массовое сознание, или, по крайней мере, сознание просвещенной, образованной части общества, контролирующей процессы общественного развития. Мы видим, что родилась и интенсивно росла новая опытная наука и расширяла сферу сциентистско-технократического сознания. Дело оставалось за малым – подвести под эту модернизацию фундамент экономической модернизации.

XIX в. стал веком экономической модернизации, завершившей весь процесс перехода от традиционного к современному обществу. Суть экономической модернизации состояла в переходе к индустриальному способу производства. В его основе лежит новая энергетика и новые типы орудий труда. Это энергетика механических двигателей на природном топливе и металлические станки и комплексы станков.

Новая техника стала детищем новой науки и без нее не могла появиться. В XIX в. установился прочный симбиоз науки и техники, наука стала частью экономического и технического процесса, его главной движущей силой. Этот симбиоз сформировал необычайный динамизм экономиче-

ской системы, постоянные научно-промышленные перевороты, все время ускоряющегося темпа. Естественно, промышленная революция оказала гигантское влияние на политический и идеологический процессы.

В XIX в. в связи с завершением модернизации европейского общества в целом, в мировых отношениях Запад стал лидером и как лидер занялся жесткой глобальной экспансией по отношению к остальным странам, народам и цивилизациям. Важной стороной модернизации стало установление доминирования западной цивилизации, построение системы эксплуатации отсталых, традиционных цивилизаций остального мира.

Итак, на всех этапах модернизации изменения происходили во всех сферах общественной жизни – и в идеологии, и в политике, и в экономике, и в международных отношениях, взаимно влияя друг на друга. Но на каждом этапе модернизации, во-первых, доминировали изменения в одной какой-то сфере и был народ-лидер, который шел впереди в процессе модернизации. Причем народ-лидер на каждом этапе менялся. Страны Европы неравномерно участвовали в общем процессе модернизации. Одни вырывались вперед, другие отставали. Каждая из них проводила модернизации своим способом, но в общем, так или иначе в XIX в. модернизация совершилась во всех европейских странах. Последней на подножку уходящего поезда европейской модернизации с дикими усилиями и гримасами вскочила Россия.

На четвертом этапе модернизации в XIX в. произошел резкий качественный скачок, совершился последний и самый острый конфликт старого, традиционного и современного общества. Естественно, что этот скачок и конфликт нашел свое отражение в том числе и в философском сознании. В связи с этим нельзя не коснуться вопроса о том, что же было после XIX в.? Является ли он концом модернизации или модернизация продолжалась в XX в. Если говорить о модернизации, как переходе европейской цивилизации от традиционного к современному обществу, то модернизация закончилась в XIX в. Но она не закончилась, а лишь началась в XIX в. по отношению к остальному миру. Во-вторых, поскольку одной из главных интегральных черт нового «современного», индустриально-научного общества стал постоянный динамизм, т. е. вечная и все ускоряющаяся модернизация, постольку XX в. стал веком дальнейшей модернизации, но уже современного общества. Промышленные и научные революции и перевороты в XX в. не закончились,

а, напротив, пошли со все более ускоряющимся темпом и со все более глобальными и радикальными последствиями. XX в. стал веком конкуренции и глобального мирового столкновения различных социальных способов, моделей и парадигм модернизации организации современного общества. Рубеж XX и XXI вв. стал эпохой всеобщего и глобального кризиса современного индустриально-научного общества. И встал вопрос о качественной модернизации, преобразовании глубинных основ этого общества, поскольку предшествующее экстенсивное развитие этих основ в XIX и XX вв. их не затрагивало и поскольку эти основы начали исчерпывать себя, дошли до своих границ.

Мы можем нарисовать следующую историческую перспективу. XIX в. был не просто завершением модернизации, но и первым этапом развития уже собственно новой современной индустриально-научной цивилизации. XX в. – век динамичного, но противоречивого развития этой новой современной цивилизации, век глобальной конкуренции качественно различных модернизационных проектов, принявший форму глобального противостояния капиталистического Запада и социалистического СССР.

XXI в. – третья стадия развития индустриально-научной цивилизации, век ее глобального кризиса, перехода к новому типу цивилизации – информационному, постиндустриальному обществу, важным моментом которого является глобализация – формирование единого всепланетного сверхобщества. Необходимой стороной информационного глобализирующегося общества является новая интегральная черта – переход к сознательному, глобальному планированию и управлению развитием общества.

Библиографический список

1. *Бэкон, Ф.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. [Текст] / Ф. Бэкон. – М., 1978.
2. *Дубровин, В. Н.* Философия на Западе и в России в эпоху модернизации [Текст] / В. Н. Дубровин, А. Н. Ерыгин. – Ростов-на-Дону, 2004.
3. *Макаренко, В. П.* Вера, власть и бюрократия. Критика социологии М. Вебера [Текст] / В. П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, 1988.
4. *Маркс, К.* Манифест коммунистической партии [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд., Т. 4. – М., 1965.
5. *Маркс, К.* Из ранних произведений [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956.
6. *Тоффлер, Э.* Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М., 2002.

УДК 394

ЭТНИЧЕСКОЕ БЫТИЕ: В ПОИСКАХ НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Р. А. Данакари

В статье рассматриваются основные теоретические и методологические проблемы исследования этнического бытия. В ней показана неадекватность большинства современных российских и западных постмодернистских парадигм этноса и нации, необходимость смены основных принципов и методологических подходов. Отмечается уникальность Российской Федерации как специфического полиэтничного и поликонфессионального феномена, способного объединить многонациональный народ в единую российскую нацию.

Ключевые слова: глобализация, модернизация, трансформация, этническое бытие, философская этнология, синергетика, бифуркация.

ETHNIC GENESIS: IN SEARCH OF NEW CONCEPTUAL APPROACHES

R. A. Danakari

This article discusses the basic theoretical and methodological problems of ethnic studies Genesis. It illustrates the inadequacy of most modern Russian and Western postmodern paradigms of ethnicity and identity, the need to change the basic principles and of methodological approaches. There is the uniqueness of the Russian Federation as specific multiethnic and multi-religious phenomenon that can unite people in a multinational Russian.

Keywords: globalization, renewal, transformation, life, philosophy, Ethnology, Synergetics, bifurcation.

В эпоху становления новой информационной цивилизации проблемы российской модернизации приобретают особый характер. В числе важнейших ее составляющих оказываются вопросы о роли и месте этничности в социальной системе. Это связано как с продолжающимися глобальными изменениями в мире, так и непрерывной трансформацией социальной структуры российского

общества, радикальной переоценкой духовно-нравственных императивов [7; 16]. Действительно, познание природы и сущности этничности, утверждение значимости этнической составляющей в обществе, выявление логики социально-этнического процесса является велением времени. Нынешний этап развития науки характеризуется плюрализмом и поиском новых парадигм, уникальной возможностью сформировать интегральную модель этничности. Он позволяет использовать различную методологию, принципы, правила в интерпретации всех социальных и политических процессов, в том числе и этнического бытия общества. Философское познание способно помочь концентрировать все внимание на необходимости применения разнообразных методологических подходов, дополняющих друг друга, в результате чего становится возможным одновременное применение всего многообразия принципов, типов анализа.

Научные исследования конца XX в. и нового столетия свидетельствуют, что проблемы взаимодействия этничности в системе социальных коммуникаций носят достаточно сложный междисциплинарный и комплексный характер. Сегодня уже очевидно, что тотальная проработка проблематики этничности средствами теоретической и методами эмпирической науки на всех уровнях материального и духовного, биологического и социального, светского и сакрального, коллективного и личностного не способствовали прорыву в научных исследованиях.

Действительно, современное «этническое возрождение» вызвало в научном мире значительный переполох. Индустриальное развитие цивилизации, интернационализация мировых хозяйственных и социально-экономических отношений способствовало политизации народов, возрастанию интереса к прошлому, этнической истории, мифологии, религии, культуре. Изменения в геополитической и социально-этнической картине мира привели к новому росту агрессии и экстремизма, мигрантофобии и этноцентризма, расизма и национализма. С эпохи древних цивилизаций и античности происходили великие переселения народов, непрерывно трансформировалась этническая картина мира, однако, только в современную эпоху проблемы межэтнических и межнациональных отношений стали приобретать глобальный и наиболее драматический и трагический характер.

В Новое время, в эпоху становления классической науки, начинается непосредственное изучение человека как высшего творения природы.

Получают дальнейшее развитие различные виды антропологий: философская, религиозная, социальная, культурная. В прошлом столетии значительным был интерес к проблеме человека во всех его ипостасях, измерениях и формах существования, но он завершился «антропологической катастрофой», «деструкцией субъекта». Как нам представляется, во многом причиной неудач, несмотря на широкий охват научными методами большинства аспектов человеческого существования, стало отсутствие глубоких философских исследований по проблемам этнического бытия, постижение уникального мира человека этнического, систем его коммуникаций, взаимодействия, общения, диалога. Действительно, часто при формировании комплексной, целостной науки о человеке игнорировались роль этнической доминанты в жизнедеятельности людей, различие культур, цивилизационные особенности.

Философские исследования этнического бытия составляют часть тех разработок, которые необходимы для адекватной постановки и решения социально-философских проблем общества и человека и которые требуют создания специальной методологии междисциплинарных исследований. Одновременно для социальной философии насущной задачей становится изучение феномена этничности как глобальной проблемы современной цивилизации. В статье мы попытаемся выделить его важнейшие аспекты, используя при этом социально-философские и методологические принципы из различных областей естественного и социально-гуманитарного знания.

Отметим, что до сих пор не разработана интегральная концепция этнического бытия. Очевидно, что проблемы связаны с абсолютизацией исторических, этнографических, а за последние годы и этнологических, политологических и психологических аспектов, увлечением иррационализмом, панпсихологизмом в постижении этноса и его идентичности. Современные дискуссии часто носят метафизический и спекулятивный характер, отличаются значительным противостоянием различных этнологических концепций и методологических позиций авторов. В российской и зарубежной философской и социально-политической науке все еще продолжают дискуссии между представителями примордиалистской концепции нации и постмодернистской теории этничности [1; 2; 5; 8; 10; 12; 13; 15; 17; 19].

Как нам представляется, не всегда научны и объективны идеи как западных, так и отечественных ученых о приоритетности этнологии в создании универсальной теории этничности, об-

ладающей всеобщими характеристиками и интегрирующей знания из области всех современных наук. Естественно, что такой наукой может быть только философия со своим особым универсальным статусом, онтологическими, гносеологическими, антропологическими и аксиологическими критериями исследования. Видимо, философам, несмотря на определенную «отрешенность» от практических реалий, давно пора более активно заниматься изучением проблем этнического бытия и рассматривать его как особую целостность. Актуальный характер приобретает необходимость включения в данную систему всей суммы естественнонаучных и общественно-гуманитарных знаний, а также использование философских и методологических принципов постижения феномена этничности.

Возникшие в ответ на резко возросшую потребность общественной практики и научной теории в решении проблем общества вопросы этнического бытия сразу же приобрели печать своеобразия, отличия от традиционных как теоретических, так и прикладных исследований. Сегодня существует острая необходимость в философском познании этнической проблематики, в достаточно четком определении соотношения между социальной и этнической эволюций, а также в выявлении онтологической и гносеологической специфики взаимодействия этнического и конфессионального в системе социальных коммуникаций. Несмотря на актуальность и системный характер указанных проблем, отсутствует ясность и адекватность многих декларируемых положений и выводов.

Действительно, создание философской этнологии как универсальной науки о нациях и этносах превращается в актуальную и злободневную проблему. Четкая формулировка проблемы и формирование предмета философского постижения становятся ключевым, принципиальным и наиболее ответственным этапом в организации всего научно-исследовательского процесса. Междисциплинарный характер данной проблемы не вызывает сомнения, однако, в любом случае, мера неопределенности в отношении многих исходных данных и в конечном результате не должна превышать порога, за которым исследование теряет свою значимость.

В философской этнологии исследовательская проблема должна быть сформулирована намного шире, чем это позволяют рамки таких наук, как политология, социология, психология, культурология, сама этнология. Только при философском исследовании возможно постижение субстанцио-

нальных и метафизических оснований природы и сущности этнического бытия, всестороннее изучение объекта, особенно в системе социальных коммуникаций.

Естественно, что в центре внимания оказывается проблема изучения нового субъекта социально-исторического развития – человека этнического как целостного существа, во всех аспектах его внешних и внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей. Комплексное изучение человека предполагает включение в философскую антропологию всей этнической составляющей как важнейшей характеристики человеческого бытия. Сегодня во многом интересны попытки исследования человека как «биосоциального», «космопланетарного» и даже «космобиопсихосоциального» существа. Однако все эти попытки являются недостаточно полными без глубинного, философского познания сущности человека «этнического», постижения его уникального мира, специфики природно-биологической и социокультурной идентификации.

Как было указано, для современных теоретических исследований принципиальным важным является признание ограниченности одной методологии или типа объяснения, выявления очевидных детерминаций, простых и поверхностных причинно-следственных связей. Насущной становится задача по поиску объективного и субъективного содержания знания в условиях современной глубинной софистики и неограниченного релятивизма, отсутствия единых критериев для постижения истины, а также понимания текста при различии интерпретаций.

Известно, что любой методологический подход обладает пределом применения и ограничен в объяснении. Такими оказались формационный и цивилизационный подходы, сравнительно-исторический метод и концепция структурно-функционального анализа. Динамика развития современного общества и непрерывная трансформация его структур не позволяют пока строить достаточно строгую и наиболее полную модель реальности и сформировать объективный взгляд на мир, несмотря на комплексное применение всего многообразия методов и подходов. Усугубляет положение кризисное состояние самого общества, науки, полярность многих философских концепций и позиций ученых. В нашей философской и социально-гуманитарной науке большинство исследований по этнической проблематике нашли свое отражение в традиционных и нетрадиционных концепциях, в частности, в трудах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева [4; 6].

Социально-историческое развитие носит органический характер, имеет свое содержание и логику, законы развития. Рассматривая общество как сложную развивающуюся систему, следует отвергнуть идею «конца истории», обратить более пристальное внимание на непрерывность движения социальной материи, диалектически использовать все прошлое наследие. Это касается и этнического бытия нашего общества. Догматизм и антидиалектический подход, существовавший в социальной практике и в постижении российской истории и советской действительности, по-прежнему оказывает негативное влияние на развитие науки. Большого научного мужества требует признание непреложной истиной того факта, что в XX в. большинство народов бывшего Советского Союза совершили качественный переход от первобытности и средневековья к современности.

Следует отметить, что социально-этнический процесс настолько сложен, что не вмещается в «прокрустово ложе» любой теории, обладает своей логикой существования и функционирования, этапами развития, имеет моменты непрерывности и прерывности, точки бифуркаций. Кризис любого полиэтнического общества начинается, прежде всего, с декомпозиции этнической структуры, которая, в свою очередь, затем уже начинает активно разрушать социальную систему. Не секрет, что социальная революция является не только результатом универсального кризиса социально-экономической сферы и политических структур общества, но и продуктом нарастания дисгармонии и конфликтности в системе этнических отношений.

Рассматривая методологические вопросы, отметим, что материалистическая парадигма марксизма сохранила свою значительную эвристическую ценность. Несмотря на критику теории общественно-экономической формации, важно использовать ее в числе других методологий при исследовании этнических процессов. Ведь логика общественно-исторического процесса достаточно убедительно и четко аргументирована в марксистской философии. Она показывает как революционный, так и эволюционный характер объективной и последовательной смены формаций по пути прогресса, свободы человека, его возможности для самореализации своей сущности. Марксизм использовал значительные достижения, накопленные социально-философской мыслью предшествующих эпох. Например, учение об эволюционном и стадийном развитии общества, о котором в Новое время писали многие извест-

ные философы и ученые. Именно на основе критической и творческой переработки всего предшествующего опыта появилась теория общественно-экономической формации, подвергающаяся в настоящее время беспощадной критике и огульному отрицанию.

Рассматривая современные подходы, следует отметить достаточно популярную в научной литературе концепцию Дж. Тойнби «вызов» – «ответ», придающую социально-исторической закономерности открытый характер. Согласимся, что современные «вызовы» носят как внутренний, так и международный характер, а качество «ответов» целиком зависит от профессионализма политической элиты и развитости гражданского общества, экономического потенциала государства и социокультурных императивов. Слабость государства ослабляет единство общества, не способствует превращению народа в реального субъекта социально-исторического процесса, активно защищающего свои интересы и играющего ведущую роль в мировой политике.

Если говорить о будущем Российской Федерации как многонационального государства, то во многом ее судьба зависит от этнического бытия общества. Она детерминирована не только современными проблемами, но и всей прошлой историей страны, многими критериями, значительными событиями, традициями. Стремление полностью игнорировать прошлое, стереть генетическую память может в будущем обернуться трагедией для всего общества. Поэтому важно акцентировать внимание не на метафизическом отрицании прошлого, особенно советского периода истории, а на сохранении уникального достижения народов [11]. Методологически актуальным и многозначным является признание того, что этничность реально позиционирует себя, что развитие этносов также сложно и спиралевидно, как и динамика развития самого социума. И, несмотря на все наслоения и мистику, которую мы придаем этническому развитию, оно также протекает в рамках логики современных глобальных изменений. Философское постижение истории позволяет вскрыть глубину социально-этнического процесса, понять связь времен, выявить духовную преемственность поколений, познать сущность бытия государства, общества и этноса.

Философское исследование этнического бытия и анализ его функционирования в системе социальных коммуникаций невозможно без обращения к современным принципам, подходам и принципам. Нам кажется, что в настоящее время для философского познания этнического бы-

тия актуальным может быть применение метода моделирования, а в определенных пределах, синергетических принципов, позволяющих исследовать и открывать новые, ранее неизвестные, связи и отношения. Современные подходы позволяют признать возможность существования моделей для любых непротиворечивых теорий при условии изначальной открытости и заданности некоторых функциональных оснований, констант, действующих правил.

Моделирование предполагает определенное абстрагирование и упрощение, создание подобия исследуемой системы, интерпретация которого позволит выявить новые смыслы и значения. Однако в модели должны быть обозначены и органически увязаны важнейшие онтологические основания и функциональные параметры моделируемой системы. Это позволит обеспечить целостность модели и, несмотря на абстрагирование и упрощение, сохранить за ней адекватный характер и познавательную ценность. Универсальность и общепризнанность метода моделирования связывается с его способностью представить в качестве предмета исследования объект любой сложности.

Этническое бытие как модель, результат моделирования, может в зависимости от целей и задач исследования быть представлена в материальной или идеальной форме. Однако в любом случае модель должна воспроизводить наиболее существенные связи, отношения и характеристики, находиться в состоянии соответствия, подобия к моделируемому объекту исследования. В рамках теории подобия важным в методологическом отношении является следующая закономерность: при наличии подобия существенных параметров, основного звена, подобными будут и другие параметры. В таком случае отпадает необходимость в специальном анализе других параметров.

Важнейшей характеристикой модели является ее открытость. Этническое бытие общества, несмотря на всю традиционность и закрытость, при моделировании следует рассматривать как непрерывно развивающуюся систему, находящуюся в процессе познания, постоянной интерпретации и реконструкции. В таком случае главной задачей модели станет углубленное и конструктивное познание моделируемого объекта как системы и получение на этой основе объективного знания с целью прогнозирования и управления.

Специфичность моделирования – наличие значительного эвристического потенциала, способность в процессе познания превращаться в объект реконструирования и новой интерпрета-

ции. Нам представляется, что в социально-этническом познании при создании модели следует также использовать идеи постнеклассической науки и философии, обогатив ее новыми технологиями. Для социальной философии этническая система является достаточно сложным и противоречивым, рациональным и иррациональным объектом познания, поэтому при ее исследовании следует использовать и идеи конструирования реальности, принципы неопределенности и дополненности.

Теория моделей оказывается актуальной для познания этнического бытия, потому что она позволяет строить модели разного уровня. Во-первых, в ней этническую структуру одновременно можно рассматривать как специфически динамическую и «ускользающую» систему социума, не всегда поддающуюся рациональному познанию. Во-вторых, создать статичную модель, потому что такой сложный объект невозможно построить без определенного упрощения и ограничения. В-третьих, сложность познания этнического бытия заключается также в том, что этничность всегда находится в состоянии пульсации, декомпозиционные процессы в ней очевидны только при значительной деформации социальной реальности. Путем моделирования можно определить состояние различных этнических групп, выявить альтернативы, специфику и характер их действия на социальную реальность. В-четвертых, для социальной философии этническое бытие – значительный социокультурный объект, который представлен различными архетипами, знаками, символами, текстами, требующими комментирования в контексте своего времени, адекватной интерпретации в духе современного знания и формирования объективной идеальной модели.

Этническое бытие, как система со специфической структурой, в качестве объекта исследования представляет собой сложную цепь взаимодействий, которых с трудом можно подвергнуть всестороннему объективному анализу. Однако, несмотря на все проблемы, моделирование позволяет «выстроить» все сферы этнической системы, выделить системообразующие основания, ведущие параметры. Часто только в моделях можно увидеть совершенно новые стороны этносоциального объекта, выявить специфические характеристики. Именно в моделях удастся наиболее полно определить многозначность этноса как системного объекта, представить альтернативы развития, в том числе деструктивного и аномического характера.

Наряду с этим, при философском моделировании этнического бытия возможны допущение,

введение формальных и виртуальных констант с целью смоделировать различные ситуации и определить их реализуемость в социальной действительности. Примером таких моделей могут служить различные исторические и политические проекты по преобразованию общества. В современном философском познании моделирование социально-этнической реальности позволило бы более глубоко вскрыть механизмы функционирования этнического бытия, показать неоднозначность его повседневного мира, сложность достижения объективного и субъективного содержания истины.

Однако следует предостеречь от преувеличения значимости метода моделирования и абсолютизации теоретических концепций. В нашей истории существует много примеров, когда государство стремилось навязать обществу абстрактные идеалы и выдавать их за реальность. Например, во второй половине XX в. в Советском Союзе было объявлено о строительстве «развитого социализма». Тогда наше государство стало утопическую теоретическую конструкцию выдавать за реальность и действовать в соответствии с ней, что привело к полному застою и дальнейшему нарастанию кризиса. Поэтому всегда важно объективно воспринимать познавательные модели как эскизы, слабые копии действительности. Принципы моделирования предполагают значительную идеализацию и абстрактность концепций. Моделирование само представляет собой только один из специфических способов формализации достаточно сложной и непрерывно изменяющейся действительности с целью адекватного понимания и объяснения как самой объективно существующей действительности, так и различных ее сторон и аспектов.

За последние десятилетия в философском и социально-политическом знании достаточно популярным стало понимание современного общества как системы, находящейся в состоянии неопределенности, конфликта и перманентного кризиса. В условиях глобализации социум – это общество все более возрастающего риска, находящееся постоянно в неравновесном и нестабильном состоянии. Признаем, современное полиэтничное общество по своей природе является пульсирующей диффузной системой, в которой действуют многочисленные разнородные силы и факторы как объективного, так и субъективного характера. В ней все находится в состоянии таких тесных взаимосвязей и взаимодействий, что достаточно сложно установить границы между ними, отличить причины от следствий. Создание моде-

лей важно для философского познания этнического бытия потому, что применение аналогий расширяют сферу постижения интересов различных этнических групп, сил, элит, выводят их за пределы непосредственного опыта и позволяют подвергнуть всестороннему объективному анализу.

Рассматривая западные традиции, хотелось бы отметить особое значение теории конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, которые включили в свою модель субъектов социального познания, непосредственных агентов социального действия [3]. Согласно их мнению, участниками событий создаются субъективно пристрастные модели, в которых идея и воля неразделимы, дополняют друг друга. Реальность социально конструируется, «знание» переходит в действие. В теории социального моделирования реальность представляет собой явление, независимое от воли и желания, а «знание» можно определить как уверенность, что объект является реальным и обладает специфическими характеристиками. «Конструирование» есть вмешательство в бытие как реальности, вследствие чего она принимает те или иные дополнительные качества, оставаясь, однако, сама собой, т. е. не выходя за пределы своей идентичности. Очевидно, что этническое бытие – это одновременно объективно существующая сфера социума и особым образом конструированная реальность, субъективно сформированный «жизненный мир» человека этнического со своими архетипами, знаками и символами. Этот «жизненный мир» объективируется независимо от воли и желания индивида, гипертрофируется и приобретает самостоятельную сущность. Таким образом, этнический человек, моделируя, конструируя социальную реальность, живет в особой системе социальных коммуникаций, в специфическом этническом пространстве и этническом времени.

Для философского исследования этнического бытия значительный интерес представляет популярный ныне синергетический подход. Следует согласиться с мнением Е. И. Князевой и С. П. Курдюмова, что синергетика формирует особое мировидение, стремится строить новую научную картину мира [9. С. 3–20]. Действительно, синергетика основывается на идее цельности мира и научного знания о нем, общих закономерностях развития объектов всех уровней материальной и духовной организации, нелинейности, многовариантности развития, глубинной взаимосвязи порядка и хаоса.

В современной науке много вопросов вызывает идея единства и разнонаправленности соци-

альной и этнической эволюции. Однако в социально-философском познании этнического бытия наиболее значимыми и особенно ценными оказываются именно идеи о признании нелинейности и полярности векторов социальной и этнической эволюции. Они касаются проблемы неадекватности и разности социального и этнического пространства, разности социального и этнического времени, невозможности этнического ускорения во времени и пространстве. Исторический опыт свидетельствует, что все попытки «перескочить» через эпохи, из традиционности к современности, «ускорить» время заканчивались драматически.

Для современного исследователя проблем социальных коммуникаций особую актуальность представляют: концепция непрерывного становления, принципы диалога, согласия, дополненности. Например, в синергетике активно применяется принцип становления, который использовался еще философами античности. Опираясь на синергетическую парадигму, главной формой этнического бытия следует принять не ставшее, т. е. порядок, а непрерывно становящееся из хаоса бытие, в процессе которого субъект – этнос, нация, этническая группа, переходят из потенции в актуальность, формируют свой «жизненный мир».

Действительно, опыт перестройки и российских реформ показывает, как непрерывно и быстро изменялась динамика событий в стране, как из «небытия» приобретали актуальность различные политические силы, социальные и этнические группы, национальные элиты. Именно они в ходе развития событий становились подлинными субъектами социально-исторического процесса, оказывали решающее влияние на судьбы миллионов людей и всего государства в целом. Однако следует отказаться от мифологизации и мистификации реальности, включать в нее действия неких, таинственных, «третьих сил». Известно, что ситуация всегда развивается по объективной логике истории, по специфическим законам общественно-политического развития.

При исследовании этнического бытия следует использовать методологические принципы социальной коммуникации, диалогичности и согласия, которые обладают значительным эвристическим потенциалом. Они позволяют в самой сложной, противоречивой и конфликтной ситуации найти точки соприкосновения, искать пути выхода из тупика. Принцип диалогичности и согласия позволяет в ходе встреч конфликтующих сторон, переговорного процесса, коммуникаций

смотреть на реальность другими глазами и понять мир этнического Другого.

Применение принципа дополненности при исследовании этнического бытия предполагает взаимодополняемость, изучение общества и его структур как определенного порядка и становления, сознательного и стихийного взаимодействия социально-этнических групп и элит. Одновременно их следует рассматривать и в динамике, в традициях синергетики, нелинейности, в результате которых общество воспринимается как непрерывно становящийся синергетический объект.

Как замечает Г. Хакен, в синергетике особое значение приобретает принцип самоорганизации сложных неравновесных систем, их способности самопроизвольно образовывать пространственные и временные структуры за счет случайных событий или флуктуаций [19. С. 42]. В современных условиях к сложной неравновесной системе с полным основанием может быть отнесена этническая структура общества, моделирование которой способно определить точки бифуркации, действие основных параметров, констант и переменных, выявить альтернативы развития.

Понимание этнического бытия как сложной синергетической системы способствует учету специфики его самодвижения и саморазвития как в процессе активного взаимодействия различных подсистем, так и в результате активного воздействия различных этнических групп, целью которых является получение нужных результатов. Очевидно, что в ней, как и в любой системе, при изменении нескольких параметров порядка неустойчивой становится вся система в целом. Словом, выходя из своего прежнего состояния, она приобретает характер неравновесности и оказывается в процессе становления. Субъекты взаимодействия в таких ситуациях всегда находятся в состоянии бифуркации. Итог процесса зависит от запаса инерционных сил старой системы и от соотношения их с силами, возникшими в результате бифуркации.

Исследование этнического бытия всегда сопряжено с постижением глубины социального взаимодействия, с ориентацией на полное овладение процессом. Поэтому как при постижении социальной реальности, так и ее конструировании важно определение всех субъектов. В моделировании социально-этнического бытия участвуют люди с разными установками познания: участник конструирования реальности, субъект, вышедший из ситуации, наконец, независимый эксперт, находящийся вне ситуации. Очевидно, что участник конструирования реальности, в которую он по-

группы, заинтересован в сохранении системы и оценивает ее односторонне, с традиционных позиций. Люди, вышедшие из ситуации, знающие многие скрытые моменты реальности, способны взглянуть на нее со стороны, но, как правило, их позиция остается пристрастной, несмотря на все их стремления в объективной оценке. Эксперты имеют больше оснований для объективности, потому что как теории и модели, так и сама социально-этническая реальность является для них предметом аналитического и критического исследования. Ученый, при объективном подходе, всегда стремится к наибольшей полноте знания об изучаемом объекте, рассматривает истину как процесс, понимает ее диалектический и творческий характер.

Естественно, всякое человеческое «знание» является конструированием социальной реальности, что оно развивается, передается и сохраняется во всех ситуациях. Однако не следует абсолютизировать субъективное содержание конструированной реальности, забывать о том, что в конечном счете общественное сознание определяется общественным бытием. Несомненно, что любой эксперт, в том числе и философ, не свободен от политических и идеологических пристрастий. Несмотря на все стремление к объективности, на его системную модель оказывает влияние склонность к экстраполяции, стремление проецировать действительность, «заглянуть в будущее». В результате любой проект принимает значительный утопический (материалистический, религиозный или идеалистический) характер, увеличивается степень его многовариантности и альтернативности, нарастает дискуссионность и возможность переинтерпретаций.

Социальное знание как конструирование реальности имеет дискретный характер. Социально-этническая модель, как и всякая модель действительности, всегда ограничена в пространстве и во времени. Строя познавательную модель реальности, мы вынуждены прервать непрерывный социальный процесс. Современное общество представляет собой сложную систему социальных коммуникаций, в которой происходят непрерывные изменения, действуют разнонаправленные векторы, стихийные и сознательные силы. Трудность современного социально-этнического познания обусловлена крайней противоречивостью, а часто и непредсказуемостью действия различных социальных и этнических групп, сознательностью или иррациональностью национальных вождей и лидеров. Поэтому модель должна быть не статичной, а динамичной, готовой к реконст-

рукции и деконструкции, интерпретации и переинтерпретации, связана с конструированием реальности как непосредственно действующими лицами, народными массами, так и субъектами разного уровня.

Важно признание открытости любой социально-этнической модели, способной к восприятию различных плюралистических подходов, творческому осмыслению исследуемой реальности и обновлению. Экстраполяция прошлого не должна сопровождаться метафизическим его отрицанием. Формируя новую модель, необходимо, прежде всего, добиваться наиболее полного и объективного получения информации, адекватного знания реальности. Например, как свидетельствует практика, в российском обществе фактически востребована интернациональная модель и идея дружбы народов. Их непрерывное воспроизводство среди представителей разных этносов и социальных групп и слоев населения свидетельствуют об общих ценностях, единых культурно-нравственных основаниях, ностальгии по историческому прошлому и былому величию страны. Таким образом, одной из важнейших целей социально-философского познания российского общества является создание интегральной модели его этнического бытия. Такая работа требует серьезного изучения российской и мировой исторической традиции, культуры, менталитета, глубокого анализа философских и социально-этнологических концепций. Интерпретация текстов должна проходить в контексте исследования прошлого и настоящего, определения новых констант и переменных, адекватных современной действительности.

Конструирование модели этнического бытия также возможно на пересечении базисных характеристик и основных параметров. К базисным характеристикам следует отнести: общую территорию и геостратегическое положение страны в мире, экономическую и политическую системы, государственную идеологию и культуру. В числе основных параметров, активно влияющих на конструирование социальной реальности, могут быть: гражданское общество и социальная сфера, быденное сознание и специфика этнической и гражданской идентичности, традиционный уклад жизни, архетипы, знаки и символы. Этническое бытие включает этническое время и этническое пространство, т. е. специфическую реальность существования, функционирования и жизнедеятельности этноса.

При моделировании необходимо учитывать территорию и географическое положение этносов,

определить роль и влияние природы на общество, а также обратное воздействие социума на экологическую среду. Этот фактор при новом, постнеклассическом подходе приобретает фундаментальное значение. По мнению В. С. Степина, в современной науке сформировалось новое видение природной среды, в которой протекает жизнедеятельность людей. Она начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов, а как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, могущее вызвать необратимую деградацию системы, исчезновение многих биогеоценозов и гибель человечества [14. С. 22].

Взаимодействие как этноса, так и отдельного индивида с природой носит непрерывный характер. Изменяя природную среду, человек изменяется и сам. Антиномия природно-биологического и социокультурного начал в человеке, проблема бытия в мире не позволяют ему жить в гармонии с природой. Одновременно сама природа постоянно бросает человечеству «вызовы». От творческого потенциала «ответов» зависит судьба не только отдельных социально-этнических групп, но и всего общества в целом.

В системе социальных коммуникаций важное место занимает экологическое бытие этноса. Проблема этнического и экологического взаимодействия для социально-философской мысли приобретает все более актуальный и специфический характер. Социальная философия стремится рассматривать этнос, его культуру, жизнедеятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, представить их в виде сложной развивающейся системы. Идеи постоянного равновесия природно-социальных систем, тезис о бескризисности этнической сферы общества, об особом поведении этносов (их бережном отношении к ресурсам, исключительно рациональных методах природопользования) были популярны в нашей литературе. Во второй половине двадцатого столетия внимание общественности к глобальным проблемам человечества стало нарастать и в связи с усилением экологического кризиса. Именно в период активной глобализации началось резкое противопоставление традиционного общества со своей специфической культурой и индустриальной цивилизации с ее рыночной экономикой [20].

В доиндустриальную эпоху этноэкологические кризисы происходили в привычных, локаль-

ных средах обитания и не вели к значительным потерям этнических свойств, не разрушали традиционные виды хозяйства и жизнеобеспечения. На наш взгляд, следует обратить внимание на сложность и противоречивость взаимодействия природы, общества и этноса. Действительно, ранее экологические кризисы вели к нарушению равновесия общества со средой обитания, подрыву экономических основ и отрицательным демографическим последствиям. Однако они одновременно способствовали развитию человечества, будучи важным фактором социальных коммуникаций, миграции и своеобразным стимулятором исторического прогресса. Экологические кризисы, вызванные физическими катаклизмами и жесткой эксплуатацией природы самим человеком, порою становились необратимыми, приводили к депопуляции этноса или вынужденной смене им своей среды обитания.

Сегодня процесс взаимодействия этноса и внешней среды носит исключительно драматический характер. В современных условиях значительно увеличилась зависимость состояния этноса как от внешних, так и внутренних факторов. Системный подход и анализ всех факторов сквозь призму социального и экологического позволяет видеть этносы не только в гомеостазе, но в пульсирующем развитии и приблизиться к максимально возможному историзму при их изучении. В условиях кризисного развития на этнос оказывает влияние не только природная среда как основа жизнедеятельности, но и общая территория, геополитическое положение, соседство и постоянное взаимодействие с другими народами.

Экскурс в историю этнического бытия народов Российской Федерации показывает, что отношения между ними в основном носили и носят комплиментарный характер. Совершенно в иной плоскости находятся отношения между Россией и странами Европы. Больше двух столетий в российском обществе продолжаются дискуссии между сторонниками западнической и славянофильской традиций, касающиеся судьбы России и ее исторической миссии в мире. Позиции последователей этих традиций и сегодня носят противоположный характер. Часть ученых и политиков предлагает от отчуждения переходить к открытой конфронтации, а другая – от союзнических отношений к безусловному утверждению европейского статуса России.

Мы исходим из того, что Российская Федерация является евразийской державой со своей этноконфессиональной и социокультурной доминантой. Поэтому при моделировании этнического

бытия России следует более всего учитывать глубинные, субстанциональные факторы, специфику духовно-нравственных отношений, коллективизм и традиции евразийства, особую ментальность.

Исследование социально-этнического бытия предполагает философский анализ сущности сложившейся сегодня системы экономических отношений. Трансформация отношений собственности выявила всю глубину, сложность и противоречивость социально-экономического уклада жизни народов России. Общественно-исторический анализ свидетельствует, что многие этносы по-прежнему находятся на разных уровнях хозяйствования: от примитивных форм природопользования и натурального обмена до современных рыночных отношений. До сих пор большинство российских народов находятся в состоянии стресса и шока в результате перехода к рыночной экономике и продолжающегося уже более двадцати лет перманентного кризиса.

На этническое бытие России значительное влияние оказали и оказывают противоречивые изменения, которые непрерывно происходят в политической системе общества. Политика, как всегда, является специфической формой выражения отношений собственности, господства и власти. На нынешнем этапе российской модернизации на ее политическом поле активно действуют этнические элиты, стремящиеся не только изменить, но и укрепить свои статусные позиции, перераспределить сферы влияния в контексте новых постоянно открывающихся возможностей, что делает достаточно проблематичным будущее страны.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. В социально-политической науке до сих пор доминирует преимущественно субъективистская и часто негативная позиция в изучении социальной структуры советского общества, что не позволяет подвергнуть ее объективному и критическому исследованию. Она не способствует творческой и результативной работе, оставляет вне поля зрения и научного анализа действия различных субъектов социальной и политической жизни СССР, имевших значительный позитивный потенциал и глубокие исторические корни, активно влияющих на современную реальность.

При исследовании этнического бытия важно выявить его культурную специфику, признать роль идеологии как важнейшей основы общественной жизни, выражения интересов, мировоззрений и идеалов. Общественное сознание, которое в значительной степени зависит от общественного бытия, требует научной интерпретации. Здесь особо следует выделить этническую иден-

тичность представителей разных народов, наполненную своими архетипами, символами, знаками. Люди, рождаясь, застают «готовыми» мир повседневности со смыслами, особым образом конструированную реальность.

Этническое бытие – это особый мир этнического пространства и этнического времени, который изначально задан. В нем человек этнический всегда ощущает относительную устойчивость и стабильность, чувствует свою адекватность. Однако, несмотря на всю консервативность, этническое бытие подвержено значительным трансформациям и восприимчиво к импульсам модернизации. Со временем этническая идентичность индивидов, как и весь их целостный социокультурный мир со всеми жизненными ценностями и установками выходит за пределы конструированной реальности и требует новой корректировки.

В современную эпоху социально-этническая система обладает значительной динамикой, что предполагает необходимость непрерывного, объективного и адекватного исследования. Если общество не восприимчиво к витающим в общественном мнении идеям о необходимости эволюции структур и изменениям статуса, в том числе и этнических групп и элит, не реагирует на социальные ожидания, замкнулось в своем консерватизме и враждебно относится к инновационным идеям, то неизбежно состояние застоя, кризиса и распад. Игнорирование противоречий и конфликтов в обществе приводит к постепенному накоплению значительной разрушительной энергии, в том числе этнической пассионарности, которая превращается в материальную силу, дестабилизирует социальную систему и взрывает ее изнутри. На значительное время такое общество погружается в состояние хаоса. Только при наличии комплекса новых привлекательных идей, сильной руководящей и интеллектуальной элиты, проведении конструктивной политики возможно относительно быстрое разрешение универсального кризиса и постепенное преодоление существующих социально-этнических противоречий и конфликтов.

При построении социально-философской модели этнического бытия важно также учитывать такие объективные факторы, как специфический характер жизнедеятельности и условий природопользования этноса, уровень развития культуры и особенности менталитета, отношение к политике и к лидерам. Для методологии социального познания важно понимание смысла этнического бытия, осознание его как сложной полисемантической и полисемиотической системы. Очевидно, что, с одной стороны, необходимо рас-

смотрение этнического бытия как объективированной реальности, а с другой – как системы, непрерывно создающей и конструирующей саму эту реальность.

Рассматривая проблему человека этнического, следует признать, что она носит комплексный и многоаспектный характер и может быть адекватно исследована только в системе социально-философской науки с использованием междисциплинарных технологий. Она с необходимостью должна быть включена в проблемную область исследования целостного человека, представляющего в настоящее время, к сожалению, только плоскость предварительных философских обсуждений и методологических вопросов. В последние годы многие исследователи все чаще стали обращаться к идее динамической, процессуальной природы человека. Они стали понимать человека как непрерывно развивающуюся, динамическую целостность, стремящуюся к реализации всех своих сущностных потенций.

В современных условиях попытки формирования концепции философской этнологии – это итог напряженного поиска основных онтологических, гносеологических и антропологических констант феномена этничности и человека этнического, практически поставленного и осуществляемого в течение нескольких веков учеными различных социологических, политологических, психологических и этнологических направлений. Философская концепция этнического бытия как часть онтологии человека, заявляя о своей междисциплинарной сущности и полипарадигмальной природе, находится в поиске новых концептуальных подходов. В отличие от различных догматических и метафизических учений, она стремится включить в себя все многообразие опыта обсуждения человека в философии, науке и культуре, открыта творческой критике и восприятию новых идей.

Библиографический список

1. *Абдулатипов, Р. Г.* Российская нация (Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях) [Текст] / Р. Г. Абдулатипов. – М., 2005.
2. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Б. Андерсон; пер. с англ. – М., 2001.

3. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
4. *Бромлей, Ю. В.* Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М., 1983.
5. *Геллнер, Э.* Нации и национализм [Текст] / Э. Геллнер; пер. с англ. – М., 1991.
6. *Гумилев, Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилев. – СПб., 1999.
7. *Жукова, В. И.* Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз [Текст] / В. И. Жукова // Социологические исследования. – 2008. – №12.
8. *Здравомыслов, А. Г.* Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм [Текст] / А. Г. Здравомыслов, А. А. Цуциев // Социологический журнал. – 2003. – №3.
9. *Князева, Е. Н.* Синергетика как новое мировоззрение: диалог с Пригожиным [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992.
10. *Мнацаканян, М. О.* Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире [Текст] / М. О. Мнацаканян. – М., 2008.
11. *Паин, Э. Н.* Издержки российской модернизации: этнополитический аспект [Текст] / Э. Н. Паин // Общественные науки и современность. – 2005. – №1.
12. *Руткевич, М. Н.* Теории нации: философские вопросы [Текст] / М. Н. Руткевич // Вопросы философии. – 1999. – №5.
13. *Смит, А.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма [Текст] / А. Смит; пер. с англ. – М., 2004.
14. *Степин, В. С.* Саморазвивающиеся системы [Текст] / В. С. Степин // Синергетическая парадигма. – М., 2000.
15. *Тишков, В. А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) [Текст] / В. А. Тишков // Вопросы философии. – 1998. – №9.
16. *Тишков, В. А.* Российская нация: становление и этнокультурное многообразие [Текст] / В. А. Тишков. – М., 2008.
17. *Тощенко, Ж. Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки [Текст] / Ж. Т. Тощенко. – М., 2003.
18. *Хабермас, Ю.* Расколотый Запад [Текст] / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М., 2008.
19. *Хакен, Г.* Основные понятия синергетики [Текст] / Г. Хакен // Синергетическая парадигма. – М., 2000.
20. *Чумаков, А. Н.* Глобализация и космополитизм в контексте современности [Текст] / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2009. – №1.

УДК 81-2

ПРАГМАТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

Н. Л. Шведова

В статье рассматриваются основные функции прагматонимов в текстах художественных произведений массовых российских авторов, выявляется специфика введения прагматонимов в текст.

Ключевые слова: прагматонимы, продакт плейсмент, рекламные имена, эргонимы.

PRAGMATONIMS AS A DEVICE OF ARTISTICAL CHARACTERIZATION

N. L. Shvedova

This article touches upon basic functions and ways of including of pragmatonims in the texts of modern Russian authors.

Keywords: pragmatonims, product placement, advertising names, ergonims.

Современная реклама уже не ограничивается короткометражными телевизионными роликами, сегодня этот двигатель прогресса охватывает новые пространства, проникая в фильмы, телешоу, печатные издания и даже в художественную литературу. Такой вид рекламы носит английское название «продакт плейсмент» (product placement), который определяется как «размещение товара или торговой марки в кино (или любом продукте индустрии развлечений) с рекламными целями»¹.

В настоящее время в нашей стране набирает обороты технология применения продакт плейсмент в книжном бизнесе, что подразумевает размещение названий товаров или услуг в текстах художественной литературы.

Продакт плейсмент в книгах имеет множество преимуществ – читатель принимает рекламу в том виде, в котором она есть, он не имеет возможности выбирать, ее нельзя переключить, как на телевидении, или пропустить страницу в журнале. Кроме того, популярный автор, мнение которого является авторитетным для определенного круга читателей, способен повысить интерес к рекламируемой марке.

Не случайно этот современный способ рекламирования товара привлекает внимание не только маркетологов, но и лингвистов, прежде всего ономастологов [2. С. 193–198].

По нашим данным, наиболее активно в данных технологиях используются прагматонимы. Н. В. Подольская определяет прагматонимы как любое словесное обозначение марки товара или вида предлагаемых услуг, охраняемые законом [1]. Из данного определения видно, что термином *прагматоним* можно обозначать не только назва-

ния серийно выпускаемых товаров, но и наименования предприятий сферы услуг (кафе, ресторанов, клубов, баров, салонов красоты), которые некоторые исследователи относят к эргонимам.

Все вышеперечисленные предприятия имеют искусственно созданные, зарегистрированные названия, охраняемые законом, к тому же все они оказывают определенные услуги, в зависимости от направления деятельности, что, по нашему мнению, дает право относить подобные предприятия к прагматонимам, избегая разделения на более мелкие разряды онимов. В данной статье мы будем использовать термин *прагматоним* в широком смысле, применительно к наименованиям не только товаров, но и заведений сферы обслуживания.

Исследования в области рекламы показывают, что книжный продакт плейсмент – выгодный способ продвижения товаров и услуг. Однако анализ произведений художественной литературы современных массовых русскоязычных авторов, таких, как Илья Стогов, Оксана Робски и Дарья Донцова, показал, что иногда автор совершенно «бескорыстно» включает прагматонимы в текст художественного произведения с целью художественной характеристики. На отсутствие рекламной функции у прагматонимов указывает использование названий всемирно известных брендов, не нуждающихся в рекламе, в произведениях российской массовой литературы.

Исходя из данных наблюдений, нами была предпринята попытка выявить и систематизировать те случаи, когда прагматонимы в текстах художественных произведений несут функциональную нагрузку, не имеющую отношение к рекламе, а направленную на создание художественного образа. Всего было выделено три функции прагматонимов, на которых мы остановимся подробнее.

¹ Product Placement, киномерчандайзинг, кросс промоушн и их возможности: <http://productplacement.nm.ru/Basic/basic-promo1.htm> (дата обращения 26.04.2010).

1. Отражение образа автора

Иногда использование прагматонима в тексте произведения продиктовано личными вкусами автора. Так, Илья Стогов, который часто ведет повествование от первого лица, регулярно высказывает на страницах собственных произведений свои вкусы и предпочтения. Стогов очень часто упоминает такие фирмы, как «DrMartens» и «Левайс» не с целью рекламы, а просто потому, что он сам предпочитает тот или иной товар: «Я ношу “Доктор Мартинс” уже лет восемь, и за все время ни одни ботинки у меня так и не промокли... ошупью добравшись до кровати, я бросил на нее свой рюкзак. В нем лежали тишотки, плавки, шорты и два “Левайса” с пуговицами на ширинке... Нетрудно подсчитать: когда мне стукнет шестьдесят, “Левайсов” у меня будет четыре...» [4; 5].

Оксана Робски также демонстрирует свои предпочтения на страницах собственных произведений. Описывая свидание с молодым человеком, автор не упускает возможности заявить о своих вкусах: «Как ты относишься к «Chassagne-Montrachet Les Chaumees» 2000 года? От Olivier Leflaive? Я киваю. – Так я и думал, – говорит он. – Если у девушки есть вкус, он есть во всем» [6].

Данная функция прагматонимов в тексте художественного произведения тесно переплетается с другой функцией, рассматриваемой далее.

2. Характеристика внешнего вида и социального статуса героев

Задача автора художественного произведения – дать читателю возможность живо представить себе внешность героя, «проникнуть» в его личную жизнь, изучив его привычки и вкусы. В этом случае автор часто прибегает к использованию прагматонимов.

Оксана Робски, повествующая о светской жизни, очень часто подчеркивает внешность и социальный статус своих героев, употребляя названия известных всему миру брендов. Например, автор употребляет название сорта шампанского с целью характеристики социального статуса и состоятельности героя, при этом всемирно известный французский Дом Лоран-Перье с двухвековой историей вряд ли нуждается в рекламе в книге российской писательницы Оксаны Робски: «Молодой человек, – она удивленно поднимает брови, глядя на официанта, – вы все еще здесь? Шампанское «Laurent-Perrier Brut», наши вкусы не меняются!»... «Регина листает еженедельник, контролируя боковым зрением вход в зал, откуда

должен появиться официант с «Laurent-Perrier Brut». По 180 евро бутылка» [6].

Дарья Донцова на страницах своих детективов также подчеркивает социальный статус героев с помощью прагматонимов: «...возле ворот этих чудо-садилов плотной кучкой стоят джипы и «Мерседесы», из которых вылезают родители весьма характерного вида» [3].

Случаи включения прагматонима в текст художественного произведения с целью характеристики персонажей встречаются очень часто. По нашему мнению, это обусловлено тем, что автору необходимо максимально приблизить повествование к реальности, а сделать это, употребляя известные каждому названия брендов, очень просто.

Нами была отмечена еще одна функция прагматонимов, отличная от двух предыдущих по характеру называемых объектов – в данном случае автор активно использует названия предприятий сферы услуг.

3. Характеристика места действия

Данная функция прагматонимов заключается в создании исторического и национального колорита произведения, что является еще одним способом художественной характеристики, приближающей повествование к реальности. Многие авторы прибегают к данному приему с целью создать у читателя образ реально существующего, а возможно, и известного ему места. Дарья Донцова очень часто использует прагматонимы для создания исторического и национального колорита: «На какую-то секунду я приуныла, но тут же сообразила, как поступить. Велев шоферу разворачиваться, я доехала до «Дома книги» на Даниловской улице, влетела в зал и схватила невероятно дорогую, каменно-тяжелую книжищу «Все пистолеты мира». Теперь я была полностью готова к встрече с коллекционером» [3].

Как известно, основная масса романов И. Стогова написана о Петербурге, чтобы подчеркнуть особенный колорит этого города, автор часто использует названия различных заведений: «Если с Дворцовой площади пройти сквозь арку Главного штаба, а затем перейти Невский, то, чуть не доходя до китайского ресторанчика «Янь Дзяо», вы увидите ступени, ведущие вниз, в полуподвальное малоприметное заведение. Немногие знают, что там, внизу, расположен бар «Флибустьер» [4; 5].

Как мы видим из примеров, приведенных выше, помимо рекламной функции прагматонимом может являться компактным средством художест-

венной характеристики. Он обладает способностью на незначительном линейном отрезке текста характеризовать автора, героя, место повествования.

Библиографический список

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] // Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
 2. Разумов, Р. В. Рекламные имена и технология product placement в текстах массовой литературы

[Текст] / Р. В. Разумов // Человек в информационном пространстве: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. – Ярославль, 2005.
 3. Донцова, Д. Бенефис мартовской кошки [Текст] / Д. Донцова. – М.: Эксмо, 2006.
 4. Стогов, И. Мачо не плачут [Текст] / И. Стогов. – СПб.: Амфора, 2003.
 5. Стогов, И. Отвертка [Текст] / И. Стогов. – СПб.: Амфора, 2004.
 6. Робски, О. Casual-2: Пляска головой и ногами [Текст] / О. Робски. – М.: АСТ, 2007.

УДК 316.4

МОЛОДЕЖЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

А. М. Австрийсков

Автор обобщает основные проблемы молодежи в меняющемся обществе, а также формулирует последствия изменений в обществе для ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: молодежь, модернизация, социальные перемены, невостребованность образования, социализация личности, маргинализация, национальный конфликт, криминализация, безработица.

YOUNG PEOPLE IN CHANGING SOCIETIES

A. M. Avstrijskov

The author summarizes the main concerns of young people in changing societies, as well as makes the effects of changes in society for its further development.

Keywords: youth, modernization, social change, slack demand for education, socialization of the individual, marginalization, the national conflict, criminalization, unemployment.

Высокие темпы социальных перемен в наибольшей степени отражаются в социальном облике молодого поколения. Российская модернизация как глубинный, комплексный многоуровневый процесс трансформации экономической, социальной, правовой, политической, культурной и повседневной жизни имеет своеобразную многовековую историю. Модернизация без должной преемственности сохранения связей традиций и инноваций приводит к разбалансированности, возникновению парализующих факторов, усилению регресса, обострению социальных противоречий.

Последствия модернизации затрагивают каждого человека, все социальные слои, но в наибольшей мере они сказываются на молодежи. В условиях непрочности экономических реформ, преобразования ценностной системы общества молодым людям предстоит сделать жизненный выбор, усвоить определенную систему знаний, норм и ценностей, освоить социальный опыт и социальные роли, воспроизвести социальные связи [1. С. 184].

В ходе модернизации социум переживает сложную противоречивую эволюцию. Кардинальные перемены в экономике привели к беспрецедентному падению жизненного уровня населения, острой социальной дифференциации, изменению социального положения, статуса и роли общественных групп. Разрушена ценностная система общества. В обществе усугубляется положение, когда наличие образования не обеспечивает достойный жизненный уровень, не гарантирует стабильную работу и престиж. Усиливающаяся невостребованность образования и способностей человека приводит к девальвации идеи образования в сознании молодежи.

Обостряется проблема доступности образования. Сегодня стать высокообразованным человеком невозможно без сильной материальной поддержки. Расширяется сеть платной образовательной и профессиональной подготовки. Идет процесс селекции учащихся в общеобразовательные школы с углубленным изучением отдельных предметов, в гимназии, лицеи, а также в престижные кружки и секции внешкольных учреждений.

Но нередко это происходит не как отбор наиболее способных учащихся, а как состязание возможностей родителей [2. С. 73].

Деструктивные последствия модернизации, проявляющиеся в потере прежней роли системы образования в социализации личности, можно признать крайне опасным для будущего России. Утрата влияния системы образования на определенную часть молодежи восполняется через нетрадиционные каналы социализации, где молодые люди приобретают другие жизненные ориентации, овладевают навыками и умениями, позволяющими быстро «утвердиться» в жизни. С одной стороны, молодежь ищет себя в коммерции, торговле, бизнесе и очень редко – в производственной сфере, а с другой – наблюдается увеличение в молодежной среде прослойки ничем не занятых, маргиналов по определению. Маргинализация как социальный феномен проявляется целым рядом признаков. Наиболее существенным является импульсивное возрастание массы населения, не участвующей в производственном процессе, не выполняющей общественных функций, не обладающей социальным статусом и существующей на средства, которые либо добываются в обход общепринятых установлений, либо предоставляются из общественных фондов – во имя политической стабильности – имущими классами. Такая часть населения в современной специальной литературе называется маргинальной, т. е. находящейся на обочине социальной организации общества, процесс увеличения и объема влияния этой группы – маргинализацией [3. С. 126]. Для представителей этой группы характерны массовые антиобщественные проявления (агрессивность, эгоцентризм и т. п.), негативные психические состояния (беспокойство, стесненность и др.).

Молодежь по своей природе (в силу возрастного статуса, переходного социального состояния и т.п.) тяготеет к маргинальности. Но сегодня для очень большей части молодежи эта потенциальная возможность является жестко обусловленным, практически единственно возможным вариантом развития. Молодые люди решительно в своей основной массе вытесняются на задворки общества, лишаются будущего, перспективы [4. С. 68].

Процесс социальной адаптации молодежи, растущая безработица сказываются, прежде всего,

на тех, кто начинает свою трудовую деятельность. Гарантированное раньше право молодого человека на получение работы после окончания школы или другого учебного заведения сегодня утрачено. Первичная занятость молодежи становится острой проблемой. Констатируется ухудшение материального положения молодежи, достаточно типичное для маргинальных социальных групп.

Усиление маргинализации молодежи проявляется и в ее криминализации, в устойчивой тенденции к росту уголовной преступности среди молодых, ее профессионализации. Криминальный характер имеют и ориентации молодежного сознания. Маргинализация молодежи отчетливо проявляется и в отчуждении ее от государства и власти как чуждой силы, с которой не только надо иметь что-либо общее, но подчиняться ее воле. Отчуждение от государства молодежи имеет далеко идущие негативные последствия. В результате его не только ослабляется государственная власть. Молодежь утрачивает смысл и цель своего существования на территории Отечества, усиливается политическая адаптация и нарастает экстремизм [5. С. 32].

Межнациональные конфликты, политическая и экономическая нестабильность, низкий заработок, недостойные человека условия жизни часто являются причинами отъезда из нашей страны высокообразованной молодежи. Происходит истинная утечка интеллектуальной элиты. Реальная угроза массовой эмиграции молодежи может иметь трудно предсказуемые последствия для качества трудовых ресурсов. Растущее чувство обманутости, неправды, ненужности, чувство попусту растрченных сил лишили молодое поколение обязанности придерживаться общепринятых норм морали и этики.

Библиографический список

1. Молодежь в изменяющемся обществе [Текст]. – М.: Институт молодежи, 1992.
2. Быкова, С. Н. Молодежь России – между бедностью и нищетой [Текст] / С. Н. Быкова // Социологические исследования. – 1991. – № 9.
3. Стариков, А. Маргиналы [Текст] / А. Стариков // В человеческом измерении. – М.: Просвещение, 1989.
4. Цуккану, В. В. Куда уходит молодежь? [Текст] / В. В. Цуккану, С. Н. Сиволобов // Социологические исследования. – 1991.
5. Донченко, Е. А. Пассивность молодежи: зондаж проблемы [Текст] / Е. А. Донченко // Социологические исследования. – 1989. – № 8.

В аспирантуре Волгоградской академии государственной службы ведется подготовка по следующим научным специальностям:

- 08.00.01 Экономическая теория
- 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности в т. ч.: экономическая безопасность)
- 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит
- 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право
- 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
- 12.00.06 Природоресурсное право; аграрное право; экологическое право
- 19.00.05 Социальная психология
- 22.00.08 Социология управления
- 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

Срок обучения: очная форма – 3 года;
заочная форма – 4 года.

Документы принимаются с 25 августа по 10 сентября;
вступительные экзамены – с 12 по 28 сентября.

За информацией обращаться в **отдел аспирантуры:**
г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8, комн. 414.

Тел. 24-17-24

E-mail: aspirant@vags.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ (информационный обзор немецко-русской конференции «Вторая мировая война: немцы и русские 65 лет спустя»)

А. Л. Клейтман, Е. В. Тимачёва

WORLD WAR II IN MODERN HISTORIOGRAPHY AND PUBLIC THOUGHT OF RUSSIA AND GERMANY (Information Review of German and Russian Conference «World War II: the Russian and the German 65 Years Ago»)

A. L. Kleitman, E. V. Timacheva

В современных политических и культурных условиях тесное взаимодействие между историческими сообществами отдельных государств является одним из важнейших факторов поддержания мира и стабильности на международной арене. Как очевидно, интерпретация истории XX в., изобиловавшей войнами, политическими, идеологическими конфликтами, возможна только в режиме диалога между представителями стран и народов – бывших участников этих конфликтов, поскольку только в диалоге о прошлом вчерашние противники получают возможность выработать не вызывающий противоречий взгляд на их общую историю. Как представляется, страной, наиболее кардинально переосмыслившей свою историю XX столетия, и старающейся достичь взаимопонимания с другими государствами во взгляде на свое прошлое, сегодня является Германия. В тесном контакте и сотрудничестве с российскими авторами немецкие исследователи ведут разработку самого широкого круга научных проблем, однако, наиболее дискуссионной, вызывающей противоречивые оценки темой является история Второй мировой войны. Ежегодно при активном участии благотворительных фондов и научно-исследовательских организаций Германии как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в российских регионах проводятся научные конференции, посвященные данной проблематике.

В начале сентября 2010 г. в Волгоградской академии государственной службы была проведена немецко-русской конференция «Вторая мировая война: немцы и русские 65 лет спустя»,

в качестве организаторов которой, помимо академии, выступили администрация Волгоградской области, Фонд им. Конрада Аденауэра и Волгоградский государственный университет. На обсуждение участников конференции были вынесены проблемы истории Второй мировой войны, представляющие интерес в первую очередь для специалистов-историков, а также имеющие широкий общественный резонанс дискуссионные вопросы, связанные с сохранением памяти о войне и в немецком и в российском обществе, интерпретацией событий военной истории и конструированием образа войны в современной политике, литературе и искусстве.

Подобная проблематика выносится на совместное обсуждение российского и немецкого научного сообщества уже далеко не в первый раз. В последние пятнадцать–двадцать лет практически в каждый юбилей победы в Сталинградской битве и Великой Отечественной войне в Волгограде проводилась русско-немецкая конференция, участники которой обсуждали подобный круг вопросов. Однако, как очевидно, по количеству и научному уровню докладов, по интенсивности развернувшихся дискуссий последняя конференция существенно отличается от многих других подобных мероприятий, в последние годы проводившихся как в Волгограде, так и в России в целом.

Одной из причин того, что конференция стала заметным событием в отечественной научной жизни, является далеко незаурядный состав ее участников. В работе конференции приняли участие профессора Бернд Бонвеч и Николаус Кат-

цер, представляющие один из ведущих центров совместных российско-германских исторических исследований – Германский исторический институт в Москве, профессор Манфред Вильке из Института современной истории (Мюнхен), доктор Вольфганг Шмидт из Академии подготовки руководящего состава Бундесвера (Гамбург) и ряд других известных немецких исследователей. Существенно повысил статус конференции тот факт, что участие в ней приняли не только историки из Германии, но и ученые из других стран – Австрии (Штефан Карнер – руководитель Института исследования последствий войны им. Людвиг Бальтцмана и заместитель директора Института экономической и социальной истории университета г. Граца), США (проф. Йохан Хелльбек – Рутгерский университет, штат Нью-Джерси) и Канады (Елена Барабан – университет Манитоба). Российская историческая наука была представлена на конференции исследователями из Московского государственного университета (д-р ист. наук, проф. В. А. Сахаров, д-р ист. наук, проф. А. Ю. Ватлин), Ярославского государственного университета (д-р ист. наук, проф. М. Е. Ерин), Воронежского государственного университета (д-р ист. наук, проф. С. В. Кретинин), Архангельского государственного университета (канд. ист. наук, Р. Ю. Болдырев), Волгоградского государственного университета (д-р ист. наук, проф. С. Г. Сидоров, д-р ист. наук, проф. Н. Э. Вашкау) и ряда других музейных, образовательных и научно-исследовательских учреждений. Следует отметить, что в работе конференции не приняли участие многие исследователи юга России, занимающиеся изучением истории Второй мировой войны, которые могли бы существенно повлиять на ход развернувшихся дискуссий. Однако, ограничив количество отечественных исследователей, выступивших на конференции, организаторам удалось добиться того, что точка зрения немецких ученых была представлена также подробно и обстоятельно, как и позиция их российских коллег. Таким образом, несмотря на то, что конференция проводилась в одном из российских регионов, дискуссия между немецкими и российскими исследователями получилась равноправной, на ее ход не повлиял географический фактор – оказались представлены точки зрения исследователей из различных стран Европы и Америки, из различных российских научных и образовательных центров.

Важное место в работе конференции заняло обсуждение вопросов, связанных с конструированием образа врага в советской и фашистской пропаганде и формированием мировоззрения участников войны под ее влиянием. По мнению профессора Бернда Бонвеча, директора-основателя Германского исторического института в Москве,

именно фашистская пропаганда определила мировоззрение рядовых участников войны на восточном фронте, стала основной причиной их жестокости, проявлявшейся к противнику. М. Е. Ерин выразил согласие с мнением Б. Бонвеча и высказал предположение о том, что национал-социалистическая пропаганда повлияла не только на взгляды обычных людей на Советский союз, но и на мировоззрение политической элиты «Третьего рейха». В. Шмидт, используя обширные иллюстративные материалы времен Второй мировой войны, продемонстрировал, как в фашистской пропаганде рисовался образ отдельного русского человека и Советского государства в целом. С его выступлением тесно перекликался доклад А. Ю. Ватлина, который, в свою очередь, познакомил участников конференции с примерами советской изобразительной пропаганды, проследил основные пути ее развития.

Бурную дискуссию, продемонстрировавшую существующий огромный разрыв между российской и немецкой исторической наукой в оценке одних и тех же событий военного прошлого, вызвал доклад профессора С. В. Кретинина, в котором были высказаны традиционные для отечественной историографии идеи о том, что советские солдаты были солдатами – освободителями Европы и именно так их воспринимало население Германии, начиная с августа – сентября 1945 г. Ему возразили профессора М. Вильке и А. Баринг, отметившие, что с приходом советских войск в Германии установилась диктатура, которая продлилась гораздо дольше, была гораздо тяжелее и имела более негативные последствия для немецкого народа, чем режим Гитлера. А. М. Филитов также оспорил выводы С. В. Кретинина, отметив, что в последние месяцы войны в советской армии наблюдалось резкое падение дисциплины, от которого страдали не только немцы, но и русское население освобожденных от фашистов территорий. Профессор университета Манитобы (Канада) Е. Барабан фактически подвела итог дискуссии, отметив, что представители российской историографии следуют установившейся еще в Советское время парадигме и не могут перейти к переосмыслению событий войны и разделить для себя нарративы «освободители» и «преступники».

Существенную разницу в осмыслении истории Второй мировой войны, в той роли, которую играют события военной истории в формировании национальной идентичности современных немцев и россиян, продемонстрировали доклады последнего дня работы конференции – выступления директора НИИ общественных и гуманитарных наук ВАГС В. А. Пилипенко, доцента Архангельского государственного университета Р. Ю. Болдырева и профессора Бернда Бонвеча.

В. А. Пилипенко отметил огромное значение памяти о победе в Великой Отечественной войне в деле патриотического воспитания современной молодежи, высказался за необходимость борьбы с фальсификациями истории, которые, по его мнению, заключаются в попытках принизить заслугу советского народа в победе над фашизмом, доказать тождественность коммунистического и фашистского режимов, оправдать преступления, совершенные национал-социалистами в годы Второй мировой войны. Р. Ю. Болдырев в своем выступлении развил идеи В. А. Пилипенко, отметил, что в современной России события Великой Отечественной войны начинают предаваться несправедливому забвению, молодежь не знает о подвигах, совершенных советскими солдатами в борьбе против фашизма. С критическими замечаниями в адрес прозвучавших докладов выступил Бернд Бонвеч, подчеркнувший важность отрицательного опыта в формировании национальной идентичности, необходимость критически осмысливать события прошлого, а не только сохранять память о военных достижениях и победах.

Дискуссии, развернувшиеся на конференции «Вторая мировая война: немцы и русские 65 лет спустя», продемонстрировали, что события военной истории по-прежнему не утратили своей

актуальности, во многом продолжают определять мировоззрение, формировать идентичность современных немцев и россиян. К сожалению, до настоящего времени как русские, так и немцы не смогли прийти к единству в осмыслении ключевых вопросов истории Второй мировой войны. Хотя на научном уровне, на уровне историографии происходит постепенный отход от исторических концепций, сформировавшихся во время разделения всего мира на социалистический и капиталистический лагеря, на уровне глобальных исторических обобщений, на уровне общественного сознания как в России, так и в Германии представления периода «холодной войны» до настоящего времени полностью не изжили себя. Как очевидно, определение общего взгляда на историю, разрешение существующих противоречий между немецкими и российскими историками возможно только в режиме диалога, только в условиях открытой, свободной дискуссии. На наш взгляд, конференция «Вторая мировая война: немцы и русские 65 лет спустя» стала площадкой для проведения именно такого диалога, поддержание и развитие которого в будущем сможет привести Россию и Германию к более полному взаимопониманию и более тесному сотрудничеству.

Отдел внешних связей ФГОУ ВПО «ВАГС» предлагает всем желающим принять участие в конкурсах и грантах на обучение в Европе и США (ERASMUS MUNDUS, DAAD, FULBRIGHT и др.), а также долгосрочные и краткосрочные зарубежные стажировки по специальности и языковые курсы в ведущих учебных заведениях Германии, Франции и США.

Помощь в оформлении всех необходимых документов, покупка билетов.

Мы находимся: ул. Гагарина, д. 8, каб. № 213.

Наши контакты:

зав. отделом – *Тимачёва Елена Валерьевна*

Тел. 24-17-26

E-Mail: timacheva@vags.ru

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

БАРДАКОВ А. И. Власть и управление в формах коллективной жизни. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006. – 224 с.

Френсис Фукуяма, заявивший о себе в конце 80-х гг. прошлого столетия смелыми заявлениями о «конце истории», вынужден был впоследствии скорректировать свое утверждение о том, что либеральная демократия, воплощенная в политических и экономических институтах Запада, является венцом человеческой истории, а все остальное – это отклонения, несуразности, рано или поздно преодолимые. Не все так просто на самом деле, и современность привносит все новые и новые факты, свидетельствующие об этой непростоте. Наиболее распространенной формой интервенции западной культуры в другие регионы является навязывание либеральных, менеджеральных, моделей управления, посредством которых пытаются решить все социальные, экономические и экзистенциальные проблемы. Автор рецензируемой монографии, А. И. Бардаков, ставит своей задачей доказать, что история конкретных обществ изобилует примерами иных организационных практик и их экспликация будет полезна для понимания сути политических проблем современности.

Свой подход к исследованию обустройства коллективной жизни автор называет «антропологическим» и посвящает его обоснованию первую главу работы.

А. И. Бардаков считает, что одной из методологических ошибок при рассмотрении власти и управления является придание управлению статуса предельного феномена, тогда как правильнее было бы рассматривать его как одну из форм организации. Но исследование форм организации наталкивается на отсутствие концептуальных оснований и это служит оправданием актуальности рецензируемой монографии. В начале первой главы автор вводит и разъясняет ряд ключевых для своей концепции понятий («самоорганизация», «управление» и «самоуправление») и говорит о том, что успешному изучению классических форм организации препятствует абсолютизация одной из двух парадигм, определяющих со времен

Сократа понимание человека – этологической и социальной. Каждая из них влечет за собой определенную концепцию организации. А. И. Бардаков констатирует исчерпанность когнитивного ресурса этих подходов и настаивает на необходимости гуманистических методов познания. Для этого он считает необходимым доказать правомерность выделения человеческой формы бытия, наряду с биотической и социальной.

Далее обосновывается точка зрения, в соответствии с которой «естественное существо, социальное существо и человеческое существо имеют различные сущности». Несмотря на «избитость» проблемы человека для философии, она до сих пор не получила удовлетворительного разрешения и автор совершенно справедливо утверждает, что одной из причин этого можно считать социологизацию человеческой сущности. В то же время без прогресса в идентификации человека невозможно понимание и решение большинства социальных и политических проблем: «Уяснение сущности человека позволит наиболее адекватно определять формы организации его жизни, правильно определять направления его развития».

Рассматривая существовавшие в XIX–XX вв. интерпретации человеческой сущности, А. И. Бардаков констатирует, что в них, явно или скрыто, присутствует биологизация или социологизация человека. И только в русской философии XIX столетия мы впервые видим примеры иного, гуманистического подхода: Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, несмотря на присутствующий в их работах религиозный пафос, говорят о бездуховности и бесчеловечности социологической трактовки человека. В XX в. об этом больше всего и лучше всего писали структуралисты и автор правомерно упомянул в этой связи о М. Фуко и его роли в описании кризиса современного человека. Видимо, принимая во внимания притязания современной генетики на «исправление» человеческой природы, в работе специально говорится об опасности евгени-

ческих доктрин, популярных в начале прошлого столетия и оправдывающих инструментальное вторжение в человеческое естество.

Поскольку монография посвящена власти и управлению в различных формах коллективной жизни, автор приходит к предварительному выводу о том, что различная трактовка человеческой сущности проявляется и в различиях форм организации жизни индивидов. В частности, он обращает внимание на то, что важнейшим аспектом общественных качеств индивида является миф о вожде, преданность которому рассматривается как залог успешности функционирования социальной организации. Способы легитимации власти вождя могут быть различны, и автор призывает не отмахиваться от биологического подхода, представленного Э. Фроммом, К. Лоренцом и другими авторитетными мыслителями. В то же время устойчивая нервная система, которой отличаются вожди, присуща многим, но далеко не все становятся лидерами, поскольку, как отмечает А. И. Бардаков, находятся в различных общественных системах. Следовательно, не менее значимыми являются социальные детерминанты.

Ценными и актуальными нам представляются размышления автора по поводу изменившегося места политики в общественной жизни людей. Она постепенно утрачивает свою позитивную роль, которую играла в XIX в. и становится препятствием на пути дальнейшего прогресса. И причина этого, по мнению А. И. Бардакова, состоит в устаревшей трактовке человека как общественного индивида и как части биоты. Спасение видится в превращении общественного индивида в собственно человека и главным средством этой трансформации выступает культура.

Вторая глава посвящена анализу генезиса власти вождя в различных формах коллективности, начиная с первобытных обществ. Автор обращает особое внимание на точность используемой терминологии и, вводя для обозначения того или иного типа лидера новый термин и понятие, очень детально описывает его этимологию и смысловое содержание. На наш взгляд, материал этой главы интересен уже сам по себе, независимо от той роли, которую он играет в обосновании заявленных целей исследования, поскольку содержит в сконцентрированном виде понятийный материал, важный для уяснения современной политической лексики.

Рассматривая зарождение и эволюцию основных фигур-организаторов жизни в древних и средневековых обществах, А. И. Бардаков доказывает, что переход от характерных для древних народов форм самоорганизации к управлению посредством вождей обусловлен комплексом факторов – военных, хозяйственных, духовных, религиозных.

При этом длительное время вождем сообщества был военный лидер, что объясняется ролью военной составляющей в жизни древних обществ. В дальнейшем, по мере увеличения и усложнения социального пространства, становятся востребованными другие функции, что показано в разделах, посвященных фигурам басилевса, ванакта и в особенности – рекса. Автор демонстрирует сдержанное отношение к теориям «героической личности», утверждая, что даже такие исторические персонажи, как Цезарь и Август были рабами объективных обстоятельств, которые явились в конечном счете «... причиной окончательной “победы” управления над самоорганизацией».

Особый интерес представляют разделы, в которых природа и сущность деятельности вождя анализируется на материале русской истории. Автор утверждает, что к IX в. в союзе восточнославянских племен начал проявляться кризис самоорганизации, который и обусловил приглашение на княжение варягов. Но эти последние, по сути, были военными вождями, и даже в Киевской Руси времен ее расцвета великий князь (каган) реализовывал свои властные полномочия исключительно в военной области, а хозяйственная деятельность, духовная жизнь и родовая иерархия были самоорганизующимися сферами. А. И. Бардаков убедительно демонстрирует это с опорой на достаточное число работ авторитетных специалистов по древнерусской истории. Историческая аналогия власти кагана и имама Шамиля, которую проводит автор, хотя и интересна, но кажется нам натянутой, поскольку процедура выборов и легитимации первого и второго – различны. В то же время сравнительный анализ форм организации общественной жизни в восточных ханствах (на примере империй Ахеменидов и Чингисхана) и русских княжествах, полезен для тех, кто в настоящее время озабочен проблемой социального порядка в разнородных культурных средах. Восток действительно демонстрирует цивилизованный пример упорядочивания отношений между разнородными, самоорганизующимися сообществами и даже Чингисхан, вопреки мнению о нем как безжалостном тиране, не уничтожал вливающиеся в состав его империи этнические группы. А где многочисленные народы, жившие некогда на территориях нынешней Германии и Франции? Но и для восточных обществ, как показывает автор, характерно противостояние самоорганизации и управления, с возрастанием роли последнего.

В фигуре царя, утвердившейся во власти в XV–XVI вв., вождизм воплощается в полном объеме. Автор показывает, что формальные признаки вождя были присущи всем царям, но не все цари и правители в отечественной истории в дейст-

вительности оказались лидерами общества. И хотя логика развития форм организации ведет к постепенному исчезновению необходимости в вождях, современное российское общество, по мнению простых граждан и большинства политиков, нуждается в вожде, способном связать воедино интересы социальных групп общества и упорядочить отношения между этими группами и государством. Однако, несмотря на востребованность роли вождя в системе социальных координат, ценность его деятельности постепенно снижается, а возможности его властно-организационных функций существенно сокращаются.

В третьей главе работы автор анализирует деперсонализированные формы управления общественной жизнью, и особое внимание обращает на такую форму самоуправления, как местное самоуправление. Рассматривая причины кризиса власти, А. И. Бардаков опирается на авторитет таких мыслителей, как Ж. Бодрийар и Хосе Ортега-и-Гассет, которые описали феномен массовизации современного западного общества. Именно «молчание масс», их безразличие к тому, что делают политики, является наиболее существенной проблемой для демократии западного типа и для нарождающейся российской демократии. Как реакцию на этот кризис автор объясняет возрождение трайбализма, активность локальных общин в обустройстве жизни своих граждан, а также не всегда оправданные надежды на ресурсы гражданского общества. Мы добавили бы еще одну, характерную для современной западной мысли тенденцию – активную разработку теории и практики так называемого «хорошего общества» (Good society). А. Этциони, Р. Беллах и другие авторы настаивают на том, что принцип «ценностной нейтральности», которого придерживаются все ориентированные на либеральную модель управления политики, уже не встречает признания у людей, которые хотят посредством управления реализовывать свои представления о достойной жизни. Идея «хорошего общества» неизбежно возрождает дух общинности, коммунитарности, и мы рекомендуем автору обратить на это внимание.

Интерес представляют рассуждения автора о путях укрепления, а кое-где – и восстановления вертикали власти в современной России. При этом совершенно справедливо говорится о том, что совершенствование системы управления в рамках всего социального пространства невозможно без развития системы местного самоуправления. Но как это сделать? А. И. Бардаков делает вывод о том, что путь придания местным органам управления гарантированных законодательством

полномочий является бесперспективным. Самоуправление должно быть осознанным процессом, а это значит, что только через развитие сущностных сил человека возможен прогресс этой области.

Через всю монографию красной нитью проходит мысль о том, что коллективные формы жизни соотносимы не только с естественными и социальными, но и человеческими (культурными) качествами людей. Поэтому антропология рассматривается автором как одна из немногих теоретических возможностей вскрыть новые для человека горизонты его развития.

Вывод: Монография А. И. Бардакова «Власть и управление в формах коллективной мысли» посвящена актуальной в теоретическом и практическом отношении проблеме организации социального порядка в различных формах совместной жизнедеятельности людей. Автором разработана и реализована оригинальная концепция человека как единства биотической, социальной и собственно человеческой составляющей, а эволюция форм управления представлена как движение от самоорганизации через управление к самоуправлению. В работе используется обширный историко-лингвистический материал, проведен тщательный анализ терминов и понятий, посредством которых концептуализируются основные субъекты – носители власти в различные исторические эпохи.

Работа представляет практическую и теоретическую ценность. Идеи и выводы, к которым пришел автор в ходе исследования, могут быть использованы специалистами, занятыми реформированием системы государственного и общественного управления и самоуправления. Материал монографии может также составить основу специального теоретического курса для студентов и аспирантов, обучающихся по управленческим специальностям.

С. Г. Чукин

*д-р филос. наук, проф. кафедры
гуманитарных и социальных наук
Санкт-Петербургского
военного института ВВ МВД России*

ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ

ПЕРЕРВА Е. В. Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология). – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 208 с.

Представленная коллективом авторов монография – это подробная публикация археологических и антропологических материалов, полученных вследствие раскопок грунтового могильника «Вакуровский бугор-1» эпохи Золотой Орды. Авторы работы М. А. Балабанова, Е. Г. Зубарева, Д. В. Кутуков и Е. В. Перерва – профессиональные археологи и антропологи, имеющие серьезный опыт работы в этой области, поэтому книга рассчитана в первую очередь на специалистов-археологов и антропологов, занимающихся соответствующим историческим периодом. Ответственный редактор этого труда Е. В. Перерва.

Саму монографию можно условно разделить на две части. В первых двух главах книги, написанных археологом Д. В. Кутуковым, приводятся описания погребений из разных участков могильника с подробным сопроводительным обоснованием положения каждого погребенного, наличия/отсутствия артефактов и соотношением этого погребения с исторической эпохой. Представленные чертежи и фотографии погребений, фотографии обнаруженных в могилах артефактов вынесены в соответствующее Приложение, находящееся в конце двух глав, т. е. завершающее условно выделенный археологический раздел книги. Качество прорисовок и фотографий отвечает современным требованиям. По этому разделу нет никаких замечаний.

Вторая часть книги (главы III и IV), написанная М. А. Балабановой, Е. Г. Зубаревой и Е. В. Перервой, представляет собой результаты антропологического анализа в комплексном виде с применением различных методов: биометрии, морфологии и палеопатологии. Наполнение каждой главы по структуре подачи материалов совпадает с главами по археологии. Это большой плюс для работы с источником.

Антропологи дают возможность читателю подробно ознакомиться с сохранностью материала, получить четко аргументированную оценку пола и возраста индивида из каждого погребения в отдельности; исчерпывающую характеристику по морфологии черепа и скелета, включая краниологию, пропорции скелета, генетически наследуемые признаки и патологии. Такие развернутые работы, к сожалению, достаточно редки в наше время, хотя традиции подачи материалов раскопок в таком исчерпывающем виде были заложены в отечественной науке еще в прошлом веке.

Эта часть монографии привлекает специалистов-антропологов и за счет богато иллюстрированного материала в Приложении. Фотографии отражают многочисленные и разнообразные по сути патологии и костные аномалии. Качество подачи патологий на высоком уровне. Такая публикация может служить источником для других специалистов-палеопатологов, занимающихся дифференциальной диагностикой костных патологий. Эта часть книги не может получить каких-либо принципиальных замечаний.

При очевидных плюсах книги есть лишь одно замечание редакторского плана. Текст обращения главного редактора не отражен в оглавлении книги, поэтому выглядит неожиданно для читателя, предварительно познакомившегося с оглавлением книги. Эта техническая деталь ни в коей мере не влияет на высокую оценку самой монографии, и, вероятно, в процессе верстки может быть устранена. Рекомендую книгу к публикации, она одинаково будет интересна как специалистам-археологам, так и специалистам-антропологам.

А. П. Бужилова

*член-корр. РАН, д-р ист. наук,
директор НИИ и Музея антропологии
МГУ им. М. В. Ломоносова*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Австрийсков Александр Михайлович* – ст. преподаватель кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **avstriskov@rambler.ru**
- Алтунина Екатерина Сергеевна* – практикующий специалист, контактная информация: **8 905 390 0993**
- Бардаков Алексей Иванович* – д-р полит. наук, проф. кафедры истории и теории политики, доцент ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **bardakov@mail.ru**
- Бужилова Александра Петровна* – член-корр. РАН, д-р ист. наук, директор НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова, контактная информация: **albu_pa@mail.ru**
- Гермаиш Татьяна Александровна* – аспирант кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **perova-tatyana14@mail.ru**
- Данакари Ричард Арами* – д-р филос. наук, доцент, проф. кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **rdanakari@mail.ru**
- Евдокимцев Дмитрий Владимирович* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии, ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **evdokimzevd@yandex.ru**
- Иванова Людмила Леонидовна* – канд. полит. наук, доцент СКАГС (Ростов-на-Дону), контактная информация: **nir@skags.ru**
- Клейтман Александр Леонидович* – канд. ист. наук, главный специалист-аналитик отдела науки ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **malk@k.ru**
- Клейтман Анастасия Юрьевна* – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры теории и истории культуры ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет», контактная информация: **malk@k.ru**
- Колесников Вячеслав Александрович* – д-р полит. наук, доцент, зав. кафедрой истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **kolesnikov-vags@mail.ru**
- Корникова Аделя Ильдаровна* – студент Астраханского филиала ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **adelkor@rambler.ru**
- Крапивенский Анатолий Соломонович* – соискатель кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **krapivensky@rambler.ru**
- Крутова Виолетта Владимировна* – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии, контактная информация: **kruvio@yandex.ru**
- Лагутин Сергей Геннадьевич* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **lagetin-vags@mail.ru**

- Одинцов Александр Владимирович** – канд. социол. наук, преподаватель кафедры философии и культурологии ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: **yugrasil@yandex.ru**
- Поломоинов Андрей Федорович** – д-р филос. наук, доцент, Донской государственной аграрный университет,
контактная информация: **palf@mail.ru**
- Поломоинов Платон Андреевич** – канд. филос. наук, Донской государственной аграрный университет,
контактная информация: **palf@mail.ru**
- Разгонникова Наталья Владимировна** – канд. социол. наук, ассистент факультета ГМУ Астраханского филиала ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: **razgonnikova@rambler.ru**
- Сабуров Алексей Евгеньевич** – аспирант, Поволжская академия государственной службы,
контактная информация: **uprnauka@pags.ru**
- Тимачёва Елена Валерьевна** – зав. отделом внешних связей,
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: **timacheva@vags.ru**
- Чукин Сергей Георгиевич** – д-р филос. наук, проф. кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России,
контактная информация: **chukin_sergei@hotmail.com**
- Шведова Нелли Леонидовна** – аспирант кафедры языкознания,
ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет»,
контактная информация: **Nellie_shvedova@mail.ru**
- Яковлева Татьяна Николаевна** – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии,
ГОУ ВПО «Астраханский государственный университет»,
контактная информация: **markus2000@bk.ru**

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статья, предназначенная для журнала, должна сопровождаться представлением от учреждения, в котором выполнена работа, и подписана авторами.

2. К статье прилагаются на отдельном листе:

- сведения об авторах на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, телефоны. Если авторов несколько, указать, с кем вести переписку);
- аннотация на русском и английском языках (2–3 предложения);
- название статьи и фамилии авторов на английском языке;
- индекс УДК;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–8).

3. Объем статьи должен быть не более 8 страниц машинописного текста, включая список литературы (не больше 10 источников), таблицы и рисунки (не более 5).

4. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора.

Авторы высылают в редакцию 2 экземпляра статьи и *полностью идентичный* вариант на диске. На одном диске располагается *только одна* статья. Статья должна быть оформленной в формате *Microsoft Word 97–2003, 2007* через 1,5 интервала, шрифтом *Times New Roman* размером 14 *пт*. Поля со всех сторон – 2,5 см. Использование любых других шрифтов возможно только в виде исключения, если они внесены в код файла. Не следует использовать знаки принудительного переноса и дополнительных пробелов. Векторные величины выделяются полужирным шрифтом.

5. Для записи формул применять только редактор формул *Equation 3.0*. При этом формула должна помещаться только на половине строки. Большие формулы необходимо разбить на несколько строк. Запрещается масштабировать формулы. При наборе формул необходимо придерживаться параметров по умолчанию. Формулы не должны включать в состав знаки пунктуации и нумерацию.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться. Нумеруются только те формулы, на которые имеются ссылки. Нумерация формул должна быть сквозная по всей статье.

Таблицы должны иметь заголовки; в них допускаются только общепринятые сокращения.

Размер рисунков по ширине рекомендуется не более 15–17 см. Рисунки, графики и схемы делаются как сгруппированный объект. Все подписи оформляются как отдельно набранный текст, не входящий в границы объекта, в тексте статьи обязательно дают ссылку на каждый рисунок.

Рисунки и графики должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, и быть пригодными для прямого воспроизведения.

Единицы измерения следует давать в соответствии с Международной системой (СИ).

6. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные материалы. Подстрочные ссылки и ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Ссылки на иностранные источники даются на языке оригинала, а в случае перевода на русский язык с указанием на перевод.

7. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.01-2003, 7.05-2008.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
№2/4/ 2010**

Серия «Политология и социология»

Редактор *Е. И. Кагальницкая*

Компьютерная верстка *Е. Е. Таракановой*

Директор издательства *Е. И. Башилов*

Свидетельство ПИ №ФС77-34687 от 23.12.2008.

Подписано в печать 29.03.2010. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. 13,95 л. Уч.-изд. 12,6 л.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

vestnik_polit@vags.ru

Издательство ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.